Дж. П.
Делейни

Автор бестселлеров
по версии The New York Times
и The Sunday Times

ВЕРЬ МНЕ

«Мрачный и запоминающийся триллер... Пробуждает противоречивые эмоции, никогда не догадаешься, что произойдет дальше. Превосходно».

Daily Mail

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Annotation

Клэр Райт в отчаянии. Она изучает актерское мастерство в Нью-Йорке и в отсутствие грин-карты берется за единственную работу, которую может получить, – быть «приманкой» для неверных мужей в барах, работая на адвокатскую контору, специализирующуюся на разводах.

Но однажды правила игры меняются.

Муж клиентки становится подозреваемым в жестоком убийстве жены, и полиция просит Клэр использовать свои актерские таланты, чтобы под руководством изощренного полицейского психолога выудить признание у подозреваемого.

С самого начала Клэр сомневается в виновности Патрика Фоглера. Но не является ли ее растущая уверенность в его невиновности признаком того, что она слишком глубоко вжилась в свою роль, – а может, это полиция совершает ужасную ошибку?

Она понимает, что влюбляется в свою «цель», и начинает задаваться вопросом: кто же в действительности из них двоих «приманка», а кто – жертва?

Вскоре Клэр осознает, что играет самую смертельную роль в своей жизни.

Дж. П. Делейни
Верь мне

Майклу

Ты играешь своими шрамами.

Шелли Уинтерс

Ни один человек не может так долго быть двуликим: иметь одно лицо для себя, а другое – для толпы; в конце концов он сам перестанет понимать, какое из них подлинное[1].

Натаниэль Готорн, «Алая буква»

JP Delaney
BELIEVE ME

Серия «Новый мировой триллер»

Перевод выходит с разрешения Ballantine Books, импринта издательства Random House, подразделения Penguin Random House LLC

Перевод с английского *Артема Пудова*

Пролог

В день отъезда гостям следует освободить номер до полудня.

К одиннадцати часам шестой этаж отеля «Лексингтон» почти опустел. Это центр Манхэттена, где даже туристы находятся под гнетом расписания галерей, универмагов и достопримечательностей. Все, кто спит допоздна, просыпаются от шума горничных, болтающих друг с другом на испанском. Они приходят и уходят из прачечной рядом с лифтом, готовят комнаты к очередному наплыву сегодня днем.

Разбросанные по коридору подносы с завтраком указывают, какие комнаты должны быть убраны.

За дверью номера на террасе подноса нет.

Утром в каждый номер доставляют экземпляр «Нью-Йорк Таймс» с приветствиями от администрации отеля.

На террасе приветствие отвергнуто. Нетронутая газета лежит на коврике, а табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ» висит над ним на ручке.

Консуэла Альварес оставляет террасу напоследок. В конце концов, когда все остальные комнаты убраны, она больше не может тянуть. Женщина морщится от боли в пояснице: этим утром она уже сменила кучу комплектов белья и вымыла дюжину душевых кабинок. Консуэла стучит в дверь пропуском, произносит: «Горничная», – и ждет ответа.

Ответа нет.

Первое, что женщина замечает, входя, – холод: сквозь шторы задувает ледяной ветер. Она неодобрительно что-то бормочет, подходит к окну и дергает за шнур.

Комнату заливает серый свет.

В номере бардак. Она слегка демонстративно захлопывает окно. Человек в постели не шевелится.

– Пожалуйста… просыпайтесь, – произносит Консуэла смущенно.

Простыни натянуты постояльцу прямо на лицо. Контуры тела сглажены, словно погребены под снегом.

При взгляде на осколки опрокинутой лампы и разбитого бокала Консуэлу внезапно охватывает дурное предчувствие. В прошлом году на втором этаже произошло самоубийство. Неудавшийся бизнес. У молодого человека была передозировка в ванной. Все номера были забронированы, а от них требовалось к пяти убрать и подготовить номер для следующего жильца. Сегодня на террасе она тоже увидела нечто необычное, даже

странное. Кто ложится спать, оставляя на ковре осколки стекла, на которые рискуешь наступить на следующий день? Кто спит, укрывшись простыней с головой? Консуэла повидала много гостиничных номеров, и сцена, возникшая перед ней, кажется какой-то неестественной.

Даже нарочитой.

Консуэла крестится. Нервничая, кладет руку на покрывало туда, где должно быть плечо, и трясет его.

Через мгновение под ее рукой на белом полотне простыни расплывается красный цветок.

Женщина знает: сейчас что-то происходит не так, творится что-то очень плохое. Консуэла снова касается покрывала, на этот раз нажимая одним пальцем. Снова, как чернила, растекающиеся по папиросной бумаге, на простыне возникает красный лепесток.

Консуэла собирает все свое мужество и левой рукой откидывает одеяло.

Еще до того, как она осознает, что именно увидела, ее рука непроизвольно тянется вверх, чтобы снова перекреститься. Но теперь она замирает на полпути, так и не достигнув лба, и, дрожа, зажимает рот, откуда вырывается пронзительный крик.

Часть первая

Пятью днями раньше

1

Мой друг еще не пришел.

Вот что вы подумали бы, увидев меня здесь, сидящей в баре корпоративного нью-йоркского отеля, в попытках помочь моей Деве Марии продержаться весь вечер. Просто еще одна молодая профессионалка, ждущая своего кавалера. Может, чуть более нарядная, чем некоторые из здешних женщин. Я не выглядела, как будто только что из офиса.

На другом конце бара компания молодых людей пьет и шутит. Они толкают друг друга в плечо – хотят доказать свою точку зрения. Один из них – симпатичный, элегантно одетый, спортивный – привлекает мое внимание. Он улыбается. Я отворачиваюсь.

Вскоре в конце зала освобождается столик. Я беру стакан и сажусь за него. Тут внезапно разворачивается следующая сценка:

Нью-Йорк, 44-я западная улица, бар отеля «Дельтон», ночь.

Мужчина
(агрессивно)
Простите?

Передо мной стоит некто. Бизнесмен лет сорока пяти, в дорогом костюме повседневного кроя, наводящем на мысль, что мужчина не просто обычный исполнительный трутень. На воротник ниспадают волосы, несколько длинноватые для Уолл-стрит.

Он зол. *Очень* зол.

Я
Да?

Мужчина
Это *мой* столик. Я отходил в туалет.

Он показывает на ноутбук, выпивку и журнал, которые я каким-то образом умудрилась не заметить.

Мужчина
Это *мой* напиток. *Мои* вещи. Ясно ведь, что столик занят.

Люди поворачиваются в нашу сторону, но ни конфликта, ни типичного нью-йоркского напряжения не будет. Я уже поднимаюсь, закидываю сумку на плечо. Обстановка разряжена.

Я
Извините, я не поняла. Найду другое место.

Я делаю шаг назад и беспомощно оглядываюсь по сторонам, но все места, включая мое предыдущее, уже заняты. Больше некуда садиться. Краем глаза чувствую, как незнакомец окидывает меня взглядом, пробегает глазами по дорогому жакету Джесс от Донны Каран, который она держит для прослушиваний, по мягкому темному кашемиру, оттеняющему мою бледную кожу и темные волосы. Мужчина осознает, какую глупую ошибку он совершает.

Мужчина
Подождите… Я думаю, мы могли бы сесть вместе.

Он указывает на стол.

Мужчина
Здесь есть место для нас обоих. Я как раз заканчивал работу.

Я
(благодарно улыбаясь)
О, спасибо.

Я кладу сумку на место и сажусь. На какое-то время воцаряется тишина, и я стараюсь ее не нарушать. Теперь его очередь.

Конечно, когда мужчина снова начинает говорить, его голос слегка меняется – он становится более хриплым и густым. Меняются ли женские голоса подобным образом? Я должна как-нибудь с этим

поэкспериментировать.

Мужчина

Вы кого-то ждете? Держу пари, его задержал снег. Вот почему я остаюсь еще на одну ночь – в Ла Гардиа полнейший хаос.

Я улыбаюсь про себя, потому что это на самом деле довольно мило: он пытается выяснить, кого я жду, мужчину или женщину, и в то же время показывает мне, что он здесь один.

Я

Думаю, я могла бы провести здесь некоторое время.

Он кивает на мой опустевший стакан.

Мужчина

В таком случае, могу я предложить вам еще? Кстати, меня зовут Рик.

Из всех баров во всех городах мира…[2]

Я

Спасибо, Рик. С удовольствием выпью мартини. Я – Клэр.

Рик

Рад познакомиться, Клэр. Извините за то, что сейчас произошло.

Я

Да нет, это моя ошибка.

Я говорю так беспечно, с такой явной благодарностью, что сама удивилась бы, узнав, что это ложь.

Но это не ложь, а *искреннее поведение в воображаемых обстоятельствах*. Что, как вы потом увидите, совсем другое.

Официантка принимает заказ. Когда она отходит, мужчина за соседним столиком наклоняется к ней и начинает возмущаться из-за забытого заказа. Я смотрю, как она угрюмо вытаскивает ручку из-за уха, словно может вынуть слова изо рта у клиента и стряхнуть их на пол.

Думаю, *мне бы тоже это пригодилось*. Я прячу это где-то глубоко внутри и сосредотачиваюсь на человеке напротив.

Я
Что привело вас в Нью-Йорк?

Рик
Работа. Я адвокат.

Я
Не верю.

Рик выглядит озадаченным.

Рик
Почему же?

Я
Все адвокаты, которых я встречала, неприглядные и скучные.

Он отвечает на мою улыбку.

Рик
Я работаю в музыкальном бизнесе. В Сиэтле. Нам нравится думать, что у нас чуть более захватывающая профессия, чем у среднестатистического адвоката по уголовным делам. А что насчет вас?

Я
Чем зарабатываю на жизнь? Или считаю ли свою профессию увлекательной?

К нашему обоюдному удивлению, сейчас мы немного флиртуем.

Рик
И то, и другое.

Я киваю на удаляющуюся официантку.

Я
Ну, раньше я занималась тем же, чем и она.

Рик
До какого момента?

Я
Пока не поняла, что есть более интересные способы оплаты съемного жилья.

Легкая, почти неощутимая тишина, когда зарождается идея, почти всегда заметная в чужих глазах. Мужчина перебирает в уме возможные значения сказанного мной. Пока не решает, что чересчур зациклился.

Рик
А откуда вы, Клэр? Я пытаюсь определить акцент.

Виргиния, черт тебя побери. Отсюда и то, как я рифмовала «закон» в «адвокате» с «парнем»[3].

Я
Я оттуда… откуда вы захотите.

Он улыбнулся по-волчьи и нетерпеливо, что лишь доказывало – *я была права*.

Рик
Оттуда я девушек никогда раньше не встречал.

Я
А вы встречались со многими девушками, верно?

Рик
В командировках я действительно получаю, скажем так, некоторую долю удовольствия.

Я
Перед тем, как улетите к жене и детям в Сиэтл.

Рик хмурится.

Рик

Почему вы думаете, что я женат?

Я
(ободряюще)
Это те, за кем я обычно охочусь. Те, кто умеют веселиться.

Теперь Рик уже уверен, но не торопится. Мы потягиваем напитки, и он рассказывает мне о своих клиентах в Сиэтле – о знаменитом кумире подростков, любящем несовершеннолетних девочек, и мачо – звезде тяжелого металла. Он гей, но не может признаться в этом. Он рассказывает, делая явный акцент на том, сколько денег можно заработать в его профессии. Контракты составляются для тех, кто по своему темпераменту вряд ли будет их соблюдать. Им требуются услуги таких людей, как Рик – и для заключения договора, и для его последующего расторжения. И наконец, когда на меня производят должное впечатление слова нового знакомого, он предлагает, поскольку мой друг, очевидно, уже не придет, перейти в какое-нибудь другое место, ресторан или клуб – как мне больше нравится.

Рик
(мягко)
Мы могли бы просто заказать обслуживание номеров. Я останусь наверху.

Я
Это может быть дорого.

Рик
Как хочешь. Выбирай. Бутылка шампанского, икра…

Я
Я имею в виду – обслуживание номеров может быть дорогим… когда я берусь за дело.

Теперь все по-честному. Только не реагируй на только что сказанное, не улыбайся и не отводи взгляд. Ничего страшного. Ты постоянно так делаешь.

Просто не обращай внимания на стук в груди, на тошноту.

Рик удовлетворенно кивает.

Рик
Я тут не один по работе, верно?

Я
Ты меня раскусил, Рик.

Рик
Если ты не возражаешь, Клэр, я скажу – ты не из таких.

Пришло время признаться.

Я
Просто я…

Рик
Чем же ты занимаешься?

Я
Я из тех, кто приходит сюда ради бесплатных курсов актерского мастерства. Каждые пару месяцев я хожу сюда, веселюсь… И проблема сама собой исчезает.

На другой стороне холла регистрируется семья. Маленькая девочка лет шести, одетая для поездки в город в пальто, вязаную шапочку и шарф, хочет увидеть, что происходит за стойкой портье. Отец поднимает дочку, ставит ногами на ее чемодан с изображением слона, и она восторженно растягивается на стойке, пока менеджер выдает карточки с ключами. Одну из них он с улыбкой вручает девочке. Мужчина покровительственно придерживает рукой спину ребенка, чтобы девочка не соскользнула.

Я чувствую знакомый укол зависти и боли.

Выталкиваю лишние мысли из головы и возвращаюсь к разговору с Риком. Он наклонился вперед. Его голос стал тише, глаза заблестели.

Рик
И насколько же ты готова повеселиться сегодня вечером, Клэр?

Я
Думаю, это можно обсудить.

Рик улыбается. Он адвокат. Переговоры – часть игры.

Рик
Скажем, триста?

Я
Столько берут в Сиэтле?

Рик
Поверь мне, в Сиэтле за это платят много.

Я
Во сколько тебе обошлась твоя самая дорогая женщина, Рик?

Рик
Пятьсот, но это было…

Я
(перебивая)
Сумма удваивается.

Рик
(ошеломленно)

Ты серьезно?

Я
Да, конечно. Я ведь обычная девушка, которая всего лишь хочет повеселиться, и поэтому стою тысячу долларов, однако, если ты передумал…

Я нарочито небрежно тянусь за сумкой. Надеюсь, Рик не заметит, как дрожит моя рука.

Рик
Нет, подожди-ка… Тысяча. Хорошо!

Я

Номер комнаты?

Рик
Восемь четырнадцать.

Я
Я постучу в дверь через пять минут. Только не смотри консьержу в глаза.

Он встает.

Рик
(восхищенно)
Трюк со столом был весьма ловким. Ты забрала меня прямо перед носом бармена.

Я
Ты должен сам этому научиться. Тогда-то и получишь удовольствие.

Рик доходит до лифта и оглядывается. Я киваю ему и незаметно улыбаюсь.

Улыбка на моем лице исчезает, как только захлопывающиеся двери скрывают меня. Я беру сумку и иду к выходу.

Исчезаю.

Снаружи наконец-то перестал идти снег, пожарные гидранты, стоящие вдоль тротуара, одеты в белые снежные парики. Чуть дальше по улице меня ждет черный лимузин с выключенными фарами и работающим двигателем. Я открываю заднюю дверцу и сажусь.

Жене Рика около сорока пяти. Она выглядит утомленно, но дорого. Это наводит на мысль, что когда-то она сама была на музыкальной сцене – еще до того, как начала устраивать деловые обеды Рика и рожать детей. Она сидит на заднем сиденье рядом с Генри и дрожит, несмотря на теплый воздух, хлещущий из обогревателей.

– Все в порядке? – тихо спрашивает Генри.

– Да, – говорю я и вытаскиваю из сумки маленькую видеокамеру.

Мой вирджинский акцент пропадает. С обычным британским выговором кидаю реплику его жене:

– Послушайте, я скажу то, что всегда говорю в таких ситуациях, а

именно – вам необязательно смотреть это. Вы можете просто пойти домой и попытаться все уладить.

Жена Рика произносит то же самое, что и все остальные женщины до нее:

– Я хочу знать.

Я протягиваю ей фотоаппарат.

– Как выяснилось, он регулярно пользуется услугами проституток, причем не только во время командировок. Рик сказал, что платит до пятисот долларов в Сиэтле, и только что предложил мне тысячу.

Глаза женщины наполнились слезами.

– Боже. Боже.

– Мне очень жаль, – неловко говорю я. – Рик ждет меня в номере восемьсот четырнадцать, если хотите, то пойдите и поговорите с ним.

В глазах жены не только слезы, но и гневный огонь. *Запомни этот момент*.

– Я, конечно, поговорю с адвокатом, но это будет специалист по разводам, а вовсе не мой муж.

Женщина поворачивается к Генри:

– Я бы хотела уехать.

– Конечно, – спокойно отвечает тот.

Когда мы выходим из машины, Генри садится за руль, а я иду дальше по своим делам; он незаметно передает мне конверт.

Четыреста долларов. Неплохо для вечерней подработки.

В конце концов, Рик был подонком. От него у меня мурашки бежали по коже. Высокомерный и агрессивный. К тому же обманщик. Он заслуживает всех обвинений, которые жена собирается в него бросить.

Так почему же, когда лимузин уезжает по грязному серому снегу, я чувствую себя мерзко и отвратительно от всего мною содеянного?

2

Теперь вам интересно, кто я на самом деле и что делаю здесь, в Нью-Йорке. Другими словами, моя биография.

Имя: Клэр Райт
Возраст: 25 (может играть 20–30-летних)
Рост: 1,7 м.
Национальность: британка

Цвет глаз: карий
Цвет волос: меняется

Таковы факты, но на самом деле не они вас интересуют. Вы хотите знать, чего я *хочу.* Это правило номер один, день первый, первое, что вы узнаете: *именно желания определяют вас как личность.*

Я говорила Рику правду – по крайней мере часть правды. Я хочу становиться другими людьми. И никогда не хотела ничего другого.

В любом списке десяти лучших актерских школ мира около половины будут в Нью-Йорке: Джульярд, Тиш, «Театр по соседству» и так далее. Все учат вариациям одного и того же подхода, основанного на идеях великого русского режиссера Константина Станиславского. Речь идет о погружении себя в часть чужой истины до тех пор, пока она не станет частью вас.

В нью-йоркских школах актерского мастерства актеров не учат *играть*. Там учат *становиться другим.*

Если вам посчастливилось пройти первый тур и быть приглашенным в Нью-Йорк на прослушивание; если вам посчастливилось получить место; если актерская игра была всей вашей жизнью с тех пор, как вам исполнилось одиннадцать (маленькая девочка, убегающая от однообразия унылых приемных семей, притворяясь кем-то другим), тогда вы один из тысячи и были бы безумцем, если бы не приняли это.

Я импульсивно подала заявление на курс актерской студии. Там училась Мэрилин Монро, которая тоже выросла в приемной семье. Я прослушивалась со странным убеждением, что это должно было произойти, и приняла итог в мгновение ока.

Они даже назначили мне стипендию, которая покрывала часть платы за обучение, но не компенсировала расходы на проживание в одном из самых дорогих городов мира.

Согласно условиям студенческой визы, я могу работать, если моя работа находится в кампусе. *Кампусом* служил университет Пейс – тесный современный квартал, примыкавший к Ратуше и Бруклинскому мосту. Там было не так уж много возможностей для неполной занятости.

Мне удалось устроиться официанткой в бар «Адская кухня». Я бегала туда три раза в неделю после занятий, но у владельца был бесконечный запас молодых женщин на выбор, и он не считал нужным слишком долго оставлять их на работе. Если налоговая или иммиграционная служба начнут проверку, он всегда сможет заявить, что их бланки были отправлены по почте. Через два месяца владелец весьма недоброжелательно сообщил мне, что пришло время убираться восвояси.

Один из моих преподавателей, Пол, предложил мне поговорить с его знакомым агентом. Я нашла его по адресу – узкий дверной проем в довоенном квартале, испещренном пожарными лестницами, в самом конце 43-й улицы, и поднялась по лестнице на третий этаж в самый крошечный офис из всех, где мне приходилось бывать. Все поверхности были завалены фотографиями, сценариями и контрактами. В первой комнате по обе стороны от тесного письменного стола сидели два ассистента. Мое имя прозвучало вторым по счету. За другим столом сидела маленькая женщина. Она гремела огромными пластиковыми украшениями. В руке она держала резюме, которое читала вслух, одновременно приглашая меня сесть по другую сторону стола.

Офис нью-йоркского агента, день.

Марси Мэтьюс, нью-йоркский агент, известная своей жесткостью, читает мое резюме.

Марси

Театральная школа. Лондонская Школа драматического искусства – один год. Съемки в массовке на телевидении. Пара европейских арт-хаусных фильмов, которые так и не вышли в прокат.

Она отбрасывает резюме в сторону и критически смотрит на меня.

Марси

Но в целом вы хорошенькая. Не красавица, но изобразить сможете, а Пол Льюис вообще говорит, что у вас талант.

Я

(довольна, но стараюсь быть скромной)

Он такой замечательный преподаватель.

Марси

(перебивает)

Но представлять ваши интересы я не могу.

Я

Почему?

Марси

У вас нет грин-карты. Значит, вы не член профсоюза. Следовательно, никакой работы.

Я

Но ведь должна быть хоть *какая-то* работа, которую я смогла бы выполнять?

Марси

Конечно. Вы можете вернуться в Англию и подать заявку на грин-карту.

Я

Я… не могу этого сделать.

Марси

Почему нет?

Я

Это сложно.

Марси

Нет. Мне это более чем знакомо.

Она достает электронную сигарету и включает ее.

Марси

Я написала паре коллег в Лондон о вас, Клэр. Знаете, что они сказали?

Я

(с несчастным видом)

Догадываюсь.

Марси

Самый положительный отзыв о вас был – «немного напряжена». В основном они советовали держаться от вас подальше. Когда же я углубилась в вашу историю, там продолжало всплывать слово «смятение».

Она поднимает брови.

Марси
Не хотите ли объяснить?

Я делаю глубокий вдох.

Я
«Смятение»… Так назывался мой первый студийный фильм и первый большой прорыв. Я играла возлюбленную… Ну, думаю, вы знаете его имя. Актер известный и красивый. Все знают, что у него один из самых счастливых браков в шоу-бизнесе.

Я вызывающе смотрю на нее.

Я
Когда он влюбился в меня, я поняла, что это по-настоящему.

Марси
(насмешливо фыркая)
Естественно.

Я
Это было до того, как я услышала фразу, которую используют на съемках фильмов: «Не рассчитывай на место, дорогая».

Марси
А дальше?

Я
Через четыре недели его знаменитая красавица жена появилась на съемочной площадке с тремя знаменитыми красавцами детьми на буксире. Внезапно продюсеры нашли предлог, чтобы убрать меня с дороги. Я застряла в звукозаписывающей будке, переделывая строки, которые отлично сыграла и в первый раз.

Марси
(кивая)
И?

Я

Вот тогда-то до меня и дошли слухи. Оказывается, я сумасшедшая, преследую чужих мужей. Дескать, я угрожала его жене. Та же пиар-машина, что раскручивала его фильмы, теперь вертела и меня.

Я пытаюсь сдержать слезы. Я знаю, как наивно это звучит, но правда в том, что у меня был пусть небольшой, но опыт. Вы никогда не выйдете из приемной семьи глупой невинной девчонкой.

Вы отчаянно хотите любить и быть любимой. Этот актер был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала. Самым страстным, самым поэтичным. Он мог пересказать все любовные сонеты Шекспира, как будто они написаны специально для него.

Мораль: никогда не влюбляйтесь в того, кто предпочитает чужие слова своим.

Я не рассказала Марси о некоторых других событиях, связанных с этой историей, хотя подозреваю, что она уже и так их знает. Обезумев от юношеского отчаяния из-за несправедливой травли, я подошла к трейлеру этого актера и вскрыла себе вены на той же кушетке, где мы занимались любовью между дублями. Я невероятно хотела доказать ему – это не была просто игра. Все существовало в действительности.

По крайней мере, для меня.

Я

Вот и все. Кастинги мгновенно прекратились. Видите ли, я совершила грех номер один: вела себя *непрофессионально*. Это было за неделю до моего восемнадцатилетия.

Марси

(задумчиво кивает)

Вы знаете, Пол прав: у вас неплохо получается. На мгновение вы почти заставили меня пожалеть вас. Вместо того, чтобы признать: это был невероятно тупой, саморазрушительный провал.

Она тычет в меня концом сигареты.

Марси

Продюсеры правы. Поищите себе другую работу.

Я

Я надеялась, Америка даст мне второй шанс.

Марси

Думать так – весьма наивно с вашей стороны. Те времена, что мы проводили в толпе, жаждущей свободы, давно прошли.

Я

Для меня это единственная карьера, о которой я когда-либо мечтала, но я не могу продолжать учиться без какой-либо работы.

Марси одновременно и хмурится, и вздыхает. Дым струится из ее ноздрей, а потом, словно нехотя, женщина произносит:

Марси

Ладно. Оставьте свои данные в приемной. Скоро будут снимать парочку паршивых музыкальных клипов, но я ничего не обещаю.

Я

Спасибо! Огромное спасибо!

Я вскакиваю и с энтузиазмом пожимаю агенту руку. Она обрывает мое благодарное рукопожатие концом электронной сигареты и случайно смотрит вниз. Что-то в беспорядке бумаг на столе бросается Марси в глаза.

Она тянется к столу, перечитывает, поднимает на меня взгляд.

Марси

А вот как бы ты отнеслась к работе в фирме адвокатов по разводам, Клэр?

Я

В качестве помощника?

Марси

Не совсем… Слушай, я буду с тобой честна. Работа не из лучших, но им нужен кто-то вроде тебя, и они готовы хорошо платить. *Очень* хорошо. Не из профсоюза. И наличными.

Когда лимузин с женой Рика отъезжает, я поворачиваюсь и направляюсь в другую сторону. Улицы покрыты льдистой слякотью, а я без пальто. Снежная слякоть проникает в носок моего правого ботинка.

Таймс-Сквер – это буйство электричества и красок. Одинокий мим, бросающий вызов холоду, развлекает очередь за билетами. На рекламных щитах мелькают фрагменты отзывов: «завораживающий», «блестящий», «необыкновенный». Я проезжаю под уличным знаком с надписью: «Театральная страна».

Театральная страна… Если бы людям было позволено выбирать свою страну, я хотела бы жить именно в такой. Потом я сворачиваю с Бродвея на едва освещенную поперечную улицу. Туда, где видавшая виды облупившаяся вывеска гласит: «Театр Компас». Люди – в основной массе студенты на свидании, пользующиеся ежедневной распродажей билетов за полцены – толпятся в фойе. Я прохожу еще несколько метров и проскальзываю в служебный вход.

Помощники режиссеров, посыльные и закулисные рабочие бегают с реквизитом и планшетами. Я нахожу зеленую комнату. Ее отделили от сцены и создали две импровизированные раздевалки – девушки с одной стороны, молодые люди – с другой. В первой из них Джесс накладывает макияж перед зеркалом, которое делит с тремя другими девушками, и все они пытаются делать то же самое.

– Привет, – весело говорю я.

– Привет, Клэр.

Взглянув на меня, она снова переводит взгляд в зеркало.

– Как все прошло?

Я достаю конверт Генри.

– Четыреста долларов. Теперь я должна тебе еще три.

Отец Джесс, очень богатый человек, купил ей квартиру на Манхэттене. Я должна ежемесячно платить за аренду, но иногда задерживаю оплату.

– Отлично, – рассеянно говорит она. – Отдашь позже, ладно? Мы встретимся после, а то я могу потерять.

Я, должно быть, смотрю с надеждой, поскольку девушка добавляет:

– Почему бы тебе не пойти с нами посмотреть шоу? Ты сможешь сказать мне, справилась ли я с женской болью, о которой говорил Джек.

– Конечно, почему бы и нет? – небрежно отвечаю я.

Потому что даже компания актеров в баре лучше, чем ничего.

– Три минуты, – кричит режиссер, хлопая ладонью по двери.

– Пожелай мне удачи, – просит Джесс. Она разглаживает платье и встает, не сводя глаз с зеркала. – Скажи: ни пуха ни пера!

– Желаю. Но ты в этом не нуждаешься. И не торопись со сценой в лесу, что бы там ни говорил твой тупой режиссер.

Через несколько секунд зеленая комната опустела. Я подхожу к краю сцены. Когда свет в здании гаснет, подкрадываюсь и смотрю на публику через щель в декорациях. Вдыхаю запах театра – мощный, вызывающий стойкое привыкание: свежая краска декораций, старая сценическая пыль, изъеденная молью ткань и небывалая харизма. Наступает необыкновенный и сильный особый момент, когда рассеиваются и тьма, и весь шум, и суета повседневности.

На мгновение мы все застываем в ожидании. Затем сцена освещается яркими огнями, и я делаю шаг назад. Снег кружится в воздухе, сверкающий и мягкий. Он фальшивый, но зрители все равно задыхаются от восторга.

Основная идея режиссера заключается в том, что этот *«Сон в летнюю ночь»* происходит зимой. «Дешевый трюк», – подумала я, когда Джесс пересказала мне авторский замысел, но теперь я вижу, как снежинки плывут по воздуху, оседая блестками в волосах актеров, как шумно падают на сцену, и понимаю, что режиссер запечатлел в одном-единственном образе волшебную, таинственную сторону шекспировской пьесы.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час
Все ближе…[4]

Я чувствую внезапный приступ тоски. Театр лично для меня – запретное королевство, мечта, из которой меня изгнали отсутствие грин-карты и проблемы в Великобритании. Мой голод – нечто физическое, а жажда настолько глубока, что сжимаются желудок и горло. Слезы жгут мне глаза.

Но даже в то время, когда сцена раскачивается из стороны в сторону, я ловлю себя на мысли: *в следующий раз, когда нужно будет что-то почувствовать в классе, надо это использовать. Это золотая пыль.*

4

Через четыре часа мы все уже в баре «Харлей». Как ни крути, мы каждый раз оказываемся здесь – в подвальной парилке с винтажными

мотоциклами, свисающими с потолка. Здесь официантки носят домашнюю униформу – черные бюстгальтеры под потертыми джинсовыми куртками без рукавов. Из музыкального автомата ревет Брюс Спрингстин, так что приходится надрываться – двадцать натренированных голосов после спектакля плюс подружки, бойфренды и прихлебатели вроде меня.

Мы с Джесс обмениваемся разными историями. Об актерском мастерстве, конечно. Мы только об этом и говорим.

Джесс

А как насчет Кристиана Бейла в «Машинисте»? Он потерял треть своего веса для этой роли…

Актриса 2

Или Хлоя Севиньи, которая делает настоящий минет в «Буром кролике».

Актер

Определите-ка *настоящее* в этом контексте. Нет, это я так, к слову.

Актриса 3

Эдриан Броуди в «Пианисте». Сначала он сбросил тридцать фунтов и научился играть на пианино. Затем, чтобы осознать, каково это – потерять все, он избавился от своего автомобиля, квартиры *и даже* телефона. Вот *это*, друг мой, и есть самоотдача.

Актриса 2

Эй, а я ведь могу сделать то же самое! Ох, подожди-ка. Вся проблема в том, что в настоящее время я играю поющую в хоре мышь в бродвейском мюзикле.

Она изображает пьяный мышиный танец.

Актриса 2

Мышка-мышь, мышка-мышь, добро пожаловать в мой Мышиный дом…

С другого конца помещения на меня глядит бармен. Взглядом, который задерживается чуть дольше, чем нужно.

Последний раз я замечала такой взгляд, когда Рик, этот подонок-

адвокат, предложил мне сесть за его стол.

Однако *этот* бармен – парень моего возраста, татуированный, крутой и худой. Несмотря на пронизывающий холодный ветер, который врывается внутрь, всякий раз когда открывается входная дверь, на нем только футболка, а кухонное полотенце, заткнутое за пояс джинсов, обвивается вокруг его задницы каждый раз, когда он поворачивается к ряду бутылок за стойкой.

И вдруг я оказываюсь там же. В баре.

Симпатичный бармен
Эй!

Он австралиец. Я люблю австралийцев.

Я
Привет!

По какой-то неведомой причине я говорю это с вирджинским акцентом, тем, который я использовала раньше с Риком.

Симпатичный бармен
Что тебе принести?

Я
(перекрикивая шум)
С удовольствием выпью мартини.

Симпатичный бармен
Сейчас будет.

Он до краев наполняет стакан «Джеком Дэниелсом» и со стуком ставит его на стойку.

Я
Я же попросила *мартини*.

Симпатичный бармен
В этом баре мы делаем мартини так.

Он ухмыляется, словно давая мне возможность пожаловаться. Милая

улыбка.
Я беру стакан и осушаю его.

Я
В таком случае, дай мне Пина коладу.

Симпатичный бармен
Пина колада…

Он наливает в стакан порцию виски «Джек Дэниелс», добавляет еще порцию того же виски и заканчивает третьей мерой того же напитка.

Я опрокидываю все одним долгим глотком. Люди, столпившиеся вокруг бара, громко кричат и аплодируют.

Аплодисменты – звук, уже давно мною не слышанный.

По крайней мере, адресованные мне.

Я
Лучше приготовь мне ледяной чай «Лонг-Айленд», раз уж на то пошло…

…который действительно должен стать финалом того фильма, который всегда крутится в моей голове.

Однако все происходит вовсе не так. Это монтажный прыжок, или последовательный монтаж, или еще какое-то техническое ухищрение, потому что потом все становится беспорядочным и сумбурным, пока я внезапно не оказываюсь в чужой квартире на чьем-то стонущем теле.

Я
Да, да, боже, да…

Случайный человек
Да…

Ах да. Произошла смена актеров. Симпатичный бармен, которого звали Брайан, вышел только в три. Вместо этого я переспала с приятелем одной из подруг Джесс. К этому моменту я была слишком пьяна и слишком вдохновлена аплодисментами, чтобы довольствоваться собственной кроватью.

Хотя, если честно, дело было не только в алкоголе. Или в благодарной публике.

Ощущение теплого тела и кого-то, кого можно обнять… Это то, чего я жажду после заданий Генри.

Ведь если женщина не может доверять мужчине, который сказал, что будет любить ее вечно, то кому тогда в этом мире вообще можно доверять?

Понимание того, что именно я – мои навыки, реплики, мое выступление – помогли разрушить семью, всегда оставляет у меня странное ощущение.

Я не горжусь тем, что делаю для Генри.

Впрочем, иногда я горжусь тем, насколько хорошо я это делаю.

5

На следующее утро я возвращаюсь на метро к Джесс, все еще в ее куртке, причем на понимающие взгляды пассажиров внимания не обращаю. Одно из упражнений, которое Пол заставляет нас делать, – выходить на улицы Нью-Йорка и говорить с совершенно незнакомыми людьми. После того, как проделываешь это несколько раз, становишься в хорошем смысле «толстокожей».

То же самое, когда сидишь в баре отеля и к тебе пристают женатые мужчины.

Вот одна из причин, по которой я приняла предложение Марси. Я думала, что это хорошо поможет моей актерской работе, не говоря уже о финансовом положении.

Итак, Марси свела меня с Генри. Генри любит называть себя помощником юриста, но на самом деле он частный детектив в юридической фирме. Он договорился встретиться со мной в баре. Это заведение казалось странным местом для собеседования, пока Генри не объяснил, чего именно они от меня хотят.

– Думаешь, справишься? – спросил он.

Я пожала плечами, ведь у меня совсем не было других вариантов.

– Конечно.

– Хорошо. Выйди на улицу, вернись и попробуй подкатить ко мне. Считай, что это прослушивание.

Я вышла и вернулась назад. Поскольку болтать с этим седовласым пожилым человеком странно, проще всего было изобразить некоего персонажа. Я вспомнила о голосе и манерах роковой женщины в исполнении Лорен Бэколл в «Глубоком сне» – и именно это дало мне возможность спрятать собственную личность.

Я села за барную стойку и заказала выпивку. Я даже не взглянула на человека, сидевшего через два стула от меня.

«Никогда напрямую не приставай к ним, – говорил мне Генри. – *Дай понять, что ты доступна, но это они должны предложить тебе себя, а не наоборот. Невинному нечего бояться»*.

Да, конечно. Если я чему-то и научилась, то как раз тому, что мужской мозг так и работает.

Тускло освещенный нью-йоркский бар, день.

Клэр Райт, двадцать пять лет, отражается зеркалом за стойкой. Она поигрывает своим бокалом, немного скучает. Генри, худой бывший полицейский, пятьдесят с небольшим, пересаживается на соседний табурет.

Генри
Ты одна?

Клэр
(томным и протяжным голосом)
Да, *сейчас* одна.

Он смотрит на ее руку.

Генри
Вижу, ты носишь обручальное кольцо.

Клэр
А это хорошо или плохо?

Генри
Это зависит от…

Клэр
От чего?

Генри
Зависит лишь от того, насколько легко его снять.

Ее глаза расширяются от этой дерзости. Затем…

Клэр

Теперь я скажу, когда ты сам упомянул об этом – в последнее время оно мне великовато. А как ты?

Генри
Свободен ли я?

Клэр
Ты женат?

Генри
Сегодня – нет.

Клэр
Значит, сегодня моя счастливая ночь.

Она смотрит на него – откровенно, уверенно, прямо. Эта женщина знает, чего хочет. Сейчас она желает повеселиться.

Генри
(выходя из роли)
Господи Иисусе…

Я
Я нормально все сделала? Могу попробовать что-нибудь другое.

Он расстегивает воротник.

Генри
Ох, мне почти жаль этих ублюдков.

Три дня спустя я сидела в тихом баре неподалеку от Центрального парка и позволила одному бизнесмену сказать мне, что он больше не считает свою жену привлекательной. Потом я передала кассету с этой записью его жене, а Генри протянул мне четыреста долларов.

Эта работа не была регулярной – иногда приходилось выполнять три или четыре задания, иногда вообще ничего. Большая часть работы Генри состояла в том, что он называл супружеской слежкой: следить за людьми, пытаясь поймать с поличным. «Большинство наших клиентов – женщины, – сказал однажды мой начальник. – Обычно они правы в своих

подозрениях. Бывает, они замечают, что муж идет в офис в модной рубашке, а потом еще пишет, что задерживается на работе. Иногда речь идет просто о новом лосьоне после бритья. Или жена уже видела компрометирующие сообщения на его телефоне и просто хочет знать, как выглядит любовница ее мужа. Именно мужчины чаще всего оказываются не правы».

Когда Генри был копом, он работал под прикрытием, и теперь ему явно не хватает шумной возни тех дней. В течение долгих часов в городских автомобилях и холлах отелей, в ожидании наших объектов, Генри проводит время, рассказывая мне истории о его прошлых делах.

– Ты должна видеть сумрак. Преступники инстинктивно чувствуют, когда их презирают или боятся, так что ты должна заставить себя поверить в их картину мира. И это самое опасное – не пистолеты, не побои. Некоторых парней захватывает сумрак, и они уже не могут его отпустить.

Я говорю Генри, что он актер по системе Станиславского, хотя сам того не знает, и обмениваюсь с ним актерскими историями. Например, наше первое занятие, когда Пол попросил нас сыграть сцену из Ибсена. Я думала, мои сокурсники справились довольно хорошо. Затем Пол заставил нас повторить эту сцену снова, пытаясь при этом удерживать ручки метлы на ладонях. Под давлением двух заданий одновременно наша актерская работа развалилась на части.

– То, что вы сделали в первый раз, не было игрой, – сказал нам Пол. – Вы притворялись и просто копировали то, что делали другие актеры, но для вас это было нереально. Вот почему вы не смогли повторить то же самое, когда требовалось направить внимание на что-то другое. Сегодня я скажу только одну вещь, но она самая важная из когда-либо мною сказанных: *не думайте*. Игра – не притворство и не подражание. Ключ к разгадке в слове. Игра – *это действие*.

Генри думает, что все это чушь собачья, но я сама видела, как актеры в гримерке чихали и сопели от гриппа, но болезнь тут же исчезала, стоило им выйти на сцену. Я видела, как застенчивые интроверты становились королями и королевами, а уродливые – красивыми, красивые – отталкивающими. Что-то происходит. Что-то, чего никто не может объяснить. Всего на несколько мгновений ты становишься кем-то другим.

И это лучшее чувство, какое только можно испытать.

Манхэттен сегодня утром похож на съемочную площадку. В снегу образовались дыры от пара, лениво дымящиеся на солнце. Прошлая ночь оставила заметный след в конверте Генри, но я забегаю в продуктовый

магазин, чтобы купить бейглы себе и Джесс. Когда я выхожу, кучка детей на улице валяет дурака. Они бросают снежки, я зачерпываю пригоршню снега и присоединяюсь к ним. Я не могу не думать: *«Вот это да»*. Вот я и в Нью-Йорке, принимаю участие в эпизоде словно прямо из фильма и учусь в одной из лучших драматических школ в мире. Сценарий со счастливым концом.

Разве это свойственно только мне – чувствовать, что наблюдаю за собой в фильме о собственной жизни? Когда я спрашиваю друзей, большинство говорит, что этого у них нет, но они, наверное, лгут. Зачем еще становиться актером, если не для исправления реальности?

Даже если я только что вспомнила, что сцена, разыгравшаяся в моей голове – та, с нью-йоркским боем в снежки, – взята из отвратительного фильма «*Эльф*».

Войдя, я слышу голоса, доносящиеся из комнаты Джесс. Она разговаривает по скайпу со своим парнем Араном, который занимается рекламой в Европе. Я быстренько принимаю душ, проверяю, не слишком ли плохо выглядит жакет, а затем стучу в ее дверь.

– Завтрак, аренда и мисс Донна Каран, – бодро говорю я. – Есть рецензии?

Каждое утро Джесс первым делом заглядывает в интернет, чтобы узнать, не написал ли кто-нибудь о ней в блоге. Она качает головой:

– Никаких, но мой агент написал по электронной почте – у меня встреча с продюсером, видевшим шоу вчера вечером.

– Здорово, – говорю я и стараюсь не выдать зависти.

– Как прошла ночь? – Ее голос подчеркнуто нейтрален. – Я искала тебя около двух. Ты ушла.

– О, все было хорошо.

Она вздыхает.

– Чушь собачья, Клэр. Пустой бессмысленный секс с незнакомцем.

– И это тоже, – беспечно говорю я.

– Иногда я беспокоюсь за тебя.

– Почему? Я всегда ношу с собой презерватив.

– Я имела в виду безопасную *жизнь*, а не безопасный секс, как тебе хорошо известно.

Пожимаю плечами. Я не собираюсь разговаривать с Джесс о моей личной жизни или об ее отсутствии: у нее есть семья, а люди с семьями такого не понимают.

Я вешаю жакет и роюсь в ящике с трусиками Джесс в поисках чистого белья. Вдруг мои пальцы натыкаются на что-то маленькое, твердое и

тяжелое.

Я вытаскиваю пистолет. Настоящий *пистолет*.

– Господи, Джесс, – ошеломленно произношу я. – Что это еще за хрень?

Она лишь смеется.

– Отец заставил. Вроде как на всякий случай. Говорит – ты же находишься в большом плохом городе и все такое.

– И при этом ты беспокоишься обо мне? – недоверчиво спрашиваю я. Направляю пистолет на свое отражение в зеркале. – Ты должна спросить себя – хулиганка, тебе идет этот цвет?

– Осторожно. Думаю, он заряжен.

– Бум.

Я осторожно кладу пистолет на место и достаю красные леггинсы.

– К тому же, – добавляет Джесс, – возможно, мне придется застрелить человека, который продолжает красть мою одежду.

– В конверте триста пятьдесят долларов. Ну по крайней мере триста двадцать.

– Вообще-то есть еще один момент, из-за которого отец ведет себя несколько странно.

Джесс говорит это небрежно, но я улавливаю скрытое напряжение в ее голосе.

– Да? – не менее хладнокровно произношу я.

– У отца перерыв в работе, так что он не получает зарплату, а эта квартира – его пенсия или вроде того. Он просит меня, чтобы ты съехала.

Плохо.

– И что ты ответила?

– Я говорю, а если Клэр заплатит тебе всю арендную плату, которую задолжала?

– Это сколько – еще четыреста?

Джесс качает головой.

– Семьсот. В любом случае, отец не слишком-то обрадовался. Он сказал, что подумает, но теперь ему тоже придется платить вперед.

Я смотрю на нее.

– Послушай-ка, но ведь тогда я должна где-то найти тысячу сто долларов.

– Я знаю. Прости, Клэр. Я пыталась с ним спорить, но отец все время твердит, что я финансово безответственна.

– И сколько у меня времени?

– Я могу немного его задержать. Может, несколько недель.

– Круто, – с горечью говорю я, но знаю, что Джесс не виновата. Моя комната вполне подошла бы и паре, а расположение в Ист-Виллидж идеально подходит для молодых профессионалов, работающих в финансовом районе. Ее отец может получить гораздо больше от сдачи в аренду этого жилья.

Повисает тишина. Джесс берет сценарий и начинает листать.

– Мне нужно еще кое-что просмотреть. Джек дал мне указания. Сцена в лесу, по-видимому, все еще недостаточно проработана.

– Хочешь, чтобы я прочла эти строки?

– А ты сможешь?

Джесс бросает мне сценарий, и я нахожу нужную страницу, хотя, вероятно, знаю этот момент наизусть. Забудьте «Ромео и Джульетту», это самая сексуальная сцена во всем творчестве Шекспира. Шекспир, несмотря на то что большинство людей считают его чересчур культурным и скучным, а потому больше не актуальным, создал лучших персонажей.

Джесс начинает.

Джесс
(за Гермию)

Ну что ж, тогда найди себе приют;
А я на мшистый склон прилягу тут.

Джесс ложится на спину, как бы готовясь ко сну. Я иду и ложусь рядом с ней.

Я
(за Лизандра)

На тот же мох и я прилягу тоже:
Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!

Чувствуя себя неловко, Джесс уворачивается.

Джесс

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю!

Но ляг подальше, я о том молю!

Это классический пример: слова на странице говорят одно, а актер знает, что персонаж имеет в виду нечто совершенно другое. Лизандр действительно хочет «вынести мозг» Гермии. И, несмотря на столь прекрасные стихи, он готов произносить что угодно, лишь бы получить желаемое. Он мужчина, верно? А Гермия, хотя и знает, что, вероятно, не должна позволять ему спать так близко от нее, мечтает о нем. Она просто хочет, чтобы он был подальше, то есть не поддаваться искушению.

Текст и подтекст.

Я приподнимаюсь на локте и смотрю на Джесс сверху вниз.

Я

Мой друг, пойми невинность слов моих…

Однако даже когда я с тоской смотрю в глаза Джесс, какая-то часть меня кричит: *«Тысяча сто долларов? Даже работа от Генри не может обеспечить такую сумму»*.

Внезапно я сталкиваюсь с перспективой, что вся эта хрупкая фантазия рухнет вокруг меня, как декорация между сценами. Нет денег – нет квартиры. Нет квартиры – нет занятий. Нет занятий – нет визы. Мне придется ковылять домой, поджав хвост, в страну, где меня больше никто не возьмет в качестве актрисы.

Я прижимаюсь губами к губам Джесс. На долю секунды она поддается искушению – я вижу замешательство в ее глазах. Потом она отстраняется.

Джесс

Лизандр загадывает очень красивые загадки.

То есть он очень хорошо целуется.

Потом он снова пытается поцеловать меня, бла-бла-бла, и мы возвращаемся.

Я скатываюсь с кровати:

– Мне показалось, тут есть нюансы.

– Знаешь, – задумчиво говорит Джесс, – ты намного лучше, чем тот придурок, с которым я разыгрываю эту сцену. Прости, Клэр. В жизни нет

справедливости.

«Расскажи мне об этом» – как говорят в этом городе. То есть: «Пожалуйста, не надо. Никто не слушает».

6

Я скажу это специально для английской системы патронатного воспитания: сиротство делает вас стойкими.

Мне было семь, когда я потеряла родителей. Сегодня у меня еще была семья, а на следующий день из-за водителя грузовика, который писал эсэмэски за рулем, у меня ее уже не стало. Мама и папа погибли мгновенно, как позже сказали мне медсестры. Я сидела сзади, в детском автомобильном кресле, которое, вероятно, спасло мне жизнь, когда его выбросило из-под обломков. Я не помню ни этого, ни вообще чего-либо о том дне. Я всегда этого стыдилась. Если вы собираетесь провести последние несколько часов с теми, кого любите, то должны помнить об этом. Было тяжело смириться с их гибелью. Потом до меня дошло, что я потеряю и все остальное: спальню, игрушки, все свои знакомые вещи. Это звучит глупо, но в некотором смысле горе от потери родителей и печаль от утраты любимых вещей были для меня равнозначны. Я не просто осиротела. Меня вырвали с корнем.

В моем районе на юге Лондона не хватало приемных родителей, поэтому, когда я вышла из больницы, меня поместили в Илинг, на другом конце города, и потом шесть недель спустя я нашла свою первую приемную семью. Они жили в Лидсе, в ста семидесяти милях. Это означало переезд, новую школу и потерю друзей.

Я была девочкой из среднего класса, жительницей Лондона. Я попала в школу, где все остальные дети знали друг друга в течение многих лет. Они говорили на каком-то другом языке. Эти дети считали меня заносчивой («фи-фи», как они меня дразнили). Я быстро стала двулика: человеком, которым была раньше, и тем, кем бы они хотели, чтобы я была.

Я научилась говорить точно так же, как эти дети. Оказалось, я неплохо разбираюсь в интонациях.

Мои новые родители были профессиональными опекунами: у них было двое собственных детей и трое приемных одновременно. Они по-доброму относились ко мне, и даже очень. Однако воспитание было их постоянным занятием, способом обеспечить себе дом получше и отпуска поприятнее. Приемная семья отличалась профессионализмом, а то, чего

жаждала я, было непрофессиональной, безусловной любовью.

Мой новый статус гласил: «взята под опеку», что было самой большой шуткой. Потому что очень скоро понимаешь, что всем наплевать. Никому нет дела, выполняешь ли ты домашнее задание. Никого не волнует, есть у тебя друзья или нет. Никого не интересует, будешь ли ты первым или двадцать первым на экзаменах. С чего бы это?

Я помню, как приемный отец, Гэри, обнимал своего родного сына. Все еще страдая от потери родителей, я присоединилась к ним. Гэри мягко сказал, что мне не следует обниматься с ними. Он употребил именно это слово – «не следует». Как будто я к нему приставала или что-то в этом роде.

Именно тогда я наконец и поняла, что теперь только я в ответе за себя. Как только возникает подобное чувство, оно уже никогда не уходит.

В средней школе я впервые столкнулась с настоящими театральными постановками. До этого я не знала, что они могут быть отдельным предметом для изучения. Я до сих пор помню, как миссис Хьюз, учительница, велела остальным остановиться и посмотреть на меня.

– Наблюдайте за Клэр. Она ведет себя естественно, – сказала миссис Хьюз всему классу.

Очень скоро постановки стали тем, о чем я только и думала. Я не была обычным ребенком, когда выступала. Я была Джульеттой, Энни, Нэнси, Паком. Я была принцессой, убийцей, героиней, шлюхой.

Когда мы ставили пьесу и родители других детей приходили за кулисы сказать им, как же блестяще они выступали, меня никто не посещал, но это только придавало мне решимости.

Неподалеку находилась Академия исполнительских искусств, где некоторые студенты играли в мыльных операх типа «Холби-Сити». Когда я поделилась со своим соцработником, что хотела бы пойти именно туда, та нахмурилась:

– Это частная академия, Клэр. Окружной совет не будет платить за обучение ребенка, находящегося на попечении.

Гэри обещал поговорить с кем-нибудь в совете. Неделю спустя я спросила его, каков был их ответ.

– О, – сказал он. Он явно забыл о моей просьбе. – Они сказали: «Нет».

Тогда я пошла к миссис Хьюз.

– Если ты собираешься сражаться, чтобы попасть в театральную школу, – сказала она мне, – это должна быть хорошая школа. То заведение, о котором ты говоришь, превратит тебя в цирковую обезьяну.

Миссис Хьюз изучила лучшие школы, одна из которых даже предложила мне стипендию. Затем она встретилась с соцработником,

которая заявила, что мне лучше оставаться там, где я устроилась, а любые изменения и волнения не пойдут мне на пользу.

«Все ясно, – подумала я. – Вы можете перемещать меня с места на место четыре раза за три года, но вот когда я действительно чего-то хочу, то это вас травмирует и вы не позволяете даже думать о моем желании».

На борьбу за свои права мне потребовалось три года, и в конце концов я добилась своего. В тот день, когда я пришла в театральную школу, я наконец нашла новую семью.

7

Я звоню Марси и умоляю дать мне еще работу. В конце концов она предлагает прослушивание для музыкального видео.

В подвальной студии перед видеокамерой на треноге я называю свое имя, рост и имя агента. Два продюсера – оба мужчины – игнорируют меня и смотрят на мое изображение на мониторе.

Женщина, кастинг-директор, просит меня заявить для камеры, что мне комфортно сниматься частично обнаженной.

– Ну, если, конечно, роль этого требует… – нервно отвечаю я.

– Дорогая, эта роль называется «Танцовщица топлес», – нетерпеливо говорит она.

– Конечно.

Я смотрю в камеру и бодро говорю:

– Меня зовут Клэр Райт, и меня устраивает частичная нагота.

Надеюсь, кто-нибудь напишет *это* на моем надгробии.

– Ладно, Клэр, готовься, – говорит кастинг-директор.

Она ставит музыку. Примерно через минуту один из продюсеров что-то произносит, и музыка обрывается.

– Спасибо, Клэр, – говорит кастинг-директор. – Не могла бы ты попросить войти следующую в очереди девушку?

Когда я поворачиваюсь, готовая уйти, второй продюсер произносит что-то, чего я не понимаю.

– Подожди, – просит кастинг-директор. Они вполголоса коротко совещаются, после чего она добавляет: – Оставь свои данные на столе.

*** * ***

В тот же день приходит сообщение с просьбой в восемь подойти в офис продюсера. Я роюсь в шкафу Джесс в поисках подходящей одежды и придаю лицу самое эффектное выражение. Когда я прихожу, там уже нет секретаря, а только охранник. Все остальные разошлись по домам.

Я иду по коридору и наконец вижу в кабинете продюсера, разговаривающего по телефону. Он машет мне рукой. Я сажусь на вращающийся стул, а продюсер продолжает свой разговор по поводу какого-то человека, который должен перестать быть козлом и заказать тележку от «Панавижн».

Наконец он кладет трубку.

Офис, ночь.

Продюсер

Идиот! Привет, Клэр.

Я

Привет! Спасибо, что перезвонили.

Продюсер

Это не совсем то, Клэр. В настоящее время я отбираю людей на различные проекты и подумал, что стоит обратиться к тебе напрямую – узнать, может ли какой-то из них для тебя подойти.

Я

Великолепно! Вы ведь знаете, что у меня нет грин-карты?

Продюсер пожимает плечами.

Продюсер

А вот это как раз проблема, но она не может быть непреодолимой. Я имею доступ к программе Обмена актерами. Возможно, я смогу договориться об обмене с коллегой, находящимся в Лондоне.

Я

Просто фантастика! О каких проектах идет речь?

Продюсер

Подробности обсудим позже. Сейчас меня больше интересует, есть ли

у тебя амбиции и стремление присоединиться к команде.

Мужчина выходит из-за стола и кладет руку мне на плечо. Затем толкает, и кресло поворачивается к нему лицом. Я смотрю на его ширинку. Он дружески сжимает верхнюю часть моей руки.

Продюсер
Полагаю, ты понимаешь, что я имею в виду.

На какое-то мгновение я застываю. Затем вскакиваю со стула, отталкиваю его обеими руками и кричу: «*Немедленно отойдите от меня*!» Моя рука врезается ему в нос, и он отшатывается.

Я
Да пошел ты, ублюдок!

Продюсер съеживается, защищая голову руками. Из носа течет кровь, а крошечные рыжие гитлеровские усики прилипли к ноздрям.

Продюсер
Господи! Просто уходи, ладно?

Я отступаю, давая мужчине возможность встать, но тут он бросается на меня, сжав кулаки.

Продюсер
Стерва… Ты заплатишь за это.

Вдруг продюсер обнаруживает, что смотрит в дуло пистолета Джесс.

Продюсер
Ты ведь не собираешься в меня стрелять.

У меня трясутся руки, а вместе с ними и пистолет. Что ж. Чем меньше я буду себя контролировать, тем скорее продюсер подумает, что я достаточно сумасшедшая, чтобы выстрелить.

Я
Самозащита? Вот увидишь, еще как собираюсь..

Я киваю на свою сумку.

Я
У меня там камера. Все записано. Может, хочешь, чтобы твоя жена это увидела?

Продюсер
Что за хрень?

На первый взгляд теперь вся власть у меня, а не у него, но внутри я паникую. Что, если он бросится на меня? Что, если он просто выхватит пистолет и направит его на *меня*? Что, если мой палец нажмет на спусковой крючок?

Я
Я ухожу отсюда, а ты остаешься на месте.

Я отступаю, стараясь выглядеть уверенной в себе.
Когда я выхожу, продюсер рычит.

Продюсер
Удачной работы в отрасли, сука. Ты ненормальная.

Я держу себя в руках, однако, выйдя на улицу, спотыкаюсь и падаю. Я плачу и дрожу. Сомнения рикошетом отскакивают от моего мозга*: «Как я могла быть такой глупой? Правильным ли способом я победила домогательства? Не создалось ли еще на стадии прослушивания впечатление обо мне как о легкодоступной женщине? Я хоть как-то поощрила это впечатление?»*

Меня зовут Клэр Райт, и меня устраивает частичная нагота… Помню, как я улыбнулась, произнося эти слова. Было ли это ошибкой? Это выглядело иронично? Это звучало *непрофессионально?*

Хотя другая часть меня – рациональная часть – пытается убедить меня, что я просто столкнулась с *подонком. Он не имел права даже думать обо мне в этом ключе. Это он виноват, а не я.* Я знаю, эти дебаты часами будут продолжаться в моей голове.

Подонок он или нет, но не была ли моя реакция неадекватна произошедшему? Мог ли сработать простой, достойный отказ? Он,

возможно, даже мог привести к извинениям и продуктивной дискуссии о работе.

Удачной работы в отрасли, сука…

Я почти останавливаюсь, когда задумываюсь о значении этой фразы. Теперь этот продюсер будет поносить меня в разговорах с агентами по кастингу? Скажет своим друзьям, что я трудная в общении актриса? Для того, чтобы моя британская репутация пересекла Атлантику и соединилась с несколькими намеками и слухами, требовалось совсем немного, и мой второй шанс мог быть упущен.

О боже, неужели я должна была согласиться на его предложение?

Офис примерно в сорока кварталах от дома Джесс. Я прохожу весь путь в страданиях и самобичевании. Я не могу позволить себе ехать на метро и даже не могу получить роль топлес детки-конфетки без домогательств. На улицах больше нет снега, но все еще сыро и холодно. Слезы на щеках сначала теплые, потом ледяные, а потом снова теплые.

Я в ста ярдах от квартиры Джесс, когда звонит телефон. Смотрю на экран, прежде чем ответить.

Нью-йоркская улица, ночь.

Генри

Эй, Клэр. Ты свободна сегодня вечером?

Я с тоской смотрю на дом, где снимаю жилье. Все, чего я хочу, – забраться в постель и заплакать, но надо думать о деньгах, которые я задолжала отцу Джесс.

Я

Полагаю, да.

Генри

У меня для тебя задание, но клиентка хочет сначала встретиться лично.

Я

Зачем?

Генри

Кто ж ее знает? Может, хочет убедиться, что ты во вкусе ее мужа. В чем я не сомневаюсь.

Я
Ага. Тогда ладно.

Генри
Как скоро ты сможешь приехать? Она остановилась в «Лексингтоне». Спроси номер с террасой.

8

Я уже одета для встречи с продюсером, так что оказываюсь в «Лексингтоне» через двадцать минут. Иду в туалет в вестибюле, поправляю макияж и делаю дыхательное упражнение, чтобы сосредоточиться. Время для представления.

Потом еду в лифте на шестой этаж. Стучу в дверь, и Генри впускает меня. У окна нервно расхаживает женщина лет тридцати пяти. «Ким Новак из фильма “Головокружение”», – думаю я, рассматривая ее. Элегантная, в жемчугах и идеально ухоженная. Короткие светлые волосы уложены безукоризненно – такое в наши дни нечасто увидишь. По сравнению с ней я ощущаю себя ребенком, ограбившим ящик с одеждой.

Сначала мне кажется, что женщина сжимает четки, но потом понимаю – просто крутит в пальцах брелок. Она выглядит расстроенной, но это довольно типично для наших клиенток на этой стадии. Многие считают, что та часть, когда они наконец узнают, что за человек их муж на самом деле, самая трудная.

Отель «Лексингтон», терраса люкс, ночь.

Генри
Клэр, спасибо, что пришла. Это – Стелла Фоглер.

(женщине, успокаивающим тоном)

Я использую нескольких девушек в качестве приманки для неверных мужей, но, учитывая все, что вы рассказали мне о Патрике, я считаю, Клэр – совершенно правильный выбор.

Стелла
(обращаясь ко мне, взволнованно)

Обещай, что будешь осторожна.

Я сажусь.

Я
Почему бы вам не рассказать мне о вашем муже, миссис Фоглер?

Стелла
Он не похож ни на одного мужчину, которого ты когда-либо встречала. Я говорю сейчас на полном серьезе. Не поворачивайся к нему спиной. Не доверяй ему. Обещаешь?

Доверять ему? Я размышляю. *Что-то маловато шансов. Еще один женатый ублюдок – все, что мне сейчас нужно.*

Генри
Клэр – профессионал. Она знает, что делает.

Я
Просто покажите мне фотографию и подскажите, где его найти. Я сделаю остальное.

Генри
Итак, миссис Фоглер. Продолжим?

Стелла Фоглер замолкает и, все еще крутя в руках брелок, смотрит на меня совершенно дикими глазами.

Стелла
Да. Но, пожалуйста, будь осторожна.

9

Бар «Флаэрти», Нью-Йорк, ночь.
Старый, с хорошей деревянной отделкой бар в Верхнем Вест-Сайде – столы расставлены на достаточном расстоянии друг от друга, за ними мало людей. Патрик Фоглер сидит за одним из них, читает книгу в мягкой обложке и делает пометки в блокноте. Ему под сорок. Патрик –

темноволосый, с длинным орлиным лицом, с глазами бледно-зеленого оттенка. Красивый, спокойный, интеллигентный.

«Очень похож на молодого Дэниэла Дэй-Льюиса», – прихожу я к выводу, изучая его отражение в длинном зеркале за стойкой. Дэй-Льюис – один из моих любимых актеров, но Патрик Фоглер впечатлил меня еще больше. Выразительная внешность.

Честно говоря, он не похож на обманщика. Впрочем, иногда так и бывает: они притворяются милыми и очаровательными. Именно такие, как правило, и оказываются наибольшими лжецами.

Почему? Потому что они на это способны.

Сейчас меня больше интересует, есть ли у тебя амбиции и стремление присоединиться к команде…

Я качаю головой, сосредотачиваюсь, пытаюсь выкинуть из головы воспоминания о продюсере. «Просто делай свою работу, – говорю я себе. – Улыбайся, флиртуй, позволь Патрику Фоглеру заигрывать с тобой и уходи». Максимум у меня есть на все час. Потом я окажусь дома с четырьмя сотнями долларов в руке. Меня будет тошнить, я буду плакать и напьюсь.

Останется заработать еще семьсот долларов.

Словно по команде Патрик Фоглер встает и идет ко мне. Я поворачиваюсь с приветливой улыбкой. Слишком поздно понимаю, что он приближается не ко мне. Он протягивает бармену двадцатидолларовую купюру.

Патрик

Можете разменять?

У него четкий, хорошо поставленный голос. В нем чувствуется властность. Когда бармен открывает кассу, глаза Патрика Фоглера встречаются в зеркале с моими. И я снова даю Фоглеру слабый намек на гостеприимство – чуть-чуть смягчаю взгляд и распахиваю глаза. Патрик выглядит озадаченным, но не более того – как будто он не уверен, знает ли меня.

Получив сдачу, он благодарно кивает бармену и выходит из бара, но в итоге он вернется: оставил стакан на столе вместе с книгой в мягком переплете.

Я подхожу и беру ее. Это сборник стихов, потрепанный экземпляр «Цветов зла» Шарля Бодлера.

Замечаю, что Бодлера *перевел и отредактировал Патрик Фоглер.* Значит, он какой-то ученый.

Я быстро перелистываю страницы в поисках чего-нибудь полезного. Тут Патрик возвращается и застает меня за этим занятием. Все как я и хотела.

Я
(виновато)
Ой, простите! Это ваше?

Патрик
Да.

Кажется, его это забавляет. Он оглядывает почти пустой бар, как бы говоря: «А чье же еще?»

Я
Надеюсь, вы не против… Я никогда раньше не читала Бодлера.

Патрик смотрит на страницу, на которой я остановилась.

Патрик
Ну, не надо начинать отсюда.

Взяв у меня книгу, перелистывает несколько страниц, находит место и читает вслух:

Патрик

Так много помню я, как живший сотни лет!
Пусть шкап большой хранит романсы, груды смет,
Записки и стихи, судебные тетради,
В любовных письмецах волос тяжелых пряди, —
Все ж менее в нем тайн, чем мозг скрывает мой![5]

Ритм его голоса, тихий и настойчивый, как пульс, полон убежденности. Мужчина возвращает мне все еще открытую книгу. Я опускаю глаза и вчитываюсь в следующий куплет, а потом отвечаю Патрику, удерживая его взгляд, продолжая ритм:

Я

Да! Пирамида – мозг, огромный склеп такой,
Что трупов больше скрыл, чем братская могила!
Погост я! От него луна лик отвратила!
Как совести укор, ползет толпа червей…[6]

И дальше продолжает он, не сводя с меня глаз, говоря по памяти что-то темное и странное, чего я не могу понять – о том, как стать противоположностью плоти.

Патрик

Живое существо! Становишься отныне
Ты, окруженное пугающей пустыней,
Гранитом, что в песках Сахары тусклой спит.
Ты – древний сфинкс, и ты на карте позабыт,
Не знаем миром ты![7]

Я присоединяюсь к последним строчкам, подстраиваюсь под ритм Патрика, настраиваю свой голос под его.

Я/Патрик

Не знаем миром ты! Твой нрав суров: всегда ты
Не иначе поешь, как при лучах заката!

На секунду-другую воцаряется тишина, которую никто из нас не нарушает.

Патрик
Вы хорошо читаете.

Я
Благодарю… А о чем там?

Патрик

Можно сказать, что о его личной жизни.

Я

Должно быть, у него была довольно сложная личная жизнь.

Патрик улыбается.

Патрик

Когда Бодлер писал это, он был связан сразу с двумя женщинами. Одна – знаменитая красавица, дитя Парижа девятнадцатого века. Поэт называл ее «Веню Бланш» – Белая Венера. Другая была танцовщицей кабаре, смешанной расы и торговала телом на улицах. Он называл ее «Веню Нуар» – Черная Венера.

Я

Как интересно… Любовный треугольник.

Патрик

Хотите, называйте так.

Я

И как все сложилось в итоге?

Патрик

Бодлер начал писать стихи, которые анонимно отправлял Белой Венере. О том, что он хотел сделать с ней; о том, что он уже делал с Черной Венерой. Стихи затрагивали все виды разврата. Он сказал, что другие поэты достаточно написали о цветочных царствах красоты. Бодлер очень хотел быть первым, кто напишет о красоте, происходящей от зла.

Я

«Цветы зла».

Пора сделать свой ход.

Я

Мне кажется, он понял, что некоторых женщин привлекает запретное.

Патрик Фоглер качает головой, как будто я его разочаровала.

Патрик
Мне нужно идти.

Что-что?

Я
Правда? Мне бы так хотелось услышать чуть больше…

Я пытаюсь передать ему книгу. Он лишь отмахивается.

Патрик
Оставьте себе. На память об интересной встрече. Мне понравилось слушать, как вы читаете.

Я
Послушайте, это не в моих правилах, но у меня был действительно дерьмовый вечер, и мне не помешала бы компания. Может, останетесь и позволите мне угостить вас выпивкой?

Патрик снова улыбается, и в уголках его глаз появляются морщинки.

Патрик
Я бы с удовольствием. Однако я женат.

Я
О, я не это имела в виду…

Патрик уже уходит. Он бросает через плечо:

Патрик
Знаю, но все именно так. В отличие от Бодлера, я предпочитаю одну и ту же, свою Венеру. Было приятно познакомиться.

Затем, словно разговаривая сам с собой, он произносит что-то по-французски.

Патрик

Тебя б я мог любить – ты это поняла![8]

Я

Что это значит? Эй, может, мы могли бы…

Ничего, черт возьми. Я стою и смотрю вслед Патрику, все еще держа в руке книгу стихов. Понимаю, что впервые с тех пор, как я начала работать на Генри, мне дали от ворот поворот.

10

– В принципе, наверное, это хорошие новости, – говорю я без обиняков. – Поздравляю, миссис Фоглер. Ваш муж верен вам.

В любом случае, хорошие новости для *его жены*. Мне все еще неприятно.

Мы вернулись в номер Стеллы Фоглер. Странно, но эта новость, кажется, взволновала женщину еще больше.

– Верен! – Она стонет и заламывает руки. – Я ведь должна была догадаться, что это не сработает. О боже! Боже!

– Что вы имеете в виду? – озадаченно спрашиваю я.

Все происходит в спешке.

– Я подумала – вдруг я все-таки смогу найти какие-то его свидетельства неверности. Что-то, способное помешать ему прийти за мной, – яростно говорит Стелла.

Что?

Я растерянно смотрю на Генри, но он отводит взгляд.

– Он понял, что это была уловка, – Стелла поворачивается к Генри. – Она не подходила для этого. Вместо этой девушки должна была быть темнокожая. Они… – Стелла Фоглер останавливается.

– Черная Венера, – медленно произношу я. – Патрик говорил об этом.

– Он никогда об этом не говорит, – резко замечает клиентка и снова обращается к Генри: – Я знала, что это ошибка.

Я начинаю злиться. И не только потому, что эта женщина ведет себя так, будто я виновата. Только сейчас я поняла, что вся эта попытка обольщения была полной противоположностью тому, как я себе это представляла.

– Послушайте, большинство неврастенических сучек, ради которых я это все делаю, посчитали бы себя более чем везучими, – сердито говорю

я. – Ваш муж не приставал ко мне, и поверьте – это впервые. Если вы использовали меня, чтобы шантажировать его, вы должны были сказать мне. – Я встаю. – Деньги, пожалуйста. Четыреста долларов.

Стелла достает из-под кровати сумку и расстегивает ее, вынимает толстую пачку банкнот. Отсчитывает четыре. Руки ее дрожат.

– Не хочу показаться неблагодарной. Я уверена, ты сделала все, что могла. Я не собиралась шантажировать Патрика. Я просто хотела немного… подстраховаться.

Я беру деньги.

– Спасибо, – холодно отвечаю я.

– Я провожу тебя, Клэр, – бормочет Генри. Едва за нами закрывается дверь, он резко разворачивает меня и кладет руку на плечо: – Эй! Что это еще такое, Клэр – *неврастенические сучки*?

– Она неврастеничка.

– И клиент, – настаивает начальник.

– Генри… Тебе не кажется, что это ад кромешный? Стелла Фоглер *хотела*, чтобы ее законный муж приставал ко мне. Невинным нечего бояться.

Он пожимает плечами.

– Ты ведь сама хотела побольше работы, не так ли?

– Ты знаешь, о чем я говорю, – произношу я. – Ты знал, что конкретно ей нужно. Боже… Я имею в виду, одно дело – обольщать отморозков, которые уже изменяют, но когда дело касается их жен…

Я недоверчиво качаю головой.

– Я ухожу.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, Генри окликает меня:

– Не надо «звездить», Клэр. Тебе нравится эта работа. Ты знаешь, чего хочешь. Просто тебе не понравилось, что в этот раз твой подход не сработал. Позвони мне завтра, когда придешь в себя.

Отель «Лексингтон», фойе.

Собираясь покинуть отель, я наконец вспоминаю кое о чем еще и достаю из сумки экземпляр «Цветов зла», который дал мне Патрик. Поворачиваю обратно.

Отель «Лексингтон», коридор (продолжение).

Я снова стучу в дверь номера Стеллы.

Я

Миссис Фоглер? Стелла? У меня есть кое-что от Патрика. Думаю, эта вещь должна быть у вас.

Ответа нет.

Я

Простите?

Тишина. Я пожимаю плечами и разворачиваюсь.

11

Есть блестящее упражнение, созданное легендарным преподавателем актерского мастерства Сэнфордом Мейснером. В нем два актера просто повторяют слова друг друга. Это упражнение наглядно демонстрирует, что слова означают почти все, что вы от них хотите. Сценарий – вовсе не Библия, а отправная точка. Текст и подтекст.

Мы со Скоттом кружим по репетиционному залу, а остальные студенты смотрят на нас.

– Ты улыбаешься, – нетерпеливо говорю я Скотту, как будто у него должны быть хорошие новости, чтобы поделиться со мной.

– Ты улыбаешься, – отвечает он. Только Скотт произносит это так, словно мы в разгаре спора, и это доказательство того, что я не воспринимаю это всерьез.

– Ты… улыбаешься? – недоверчиво спрашиваю я, как будто Скотт даже не потрудился скрыть, что вел себя как дерьмо.

– Ты улыбаешься, – торжествующе кричит он, словно я пыталась не улыбаться, а он меня заставил.

– Ты улыбаешься, – шепчу я, будто вижу его счастливым первый раз за год.

– Ты улыбаешься, – произносит с недоверием Скотт, дескать: «А я – нет».

– Хорошо. Теперь прогоняем с этого момента, – кивает Пол.

– Ты улыбаешься, – теперь уже тоном обвинителя замечает Скотт.

– Да нет!

– Так о чем ты думаешь?

– Я думала о том времени, когда мы вместе катались по снегу.

– Это было в последний раз, не так ли? Тогда мы последний раз были

счастливы.

– Отлично, – останавливает нас Пол. Остальные студенты недолго хлопают в ладоши. – Просто помните, – говорит Пол группе, – все дело в том, как именно вы используете то, что дает вам другой актер. Унция действия стоит фунта слов.

Раздается стук в открытую дверь класса. Там стоит один из администраторов с женщиной-полицейским в форме.

– Я ищу Клэр Райт, – произносит она.

Вот дерьмо!

– Это я, – говорю с натянутой улыбкой. – Чем могу помочь?

12

Женщина-полицейский ведет меня в участок, где я ожидаю в маленькой затхлой комнате на восьмом этаже. Я спросила ее, в чем дело, но женщина не ответила, а только сказала, что ей велели забрать меня и совсем скоро все станет ясно. Или «через мгновение», как она выразилась.

«Должно быть, это продюсер», – нервно думаю я. Подал жалобу. Что бы ни случилось сейчас – это не к добру. Я знаю, что законы об оружии здесь не такие строгие, но не думаю, что вы можете просто так махать им перед людьми.

Наконец входит дородный мужчина в штатском и представляется как детектив Фрэнк Дурбан. Я вскакиваю и жму ему руку, стараясь произвести хорошее впечатление. Детектив Дурбан выглядит немного удивленным и указывает на молодого бритоголового мужчину с кипой бумаг, который входит в комнату за ним:

– А это детектив Дэвис.

– Мне нужен адвокат? – с тревогой спрашиваю я.

– Все зависит от обстоятельств. Что вы натворили? – говорит Дурбан. Я смеюсь, поскольку он произнес это мягко, почти в шутку, но замечаю, что он дает мне время ответить, прежде чем добавляет: – Вас не арестовали и не обвинили, Клэр. Мы просто хотим задать вам несколько вопросов. О Стелле Фоглер.

– О ком?

И тут я вспоминаю – речь идет не о продюсере.

– Насколько я понимаю, вы периодически работаете на юридическую фирму «Керр Адлер», – добавляет Дурбан, когда мы садимся. – Правильно?

– Да, это так.

– Расскажите мне об этом.

На мгновение я задумываюсь, не солгать ли – работа, может, и не профсоюзная, однако я уверена, что она нарушает мои визовые условия, но поскольку полицейские и так уже достаточно много знают, я подчиняюсь и рассказываю им обо всем: о Марси, о приманке, о скрытой камере в моей сумке. Через некоторое время Дэвис отодвигает бумаги в сторону и начинает делать заметки.

– Было ли что-то необычное в задании миссис Фоглер? – спрашивает Дурбан.

– Эм… Необычное? Ну, меня попросили встретиться с ней заранее. Такое случается не всегда.

– С чего бы это?

Я пожимаю плечами.

– Генри сказал, что она хочет взглянуть на меня. Посмотреть, подойду ли я ей.

– И как она выглядела в тот раз?

Я вспоминаю, как Стелла Фоглер ходила взад и вперед у окна.

– Что ж… Она выглядела нервной.

– Нельзя ли чуть поподробнее?

Я медленно говорю:

– Как будто она чего-то боялась.

Мужчины не смотрят друг на друга, но я чувствую, как они застывают во внимании.

– С миссис Фоглер все в порядке? – спрашиваю я.

– Просто расскажи нам, что случилось, Клэр, – просит детектив Дурбан. – Возможно, она была напугана?

Я рассказываю им о Стелле, потом о том, как я подошла к ее мужу в баре. Когда я дохожу до того места, где Патрик дает мне сборник стихов и уходит, детектив Дурбан останавливает меня.

– Думаете, он догадался, что происходит?

– Не понимаю, как он мог догадаться.

– О’кей. А миссис Фоглер? Как она отреагировала, когда вы рассказали ей, как все прошло? Она была довольна? Успокоилась?

– Не совсем.

Я повторяю ее слова о том, что она что-то узнала о своем муже. Теперь это звучит несколько зловеще. Эти двое так напряженно допрашивают меня, что мне кажется – произошло нечто плохое.

– Патрик и Стелла в порядке? Что-то случилось? – спрашиваю я, и снова они не отвечают на мой вопрос.

– Когда она вам заплатила, вы видели другие деньги? Может, в сумке? – спрашивает Дурбан.

Я отрицательно качаю головой.

– Но в свертке, который она достала, было не меньше тысячи. Она платила мне сотнями.

– Итак, вы взяли *четыре* купюры. – Дурбан делает ударение на слове *четыре*.

– Да, – озадаченно отвечаю я. – Как я и сказала. Столько она была мне должна.

– Что случилось с остальными?

– То есть – *с остальными*?

– Мы не нашли у нее денег, – напрямую сказал он. – В то утро миссис Фоглер сняла большую сумму наличными.

Я смотрю на Дурбана.

– *У нее…* Вы имеете в виду – она мертва?

– Верно. – Он наблюдает за моей реакцией.

– О, боже! – в ужасе восклицаю я. – Как так вышло? Что случилось?

– Мы подозреваем убийство. Все, что я могу вам сказать.

Полицейский продолжает пристально смотреть на меня. Выражение его лица, которое раньше казалось мне дружелюбным, даже отеческим, стало жестким.

– Миссис Фоглер умерла в своей комнате, незадолго до рассвета. В ту ночь вы были с ней.

– О, нет, – шепчу я. – Кошмар. Вы ведь не можете думать…

– Продолжайте, пожалуйста, отвечать на наши вопросы, Клэр. – Он снова берет меня за руку. Потом и в третий раз. Дэвис продолжает делать заметки.

– Что случилось с видео? – наконец спрашивает Дурбан. – С тем, которое было сделано скрытой камерой. У кого оно сейчас?

Я вспоминаю.

– Я отдала его Стелле. То есть миссис Фоглер. Это стандартная услуга. В конце концов, она заплатила за нее.

– А сборник стихов?

– Он все еще в сумке. Я обычно не читаю стихи, но они, как ни странно, действительно интересные…

– Нам он понадобится, – перебивает меня полицейский.

Он достает пакет для улик, выворачивает его наизнанку и использует как перчатку, чтобы забрать у меня книгу.

– Вы не выясняли, что означают эти французские строчки? Какое

стихотворение он, уходя, процитировал вам?

– Да, я почти уверена, что он процитировал мне строки из стихотворения «Прохожей». Оно о том, что вы видите кого-то на улице, обмениваетесь взглядами, но все равно расходитесь в разные стороны… Буквальный перевод: «О, ты, кого я любил! О, ты, кто тоже это почувствовал!»

Дурбан фыркает:

– Мда, очень мило. Я должен попытаться это запомнить. Итак, вы покидаете отель… Что потом?

– Я встречалась с друзьями.

– В баре?

Я киваю.

– Бар «Харли». Было много людей, они могут подтвердить, что я была там в половине десятого.

– И когда вы вернулись домой?

– Около семи утра… Я кое-кого встретила.

– Имя этого человека?

– Хм… Том.

– Фамилия?

– Я уверена, что у меня остался номер телефона.

Я роюсь в сумке и нахожу клочок бумаги.

– Да! Вот он.

Детектив Дурбан внимательно изучает клочок.

– Мне кажется, это *«и»*. Тим, а не Том. Мы свяжемся с ним.

– Что вы сделали с деньгами, Клэр? – спрашивает детектив Дэвис, впервые заговаривая.

– С четырьмястами долларами? Я отдала их соседке по комнате. У меня большие долги по квартплате перед ней.

– Да нет, не с четырьмястами, – прерывает меня Дэвис. – С двадцатью тысячами долларов, которые вы украли из номера Стеллы Фоглер.

Я смотрю на него, голова идет кругом.

– Что? Да нет, вы ведь не думаете…

– Просто ответьте на вопрос, – добавляет Дурбан.

– Денег не было – во всяком случае, такой суммы. По крайней мере, я их не видела. Получается, я – *подозреваемая*?

– Подозреваемая? – Дэвис пыхтит. – Вы, знаете ли, уже признались в записи на скрытую камеру без согласия, в работе в качестве нелицензированного следователя, вымогательстве и заговоре с целью шантажа. Нам просто нужно покончить с этим делом – кражей и

убийством, и вот мы его раскрыли.

– *С убийством*?

– По словам Генри Норта, той ночью вы поссорились с миссис Фоглер.

– Я же говорила вам, она странно себя вела.

– Итак, вы ушли, размышляя о ее грубости. А потом вернулись в номер, – говорит Дэвис. – Где у нее как раз оказалось много наличных. Генри Норт рассказал нам о ваших финансовых проблемах. Должно быть, это сильно раздражает – видеть женщину, которая гораздо богаче вас.

Я озадаченно качаю головой.

– Я же сказала – вернулась лишь потому, что хотела отдать книгу. Более того, Генри сказал мне – все, что я делаю для этой фирмы, законно. Если я записываю людей в общественном месте – это совершенно нормально. И я не буду приставать, если они сделают первый шаг. – Мне приходит в голову одна мысль. – Вы его-то допрашивали?

– Конечно, и мы тщательно проверим его счет. Так же, как мы проверим ваш и этого Тима.

– Вы убили Стеллу Фоглер, Клэр? – Детектив Дурбан спрашивает так буднично, словно интересуется, кладу ли я в кофе сахар.

Я смотрю ему прямо в глаза, не обращая внимания на глухой стук в груди.

– Нет. Я ее не убивала.

Повисает напряженная тишина.

– Детектив, выйдем поговорить? – предлагает Дурбан.

Они выходят, и я слышу приглушенные голоса за дверью. Затем Дурбан возвращается один.

– Мне нужны сведения по крайней мере о трех людях, которые могут подтвердить, что вы были в баре в половине десятого, – произносит он. – После этого можете идти.

Я смотрю на него с облегчением.

– Так значит, вы не думаете, что это сделала я?

– Мы перепроверим все, что вы рассказали. Если говорите правду, то мы сможем довольно быстро исключить вас из числа подозреваемых, но не уезжайте из города, не оповестив нас. Я настоятельно советую больше не работать на эту юридическую фирму. Это расследование убийства, мисс Райт, а не иммиграционная проверка, но, если мы узнаем, что вы нарушили условия пребывания, я не замедлю сообщить эту информацию в соответствующие органы.

С этими словами он начинает собирать бумаги, раскладывая их по стопкам. Я понимаю, что все это было игрой: классический допрос в стиле

«хороший и плохой полицейский», рассчитанный на то, чтобы вселить в меня страх Божий.

Это сработало. Я все еще дрожу. Если бы я сделала что-то не то, я бы призналась этим двоим в мгновение ока. Смесь уверенности, дружелюбия и агрессии превратила меня в съежившуюся развалину.

Впрочем, даже сейчас, испытывая облегчение, я ловлю себя на мысли: «Что я могу извлечь из произошедшего?»

13

Когда я прихожу домой, вижу Джесс с тюрбаном из полотенца на голове, она одновременно переключает каналы, просматривает «Фейсбук» и красит бледно-голубым лаком ногти на ногах.

– Хорошо прошел день? – спрашивает подруга, не поднимая глаз.

– Не слишком.

Я рассказываю Джесс о полиции, об убитой клиентке. Вскоре она уже смотрит на меня с открытым ртом.

– Я чувствую себя ужасно, – заключаю я. – Если не считать персонала отеля, мы с Генри, судя по всему, были последними, кто видел Стеллу Фоглер живой.

– Они сказали, как она умерла?

Я в который уже раз качаю головой.

– Все расплывчато. Судя по тому, как они меня допрашивали, это было ограбление. Вероятно, мне придется дать показания в суде.

На мгновение в моей голове начинает разворачиваться непрошеная сцена:

Нью-йоркский зал суда, день.

Клэр Райт, одетая, как Вера Майлз в фильме «Не тот человек» – внешне хладнокровная и отчужденная, но явно нервничает внутри.

Прокурор

Мисс Райт, спасибо, что пришли. Ваши показания будут иметь решающее значение для исхода этого процесса…

– Ты сказала: «Фоглер»? – перебивает меня Джесс.

– Да. А что?

– В новостях какой-то сюжет о нем показывают. – Она нажимает на

пульт и указывает на телевизор. – Вот здесь.

На экране – Патрик Фоглер. Его красивое лицо потемнело от усталости. Он стоит перед многоквартирным домом и разговаривает с целой батареей микрофонов. Вспышки мелькают на лице Патрика.

– Это он, – говорю я. – Сделай-ка погромче!

По мере увеличения громкости мы слышим, как он говорит:

– *…благодарен за любую помощь, любую помощь вообще, которую вы можете оказать полиции Нью-Йорка.*

Он останавливается, и шквал вспышек удваивается.

Кто-то сзади кричит:

– Каковы были ваши отношения с женой?

– Пресса – настоящая засада, – многозначительно говорит Джесс. – Ты знаешь, что *это* значит, не так ли?

– Что он разговаривает с прессой?

– Нет, глупая. Полиция считает, что преступление совершил Патрик Фоглер.

Джесс вздыхает под впечатлением от моего непонимания.

– Полиция знает, кто это сделал, но адвокат не дает им возможности задавать по-настоящему сложные вопросы. Они оповещают газеты, и журналисты теперь могут задавать вопросы за полицейских. Когда ты в следующий раз увидишь Патрика, он уже будет в наручниках.

Я вспоминаю встречу со Стеллой и ее странные слова.

Стелла

Обещай, что будешь осторожна.

Я

Почему бы вам не рассказать мне о вашем муже, миссис Фоглер?

Стелла

Он не похож ни на одного мужчину, которого ты когда-либо встречала. Я говорю сейчас на полном серьезе. Не поворачивайся к нему спиной. Не доверяй ему. Обещаешь?

Я думала, она имела в виду, что Патрик Фоглер – извращенец. Конечно, это было до того, как я его встретила: меньше всего он напоминал озабоченного, но, может, Стелла имела в виду нечто совсем другое?

Не *его* ли так боялась моя клиентка? Или, во всяком случае, не так ли детектив Дурбан представил эту сцену, когда я ему ее описала?

Я снова смотрю на экран телевизора, на Патрика Фоглера – такого спокойного, умного, симпатичного – и думаю, что его невозможно представить преступником.

– Он не может быть виновным, – произношу я. – Я в это не верю. Не забывай, что он не отреагировал на мои приставания. Хороший, привлекательный, верный парень.

– Не вешай мне лапшу на уши, – произносит Джесс, вытирая волосы полотенцем. – «Таких не бывает» – как ты обычно говоришь.

14

Весть об убийстве попала на первые полосы. Оттуда ее подхватили блогеры и комментаторы. Каждый выдвигал свою версию произошедшего. Во-первых, они считают, что это неудачное ограбление. Несколько лет назад вооруженная банда орудовала в элитных номерах в отелях Мидтауна, держа гостей под прицелом. Членов банды приговорили к тюремному заключению, и с тех пор на Манхэттене отели не грабили. Тем не менее, в социальных сетях писали о том, как это отразилось на туристической отрасли. Посетителям рекомендовалось держать двери гостиничных номеров на цепочке.

Вскоре внимание переключается на Стеллу. Что делала женщина, живущая на другом конце города, в Морнингсайд-Хайтс, в отеле, расположенном неподалеку? Есть две версии: во-первых, что она поссорилась с мужем, а во-вторых, что ждала любовника. Также ходят слухи, что из ее номера была украдена крупная сумма наличных, и эту информацию полиция как раз и отказывается подтвердить или опровергнуть.

Горничная Консуэла Альварес, обнаружившая тело, рассказала репортеру, что в комнате были следы борьбы. По ее словам, тело Стеллы оставили на кровати и накрыли простыней. Заплакав, Консуэла описала разбитую голову, «залитую диким количеством крови».

Судя по всему, камеры наблюдения в отеле не дали никакой полезной информации.

Постепенно две теории начинают сливаться воедино. Стелла *ждала* любовника. Она отдалилась от мужа. Вот почему Патрик Фоглер убил Стеллу – подразумевалось под этим.

Конечно, я знаю, что это неправда. Стелла остановилась в отеле только для того, чтобы я могла попробовать обольстить Патрика, и какие бы

семейные проблемы ни возникали у них, ее муж не был склонен к измене, что, в свою очередь, означало: Патрик, по крайней мере, верил в разрешение этих самых семейных проблем. И полиция тоже обо всем в курсе. Я все жду, когда же они прекратят нагонять туману и расскажут обо мне журналистам, но по какой-то причине они этого не делают. Они не возвращаются и больше не задают вопросов.

Я рассказываю нескольким друзьям, что в тот вечер я была со Стеллой Фоглер, но только нескольким. Мне совсем не хочется, чтобы мою внештатную деятельность обсуждали в каком-то блоге. В любом случае, я не могу удовлетворить интерес моих друзей к ужасным деталям, касающимся преступления, поскольку я ничего не знаю. Я в таком же неведении, как и все.

Когда через две недели я не получаю никаких известий от полиции, я звоню Генри.

– Клэр, – говорит он. Скорее утверждение, чем вопрос. Словно Генри удивился.

– Мы можем встретиться? Я хочу тебя кое о чем спросить.

Повисает пауза, после чего раздается его голос:

– Хорошо, но не в офисе.

Генри называет отель, где мы уже несколько раз работали.

Когда я пришла, он уже сидел за стойкой, в самом конце зала, где нас не сможет услышать бармен. Я присоединяюсь к нему.

– Я думала, ты что-то слышал, – говорю я. – Я имею в виду о расследовании.

– Все, что я слышу, это то, что они ничего не добились. – Он пожимает плечами. – Однако они больше не считают, что мотивом было ограбление. Видимо, есть конкретные детали, указывающие на мужа убитой.

– Какого рода детали?

Я спрашиваю, удивляясь тому, что Джесс, возможно, права.

– Они не говорят, какие именно. Все достаточно банально. Они могут внезапно выпускать подозреваемых, например, на время проведения интервью. Однако прозвучало слово *бешеный*.

Генри искоса смотрит на меня.

– Они доставили тебе много хлопот?

Я киваю.

– А тебе?

– Ничего такого, чего бы я не делал с другими. Они просто выполняют свою работу.

– Генри… Могу ли я еще что-то сделать для тебя? Мое положение становится отчаянным.

– Ни за что, – говорит он. – Фирме и так повезло, что нас не оштрафовали за нелегального работника. Если б я не был бывшим копом, не думаю, что они дали бы нам такую поблажку. – Он колеблется. – Дело также в том, что мы все равно собирались отказаться от твоих услуг.

– Потому что у меня не было нужных документов?

Генри качает головой.

– Поступила жалоба. От адвоката. Парня по имени Рик. Помнишь его?

Помню, конечно. *В Сиэтле за это платят много.* Когда я показала пленку его жене, в ее глазах сквозь слезы горел гнев.

– Через пару дней после вашей встречи Рик дал письменные показания под присягой. Он утверждал, что после того, как ты встретила его в баре, ты поднялась к нему в номер и занялась с ним сексом, а потом взяла тысячу долларов, которые он тебе дал, и только *потом* продала видео жене. Это, конечно, делает тебя виновной в уголовном преступлении, а нас – соучастниками. Подобный расклад сделал бы видео неприменимым в бракоразводном процессе.

– Он лжет, – говорю я с остервенением. – Просто просмотри запись.

– Видео заканчивается тем, что ты говоришь ему: «Иди вперед, встретимся в номере». Затем ты выключила камеру. Рик предоставил полную временную шкалу событий, Клэр, а также чеки из бара и информацию о ключе. Сколько времени ты провела в отеле – два часа? Достаточно для его версии.

– Видео заканчивается, потому что я получила то, что мне было нужно, – настаиваю я. – На это ушло два часа. Я целый час ждала, когда он встанет из-за стола. Господи, Генри, ты ведь знаешь, как я работала!

– Я знаю, тебе нравилось менять обличья. Я никогда не задавал тебе слишком много вопросов, пока мы получали нужное.

– Я никогда такого не делала, – категорически заявляю я. – Господи, этот Рик – подонок. Подонок и адвокат. Он точно знал, как именно солгать, чтобы исключить это видео из показаний его жены.

– Я не о его словах, Клэр. Я просто говорю о том, что такие доводы нам будет очень сложно опровергать, и все задания, которые после этого ты выполнишь для нас, будут запятнаны с точки зрения улик. Поэтому-то руководство настоятельно посоветовало мне найти кого-нибудь другого. Если бы ты не позвонила и не сказала, что тебе нужны деньги на аренду жилья, я бы никогда не позволил тебе работать со Стеллой Фоглер. Считай это своеобразным «последним концертом» – в память о старых временах.

Я чуть не зарыдала от такой несправедливости.

– Что ж, значит, я теперь не могу работать в фирме, но ведь должен же существовать какой-то другой способ…

Генри качает головой.

– Даже и не начинай. Послушай-ка, ты – великолепна. Мне было очень приятно с тобой работать, и я надеюсь, что наши пути когда-нибудь снова пересекутся. Но не в этот раз.

Он машет бармену:

– Счет!

15

Прошло три месяца, а может, и больше.

Какое-то время убийство в отеле «Лексингтон» оставалось сенсацией, обсуждаемой в интернете, в барах и офисах. Затем звезду телесериала фотографируют в клубе свингеров, туннель Линкольна закрывается на ремонт, а президент отправляет еще больше войск на Ближний Восток.

Жизнь продолжается.

Отец Джесс дает мне небольшую отсрочку по арендной плате. Однако без работы на юридическую фирму мне приходится делать то, чем я бы никогда не занялась без крайней нужды. Вещами, о которых я не люблю думать и о которых больше никто не знает.

Что угодно, лишь бы продолжать играть.

Часть вторая

16

Комната залита солнечным светом. Нас восемь, мы лежим на полу в виде морской звезды, уставившись в потолок, наши головы почти соприкасаются.

– Это очень старая импровизационная игра, – слышится слева от меня голос Пола. – Она называется «История рассказывает сама себя». Мы будем отбивать ритм по полу. И каждый раз, когда мы ударяем, будем по очереди добавлять одно слово к рассказу.

– О чем этот рассказ? – спрашивает кто-то.

– Понятия не имею. В том-то и дело. Никто не знает. Рассказ уже есть. Все, что нам нужно сделать, это выпустить его на свободу.

В последнее время упражнения стали сложнее. Пол заставлял нас целыми днями называть вещи не теми именами, просто чтобы узнать, как мы их ощущаем. Он заставлял разыгрывать безумных персонажей: коммивояжера с чемоданом, набитым свитерами из жирафьей шерсти, солдата, вооруженного невидимым пулеметом. Затем он послал нас в качестве персонажей приставать к прохожим на улице. К моему удивлению, прохожие чаще всего слушали все это с удовольствием. Или я совершенствуюсь в этом, или Нью-Йорк становится все более сумасшедшим, когда жара бьет в голову.

И с каждым упражнением Пол напоминает нам об одном-единственном правиле. *Игра – это не притворство. Вся суть в слове. Игра – это действие. Бытие. Становление.*

– Поехали, – произносит он, хлопая ладонями по полу.

Медленный, скачущий ритм. Постепенно мы все его подхватываем.

– Однажды, – начинает он.

Немного сбиваясь с ритма, студент слева от него продолжает:

– Давным.

– Давно.

– Жила.

– Была.

Вдруг наступает моя очередь. *Не думай, действуй.* Хотя, по правде говоря, у меня нет времени ни на то, ни на другое, ритм заставляет меня

сказать первое, что приходит в голову.

– Принцесса.

И история продолжается, набирая обороты по мере прохождения по кругу. Сказка, что-то о принце, который влюбляется в статую в своем саду.

В следующий раз Пол все усложняет. Если вы колеблетесь, то выпадаете из игры. И ритм будет ускоряться с каждым разом. Необходимо научиться инстинктивно реагировать в конкретный момент, объясняет он.

На этот раз он не начинает с чего-то столь очевидного, как «однажды». И появляется странная блестящая история, темная фантазия о маленькой девочке, которая живет на кладбище среди воронов и ворон.

Один за другим студенты спотыкаются, поднимаются на ноги.

Все, кроме меня.

И в конце концов мы остаемся вдвоем, я и Пол, лежащие под прямым углом на полу, как две стрелки часов. Наши руки хлопают по половицам в тройном темпе, слова текут так густо и быстро, словно мы их выучили наизусть.

Я чувствую себя одержимой, возбужденной, плененной. Как будто я всего лишь рупор другой личности. Хозяйка какого-то духа вуду. Настоящая «я» уничтожена, уничтожена силой, которая сильнее любого оргазма.

Теперь я понимаю. *Не думай.*

Наконец он останавливается, а я живу там еще несколько секунд, приходя в себя, наслаждаясь моментом.

Группа молча наблюдает. Обычно в конце хорошего упражнения они аплодируют. Я поднимаю голову и смотрю.

Коп стоит рядом с ними. Детектив Дурбан.

– Мисс Райт, – произносит он. – Клэр, мы можем поговорить?

*** * ***

Я веду его в кафетерий. Вокруг нас группами по два-три человека сидят студенты, болтают или работают на ноутбуках. Слишком жарко для кофе. Детектив достает нам из автомата диетическую колу.

– Америка, – бормочу я смешным голосом янки, когда он протягивает мне колу. – Земля некалорийная.

Он не улыбается. Я замечаю, как он устал.

– Я хочу, чтобы вы помогли нам, Клэр, – резко говорит он.

– Конечно, что угодно, если смогу. Как?

– Мы возвращаемся к старой теме об убийстве Фоглер. Перепроверяю показания, смотрю, не пропустили ли мы чего-нибудь в первый раз.

– Вы ведь никого не арестовали? Я читала в интернете.

Дурбан хмурится.

– Мы исключили из нашего расследования очень многих людей. Включая сто двадцать шесть постояльцев отеля «Лексингтон». Мы не сидели сложа руки.

– Извините, я не хотела…

– Хотя большая часть нашей работы сосредоточена на одном человеке, – добавляет он.

– На муже, – говорю я. – На Патрике.

На это он не отвечает.

– Вы можете вспомнить детали разговора с мистером Фоглером?

– Конечно.

– У нас есть новый человек в деле. Психолог. Я бы хотел, чтобы вы с ней встретились.

– Разумеется, если вы думаете, что это будет полезно… Когда?

– Было бы неплохо прямо сейчас.

Я бросаю взгляд в сторону репетиционной.

– У меня занятие.

– Это важно, Клэр.

Его тон стал жестче.

– Просто… я не вижу, чем могу помочь. Мы с Патриком Фоглером говорили всего несколько минут. Я его не заинтересовала.

Дурбан кивает.

– Возможно, но почему он ушел?

– Что вы имеете в виду?

– Фоглер. Когда вы попытались его снять, то сказали, что он, казалось, стремился уйти. Вот об этом я и думаю. Поскольку он собирался домой, а его жены не было в городе, к чему такая спешка? Зачем прерывать разговор с дружелюбной молодой женщиной, которая готова обсуждать французскую поэзию, как будто ей действительно это интересно?

– Может быть, я ему наскучила.

– Это один из вариантов.

– Есть еще?

Он не отвечает прямо. Я понимаю, что с этим человеком поток информации всегда односторонний.

– В любом случае, я бы хотел, чтобы вы поговорили с психологом. – Он перегибается через стол. – Слушайте, я так и не доложил о вас своим

друзьям из иммиграционной службы, но еще не поздно.

– Похоже, у меня нет выбора, – говорю я с натянутой улыбкой.

– Нет, – соглашается он. – На самом деле нет.

Мы берем такси. Дурбан называет адрес в Юнион-Сити. Водитель выключил кондиционер, чтобы сэкономить топливо. А это первый по-настоящему жаркий день мая, и мы потеем на виниловых сиденьях. Юбка задирается, оголяя ноги, и раз или два я вижу, как детектив Дурбан кидает взгляд на них, а потом отворачивается и смотрит в окно.

17

Мы останавливаемся перед отвратительным невзрачным офисом в квартале, полном уродливых зданий и пустых парковок. Окна не мыли десятилетиями, краска на рамах облупилась.

Охранник на стойке регистрации просит меня расписаться. Я не вижу ни одного человека, пока мы идем по длинному душному коридору. Наконец детектив Дурбан стучит в дверь, на табличке которой написано: «Офис № 508. Доктор Кэтрин Лэтэм, Американский совет по семейной практике, судебный психолог».

– Войдите, – отвечает женский голос.

В комнате за дешевым деревянным столом работает на ноутбуке женщина. На вид ей лет шестьдесят, может, больше. Ее волосы, такие седые, что кажутся почти белыми, коротко подстрижены. Одета она более стильно, чем я ожидала. Женщина поднимает глаза – голубые и проницательные.

– Клэр Райт, да?

– Клэр, доктор Лэтэм, – произносит Дурбан, представляя нас друг другу.

– Зовите меня Кэтрин. И садитесь. Надеюсь, вы не возражаете, если я буду записывать?

Она кивает на одну из стен, которая, как я теперь вижу, сделана из темного зеркального стекла. Какое-то двустороннее зеркало, за которым я могу разглядеть красную точку включенной камеры. Я машинально расправляю плечи, словно на кастинге, и только потом понимаю, как это глупо.

– Итак, – говорит доктор Лэтэм. – Расскажите мне о вашей встрече с Патриком Фоглером.

Я рассказываю ей все, что помню, подчеркивая, что Патрик все время вел себя достойно. Доктор Лэтэм слушает, наклонив голову, взгляд голубых глаз ничего не выражает.

Когда я заканчиваю, она кивает.

– Спасибо, Клэр. Вы мне очень помогли.

– И это все? – удивленно спрашиваю я.

– Конечно, вы можете идти.

– Кэтрин… – протестует детектив Дурбан, будто это не то, что он надеялся услышать.

– Она не подходит для этого, Фрэнк, – твердо говорит Кэтрин Лэтэм.

– Для чего не подхожу? – нахмурясь, спрашиваю я.

– Клэр, можете дать нам минутку? – просит Дурбан. – Просто подождите в коридоре.

Я выхожу, и он закрывает за мной дверь. Я слышу их громкие голоса, но даже когда прижимаюсь ухом к двери, не могу разобрать, о чем они говорят.

Следующая дверь должна вести в комнату за двусторонним зеркалом. Я осторожно открываю ее на случай, если там кто-то есть, готовая сказать, что просто искала туалет.

Но комната пуста, если не считать монитора и маленькой камеры на штативе. Звук включен, и я прекрасно слышу голоса.

Голос детектива Дурбана

…свой класс. Она хороша. Она может *играть*.

Голос Кэтрин Лэтэм

Они все *играют*, Фрэнк. Модели, актрисы, да кто угодно. Это не значит, что она может сделать что-то подобное.

Голос детектива Дурбана

Она из «Ритма» – актерского студийного курса. Мне сказали, что они очень избирательны. И она… привлекательна.

Голос Кэтрин Лэтэм

(многозначительно)

Правда, Фрэнк?

Голос детектива Дурбана

Конечно, у нас есть женщины-копы, которые могут это сделать. Не в

обиду моим коллегам, но ты их видела? Я думаю, у Клэр с ним больше шансов.

Голос Кэтрин Лэтэм
В прошлый раз не получилось.

Голос детектива Дурбана
Он отдал ей книгу. Ты сама сказала – для него это близость.

Повисает пауза, во время которой Кэтрин Лэтэм размышляет о его словах. Когда она вновь заговаривает, ее голос звучит чуть менее выразительно.

Голос Кэтрин Лэтэм
Тем не менее, ты не можешь обойти тот факт, что она гражданская. Это вопрос безопасности.

Голос детектива Дурбана
Мы будем рядом, если что-нибудь случится. И самое замечательное в ней то, что у нее нет учетной документации. Нет банковского счета, нет номера социального обеспечения, чтобы он мог проверить. Она может быть кем угодно.

С меня хватит. Я возвращаюсь в коридор и захожу прямо в кабинет доктора Лэтэм без стука.

– Я сделаю это, – говорю я. – Что бы это ни было, но вы должны заплатить мне.

Это неплохой ход, но Кэтрин Лэтэм выглядит невозмутимо.

– Вы хоть понимаете, о чем мы говорим?

Я пожимаю плечами.

– Я кое-что уловила.

– По крайней мере, не повредит объяснить ей, – тихо произносит детектив Дурбан.

Доктор Лэтэм минуту, не мигая, изучает меня.

– Очень хорошо. У нас есть подозреваемый в убийстве Стеллы Фоглер…

– Ее муж.

– Пожалуйста, не перебивайте. У нас есть подозреваемый. Этот человек очень умен, очень дисциплинирован. Его нельзя спровоцировать

или обманом заставить раскрыть себя. Есть предположение – операция под прикрытием может быть успешной там, где другие методы потерпели неудачу.

– Вы имеете в виду – заманить его в ловушку?

– Это не ваша ловушка, – говорит с иронией доктор Лэтэм. – Это будет очень сложная, психологически обоснованная операция. Подозреваемому будет предложено раскрыть различные аспекты его личности, которые можно сравнить с моим портретом убийцы Стеллы Фоглер. Если они совпадут… Это бы убедительно указало на то, что подозреваемый и убийца – одно и то же лицо.

– Это опасно?

– Конечно!

– На вас будет прослушка, – успокаивает Дурбан. – У нас будут люди, готовые вытащить вас.

– Если я это сделаю, сколько мне заплатят?

– Кто бы ни был приманкой, он будет удовлетворен, зная, что выполняет свой гражданский долг, – ледяным тоном произносит доктор Лэтэм. – Женщина умерла, Клэр.

– Мы, вероятно, могли бы заплатить что-то, – добавляет Дурбан.

– Мне нужна грин-карта, – медленно произношу я. – Полная оплата и грин-карта.

– Это невозможно, – качает он головой.

– Вы сами сказали, что у вас есть друзья в иммиграционной службе.

– Никакой грин-карты не будет, – перебивает доктор Лэтэм. – Потому что никакой операции не будет. Вы не станете этого делать.

Мы оба смотрим на нее.

– По крайней мере, до тех пор, пока *я* не разрешу, – добавляет она.

18

Я подписываю несколько бланков, и доктор Лэтэм проводит со мной серию психологических тестов: тест Векслера, Миннесотский многоаспектный личностный опросник, Опросник Хаэра для выявления психопатии. Она заставляет меня держать электроды в руках, а сама выводит изображения на экран: собаки, дети, облака, а потом внезапно – нож, порнография и снова облака.

Однако в основном мы разговариваем.

– Почему вы решили жить в Нью-Йорке, Клэр?

Я пожимаю плечами и парирую:

– Почему бы и нет?

Доктор Лэтэм проницательно смотрит на меня.

– Вы ведь были приемным ребенком, не так ли?

– Верно, – подтверждаю я, удивляясь, откуда она это знает.

– Вы хорошо ладили со своей приемной семьей?

– С *семьями*. Во множественном числе. Они не хотели, чтобы мы слишком привыкали к новому дому. Так что мой ответ: «Не слишком хорошо».

Доктор ждет, когда я продолжу говорить.

– Вот возьмем даже ту семью, в которой я провела больше всего времени, – наконец говорю я. – Джули и Гэри. Джули работала менеджером в службе здравоохранения. Гэри работал в отделе маркетинга. Со стороны они выглядели счастливой семьей… по крайней мере, когда рядом были социальные работники. Мне было лет одиннадцать, когда я поняла, что Джули и Гэри друг друга недолюбливают, но чересчур привязались друг к другу. Если они разведутся, то потеряют дополнительный бизнес – приемное родительство, десять тысяч фунтов на ребенка в год без учета налогов. Так они и боролись друг с другом, изображая, что в их семье все в порядке.

Я замолкаю.

– Продолжайте, – тихо говорит доктор Лэтэм.

– Примерно через год я впервые заметила, что Гэри смотрит на меня как-то по-другому. Если я сталкивалась с ним, выходя из ванной, он улыбался, как будто у нас был какой-то общий секрет. Однажды я порезала ногу и помню, как он проводил руками вверх и вниз по ней, чтобы посмотреть, насколько все плохо. Иногда он гладил меня по спине… Сначала мне это нравилось. Я имею в виду, это ведь лучше полного игнорирования, верно? Наконец-то у меня появилось что-то, что заставило его обратить на меня внимание – что-то, чего не было у его жены. Прошло некоторое время, прежде чем я поняла, о чем именно шла речь. Он никогда не совершал ничего противозаконного. Во всяком случае, ничего серьезного. Просто несколько раз лапал меня, когда я совершала ошибку – оставалась с ним наедине. Меня не удивило, когда Джули в конце концов его выгнала, и Гэри сбежал с женщиной с его работы.

Доктор Лэтэм кивает.

– А работа, которую вы проделывали для той юридической фирмы? Что вы чувствовали тогда? – спрашивает доктор, и я понимаю, что для нее это весьма важный вопрос.

Я делаю удивленное лицо:

– Это была дерьмовая работа, которая оплачивала мою аренду.

– И все, Клэр?

– Послушайте, – говорю я, немало раздраженная ее настойчивостью. – Эти женщины думали, что если я могу так легко обольстить их мужей, то они не стоят того, чтобы жить с ними, но реальность такова, что любой другой мужчина на их месте поступил бы так же. Таковы мужчины.

– Думаю, это довольно циничная точка зрения. Может, женщины просто хотели доверять своим партнерам?

– Тогда они и должны доверять им, не проверяя на вшивость. Мужчина думает членом. Смиритесь с этим.

– Любой мужчина, Клэр? – тихо спрашивает доктор Лэтэм. – Или мужчины, похожие на вашего приемного отца?

Я смотрю на врача. Я наконец-то поняла, к чему она клонит.

Я

Моя работа… По вашему мнению, я просто разыгрываю историю своего детства?

Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

Я

Я разрушаю чужие семьи, точно так же, как была разрушена моя. Наказываю этих людей, потому что в детстве рядом со мной никого не было. У меня не было любящего отца. В моей жизни главенствовал лишь какой-то скользкий извращенец, желавший меня пощупать.

Слеза капает мне на щеку. Я смахиваю ее.

Кэтрин Лэтэм поднимает руки и, к моему удивлению, медленно и сардонически аплодирует.

– Очень хорошо, Клэр. Конечно, все это – фрейдистская чушь, но я по-настоящему впечатлена тем, как вы восприняли мое предложение и воспользовались им, а слезы – приятный бонус.

Доктор бросает мне пачку салфеток и что-то помечает в блокноте.

– Давайте-ка перейдем к вашей сексуальной жизни. Полагаю, разговор о ней займет некоторое время.

Наконец мы снова в комнате с детективом Дурбаном, и он выжидающе смотрит на доктора Лэтэм.

– Итак, – деловито говорит доктор, – она не уверена в себе, импульсивна, эмоционально хрупка и не сдержанна, не может справиться с отказом и, хотя с большим трудом пытается это скрыть, все равно жаждет одобрения как наркоман, страстно желающий получить дозу. Что я могу сказать, Фрэнк? Она – актриса. С другой стороны, это быстрая, наблюдательная, талантливая и храбрая девушка. Вопреки моему здравому смыслу, я думаю, в данном случае нам действительно стоит попробовать.

19

Она ведет меня в конференц-зал, расположенный в том же здании. Он все еще завален старыми кабелями от кого-то из прежних хозяев.

– Двенадцать лет назад Патрика Фоглера допрашивали в связи с исчезновением Констанс Джонс, проститутки.

Доктор Лэтэм выводит на экран фотографию молодой чернокожей женщины. Женщина с вызовом смотрит в камеру. Я понимаю, что это полицейский снимок.

– Ее видели садящейся в машину, похожую на машину Фоглера, но свидетель не располагал номерным знаком, и отсутствовали какие-либо улики. Констанс так и не нашли. Патрик заявил о своей невиновности, и никаких обвинений предъявлено ему не было.

Она меняет картинку. Еще один снимок.

– Четыре года спустя тело другой проститутки было найдено в пустом доме недалеко от университета в Массачусетсе, где преподавал Фоглер. Оно было обезглавлено. Голова и тело были размещены отдельно друг от друга. Опять же, не было ничего конкретного, что связывало бы Патрика с этим преступлением.

– Ну, если нет никакой связи… – говорю я.

Доктор Лэтэм поднимает палец.

– Кроме одного момента, настолько тонкого и косвенного, что он никогда не мог быть использован в суде.

Она протягивает мне книгу, и я сразу узнаю томик, который дал мне Патрик. «Цветы зла», перевод Патрика Фоглера.

– Страница пятьдесят шесть, – говорит мне доктор Лэтэм. – Прочтите вслух, пожалуйста.

Озадаченная, я выполняю ее просьбу.

Я

Лежит безглавый труп. Подушки омывает
Кровь красная живой струей,
Как бы ручей; ее материя впивает,
Как почва, с жадностью большой.
Как страшным сумраком рожденные виденья,
К чьей бледности наш взор влеком,
С косою черною и с ношей украшений
Лежит на столике ночном…
На ложе голый труп, забыв закон приличья,
В распутстве полном, обнажил
Красу жестокую и тайное величье,
Что в дар от рока получил…[9]

Я резко останавливаюсь. Теперь я понимаю, почему доктор попросила меня прочитать именно это стихотворение. *Безглавый труп…* Я слышу щелчок и поднимаю голову. Доктор Лэтэм воспроизводит на экране новые изображения. Ужасные, ужасные образы. Такие гротескные, что я отворачиваюсь от экрана, но один из них отпечатывается все-таки в моем мозгу. Отрубленная женская голова находилась среди толстых церковных свеч. На ней все еще были большие серьги-кольца. Глаза частично закрыты: видны зеленые тени от век. На лице застыло выражение покорности судьбе.

– Пожалуйста, продолжайте, – спокойно говорит доктор Лэтэм.

Я неохотно поднимаю книгу и продолжаю.

Я

Сумел ли мститель твой, неутолен живою
Тобой, кого он так любил,
Над неподвижною, податливой такою
Утешить свой огромный пыл?

Ответь, нечистый труп! – За косы поднимая
И голову держа в руках,
Запечатлел ли он свой поцелуй, прощая,
На холодеющих зубах?[10]

Я останавливаюсь. В горле пересохло.

– Но ведь это не доказывает, что он совершил преступление, да?

– Конечно, нет. – Доктор Лэтэм вежливо соглашается. – Это ничего не доказывает.

– А Стелла? Была ли она… Была ли ее смерть такой же?

– К этому мы еще вернемся. Незадолго до смерти жены Патрик встретил в баре молодую женщину. – Взяв книгу, она переворачивает страницу, чтобы отметить нужное место. – Помните?

Я киваю.

– Не могли бы вы сейчас найти это место?

Я знала: стихотворение, в которое столь пристально вглядывался в ту ночь Патрик Фоглер, называлось «Вино убийцы»:

Свободен я, жена скончалась.
Могу я вволю пить…[11]

– Когда мы возвращаемся в прошлое Патрика Фоглера, то обнаруживаем, что каждый раз неподалеку от его места жительства исчезают молодые проститутки. Нечасто. Всего лишь по одной или по две в год. Маловато, чтобы попасть в заголовки, потому что кого волнует исчезновение пары шлюх, верно? Но этого достаточно, чтобы установить закономерность: их тела редко находят, но когда находят – все они изуродованы именно теми способами, какие описаны в «Цветах зла» Бодлера.

Доктор Лэтэм вновь демонстрирует мне изображения – ужасные и навязчивые.

– Шанис Уильямс. Ее семь раз ударили ножом в сердце. Это преступление соответствует стихотворению «Мадонне», в котором Бодлер пишет:

Страсть черная! Грехов семь Смертных взяв скорей,
Палач с раскаяньем, семь сделаю Ножей
Отточенных и, как жонглер, без сожаленья,
Из всех твоих страстей взяв большую мишенью,
Вонжу я в Грудь твою кинжалов острие,
И Сердце я проткну дрожащее твое![12]

Джада Флойд. Ее грудь разрезана. Это преступление соответствует

стихотворению, в котором Бодлер пишет:

Как мучимую грудь блудницы очень дряхлой
Целует и сосет развратник и бедняк,
Восторги тайные, спеша, воруем так
И выживаем их, как померанец чахлый…[13]

– Остановите меня, если услышали достаточно.

– Да, с меня хватит.

Однако доктор Лэтэм не прекращает показ изображений: еще одна фотография, потом еще.

– Жасмин Диксон, живот был вскрыт, как описано в стихотворении «Туша». Имани Андерсон, голова была жестоко обрита, как в стихотворении, в котором Бодлер сравнивает локоны своей любовницы с «черным океаном горящей Африки». Прешес Коулмен – проткнутая селезенка. Энни Вашингтон – то же самое. Бодлер написал на эту тему несколько стихотворений под названием «Хандра», а ведь это только те, кого нашли, помните. – Она нажимает на кнопку пульта, и экран милосердно темнеет. – Затем, после того, как четыре года назад Патрик женился на Стелле, убийства прекратились.

– С чего бы это? – спрашиваю я, больше чтобы отвлечься от того, что только что видела.

– Возможно, он пытался быть хорошим. Возможно, Патрик влюбился, или, не исключено, что он просто стал лучше. В любом случае, отсутствие убийств, совпадающих с крупным событием в жизни Фоглера, – еще одна тонкая нить, связывающая его с этой серией. – Доктор Лэтэм наклоняется вперед, и ее глаза пылают. – Дело не только в поимке убийцы Стеллы Фоглер, Клэр. Речь идет о поимке *социопата*. Вот почему я говорю, что это опасное дело.

– Что именно я должна буду сделать?

– Очень сложно сказать. Могу только сказать, кем вы должны *быть*.

– Придется импровизировать. – Я чувствую, как учащается мой пульс.

– Да, за исключением того, что в этой пьесе мертвые тела не встанут и не поклонятся, когда все закончится. Пожалуйста, поймите, Клэр: вам придется доверять мне больше, чем любому режиссеру или преподавателю по актерскому мастерству, с которыми вы когда-либо работали. Откровенно говоря, у меня все еще есть серьезные сомнения на ваш счет.

– Вдруг все только совпадение и Патрик невиновен?

Я все еще пытаюсь соединить ужасные фотографии доктора Лэтэма с веселым, интеллигентным ученым, которого я встретила в том баре.

– Может быть. Но мы должны все время обдумывать наши дальнейшие действия, как будто он и есть преступник. Это единственный способ оставаться объективными. Впрочем… вот что я вам скажу. Я начала работать над этим делом более шести лет назад – задолго до убийства Стеллы, и большую часть времени была убеждена, что Патрик Фоглер – наиболее вероятный убийца.

20

После бессонной ночи, полной ужасов и сомнений, я снова в кабинете доктора Лэтэм. Я сижу за ее столом и просматриваю бумаги. Доктор Лэтэм стоит надо мной и пристально смотрит. Бумаги с подтверждением. Десятки бумаг.

Отказ от ответственности за травмы. Разрешение на наблюдение. Соглашение о конфиденциальности. Отказ от личной жизни. И бланки о бланках. Формы, которые говорят, что я понимала, что делала, когда подписывала все эти формы. Формы, которые сообщали, что я добровольно дала согласие, понимая, что это задание может испортить мою жизнь, здоровье и психическое состояние.

Я быстро подписываю документы, почти не читая. Ставлю инициалы на каждой странице и даты, там, где требуется.

– Добро пожаловать в учебный лагерь, солдат. Теперь твоя задница – моя, – рычит доктор Лэтэм.

Это худшее из выражений Дензела Вашингтона[14], которое я когда-либо слышала, но оно эффективно. Я не могу выдавить из себя улыбку.

Тренировка продолжается в другом конференц-зале, глубоко в недрах здания.

– Давайте посмотрим на пару монстров, – спокойно говорит доктор Лэтэм. Она нажимает кнопку на пульте, и свет гаснет.

Она расхаживает взад и вперед, закрывая лицо на экране.

– Это Петер Кюртен, также известный как Дюссельдорфский зверь. Его жена сказала полицейскому психологу, что их сексуальная жизнь была совершенно нормальной. Кюртен, с другой стороны, рассказал психиатру, что мечтал задушить жену каждый раз, когда они занимались сексом. Супруга Кюртена понятия не имела, о чем он на самом деле думает. Следующие слайды – жертвы Кюртена, в том виде, в каком он их оставил.

Когда я набираюсь сил, чтобы посмотреть на экран, там уже другое лицо.

– Бела Кисс, хранивший своих жертв в пустых газовых баллонах… Ханс ван Зон, как и многие серийные убийцы, был обаятельным, симпатичным и чрезвычайно харизматичным. Среди его жертв – его собственная девушка, с трупом которой он занимался сексом. Опять же, она, очевидно, понятия не имела, что на самом деле происходит в его голове.

Тошнотворная перекличка зла все продолжается и продолжается.

– Я говорю все это не для того, чтобы запугать вас, Клэр, – мягко добавляет доктор Лэтэм. – В результате изучения этих людей мы теперь многое знаем о том, как работает ум социопата. Мы можем, например, посмотреть, как он покидает место преступления, и сделать выводы о его личности, интеллекте, о его отношениях, даже о том, какая у него машина.

Женщина поднимает пухлую папку.

– Здесь все, что мы знаем о человеке, который убил этих проституток. Предупреждаю, это нелегко читать, но вы должны внимательно изучить материалы. От этого может зависеть ваша жизнь.

– Это то, что называют «психологическим портретом»? – спрашиваю я, забирая у нее папку.

– Да, отчасти, но еще и фотографии, история болезни, выдержки из учебников… Наша работа немного похожа на обезвреживание бомб. Прежде чем начинать дергать за провода, черт возьми, лучше знать, какой из них ведет к взрывчатке.

– Если он вообще виновен, – замечаю я.

Женщина пристально смотрит на меня.

– Мы еще не рассказали вам, как умерла Стелла Фоглер, не так ли?

Я качаю головой:

– Но я помню, что горничная, которая ее нашла, сказала, что это было очень жестоко.

– Полиция скрывает все подробности от СМИ, чтобы отсеять ложные признания. – Доктор Лэтэм делает паузу. – И честно говоря, потому что они не хотят вызвать панику.

Она тянется за томиком «Цветов зла» и протягивает мне.

– Страница восемьдесят вторая.

Стихотворение на этой странице озаглавлено «Той, что слишком весела».

– Вслух, если не возражаете, только последние три четверостишия.

Хотя в этом нет необходимости, я стараюсь читать правильно, отдавая

должное ритму, но, когда смысл того, что я читаю, доходит до меня, я не могу продолжать точно так же. К концу чтения мой голос становится сухим и ровным.

Я

Когда утехам тьма предастся,
О, я б хотел, как вор ночной,
К сокровищам твоим прокрасться
И плоть твою обвить змеей.

Я б не простил тебе сиянья,
Я б грудь ушибами покрыл
И тело, чуждое страданья,
Я б раной страшной наградил.

И – головокруженье страсти! —
Твои смешливые уста,
Приникнув к ним змеиной пастью,
Я б ядом напоил, сестра![15]

– Удар лампы убил Стеллу, – говорит доктор Лэтэм как ни в чем не бывало.

Она снова показывает фотографии. Я узнаю номер Стеллы. На кровати лежит тело. Синяки расцветают на голых ногах. Затем внезапно одна из фотографий приближается, и появляется лицо Стеллы, окруженное темным ореолом крови, пропитавшей простыню под ней. Я инстинктивно отшатываюсь.

– Обломки на полу свидетельствуют о борьбе, – добавляет доктор Лэтэм. – Этого, наряду с пропавшими деньгами, было достаточно, чтобы полиция Нью-Йорка сначала отнеслась к произошедшему как к ограблению. Но с самого начала были некоторые детали, которые не подходили к этой версии. Во-первых, тело было накрыто простыней. Грабители, которые только что кого-то убили, не делают этого. Они убираются с места преступления как можно быстрее.

– Кто знает? – говорю я. – Я имею в виду – так ли это? И зачем?

– Это может быть жест почтения, даже уважения – последнее прощание. Или это мог быть кто-то, кому не нравилось видеть

безжизненные глаза Стеллы, смотрящие на него с упреком.

Она щелкает пультом, и на экране крупным планом появляется нога Стеллы с кровавой раной длиной в несколько дюймов.

– Что еще важно – на правом бедре был глубокий порез, вероятно, нанесенный посмертно разбитым бокалом – точно так же, как и рана, нанесенная в стихотворении Бодлера, хотя полицейские в то время об этом не знали.

Доктор Лэтэм снова щелкает пультом.

– Во всяком случае, мне показалось достаточно необычным, что полицейские заказали тампоны. К счастью, они это сделали – это дало нам самое важное доказательство. Анализ показал, что во внутренней ране есть следы ноноксинола-9 – смазки, найденной на обычных марках презервативов. – Она делает паузу. – В мужском туалете бара, где вы познакомились с Патриком, был автомат с презервативами. Вы сказали нам, и ваше видео подтвердило, что Патрик попросил у бармена сдачу как раз перед тем, как вы попытались его обольстить.

Ее слова – жуткие, ужасные, тошнотворные – льются на меня потоком. Я смотрю на книгу в руке. Стихотворение с ядовитыми словами, изложенными безобидно, будто в стихотворении на какой-нибудь дурацкой поздравительной открытке. Фотографии на экране, ужасный подтекст в объяснении доктора Лэтэма… Ужасное осквернение трупа Стеллы, совершенное убийцей.

Это не мог быть Патрик. Этого просто не могло быть. *«Он не был таким,* – настаивает внутренний голос. – *Он мне нравился. Патрик был милым, черт возьми»*.

Актеров учат доверять своим инстинктам. Часто это все, что у нас есть, но потом я понимаю, в чем смысл небольшого урока доктора Лэтэма. *Как и многие серийные убийцы, Патрик был внешне очаровательным…* С такими людьми, говорит она мне, инстинкты могут подвести.

– Но зачем? – удалось произнести мне. – Стелла не была проституткой, как другие. Зачем вообще ее убивать?

– Этого мы не знаем. Возможно, Стелла узнала о других женщинах. Возможно, Патрик понял, что она уходит от него, и не был готов позволить этому случиться, а может, он просто не мог больше сдерживаться.

Я снова думаю о словах, которые Стелла адресовала мне.

Стелла

Я подумала – вдруг я все-таки смогу найти какие-то свидетельства его неверности. Что-то, способное помешать ему прийти за мной…

Если миссис Фогнер подозревала, что ее муж – убийца, неудивительно, что она была в ужасе. Неужели она ожидала, что Патрик будет жесток со мной? Может, она надеялась, что скрытая камера зафиксирует именно это? Я думала, Стелла просто проверяла мужа на верность, но не было ли это мрачной, отчаянной игрой, которую она вела той ночью?

– Тот факт, что смерть Стеллы нарушает эту закономерность, делает ее особенно интересной, – говорит доктор Лэтэм. – В то время как другие убийства имеют признаки тщательного планирования, это кажется поспешным и даже спонтанным. Подобное поведение может быть признаком самоуверенности или напротив – результатом некоего давления на него.

Она щелкает пультом, и экран гаснет.

– В любом случае, это хорошая новость: значит, он начинает ошибаться.

21

Патрик Фоглер стучит в дверь номера на террасе.

– Кто это? – осторожно спрашивает Стелла Фоглер.

– Обслуживание номеров.

– Я ничего не заказывала.

Ответа нет. Стелла нетерпеливо подходит к двери и распахивает ее.

– Вы ошиблись… – Но Патрик уже ворвался в комнату.

– Привет, дорогая. Ждешь кого-то?

– Патрик, пожалуйста. Это не то, что ты думаешь.

Фоглер бросает сумку на пол. Она издает зловещий, тяжелый звук. Он смотрит на доктора Лэтэма.

– Теперь я ударю ее?

– Возможно. Вы хотите установить контроль над ситуацией.

Фрэнк Дурбан кивает. Вернувшись в образ, он высыпает содержимое сумки на пол. Оттуда вываливаются спутанные металлические цепи, наручники и полоски ткани для кляпов.

– Я бы закричала, – возражаю я.

– Вовсе не обязательно. Сколько бы люди ни говорили себе, что будут сопротивляться в подобных ситуациях, реальность такова, что жертвы часто парализованы сочетанием нерешительности и неверия. Кроме того, если Патрик тебя ударил, то ты будешь находиться в состоянии шока. За

это время он закрепит ремни.

Фрэнк изображает, как бьет меня по лицу, потом разворачивает и защелкивает наручники на моем запястье. Рука Фрэнка на моей тяжела и безжалостна. Я чувствую его силу и вскрикиваю.

– Извини, – говорит Дурбан, ослабляя хватку.

– Без наручников, – говорит доктор Лэтэм. – Следы бы проявились на вскрытии. Давайте еще раз прокрутим сцену, но на этот раз без наручников.

В соседнем ресторане мы обсуждаем сексуальные убийства за блюдом дня.

– Пойми меня правильно, Клэр. Наш убийца не садомазохист в современном смысле этого слова. Скорее всего, он предпочитает прятаться среди практикующих БДСМ, потому что разделяет ряд их интересов. Там, где любители извращений используют рабство как кратчайший путь к сексуальному удовлетворению, он использует его как кратчайший путь к вещам, которые интересуют лично Патрика Фоглера: унижение, деградация, контроль. Власть над жизнью и смертью другого человека.

Официант подходит, чтобы снова налить нам воды. Он улыбается мне.

Доктор Лэтэм, не обращая на это внимания, продолжает говорить:

– БДСМ – на самом деле очень интересное явление. Почему оно вдруг стало таким популярным? Раньше считалось, что фетиш, связанный с розгами, был результатом телесных наказаний в детстве – как и *гомосексуальность*, но, как ни странно, поколение, чьи родители вдохновлялись теорией доктора Спока, те, кого в детстве никогда не били, выросло и пожелало все так же экспериментировать с подчинением и доминированием.

Официант, заинтересованный разговором, не может отойти от нашего столика.

– Вполне возможно, что девиации – просто оборотная сторона либертарианства. Как только вы заставите людей думать, что они имеют право на собственное счастье за счет социальных норм, вы в конечном итоге получите небольшое, но регулярно растущее число людей на периферии, которые не понимают, почему они не должны потакать своим самым темным, самым хищническим инстинктам. Наш убийца и правда может считать себя романтическим антигероем, а не больным извращенцем, которого нужно остановить.

*** * ***

Дневная сессия. Доктор Лэтэм, Фрэнк Дурбан и я стоим перед доской.

– Ладно, – говорит доктор Лэтэм. – Я – убийца. Фрэнк, ты возьми Фоглера.

Она бросает маркер Фрэнку, который пишет на доске «Фоглер» так же, как она написала «убийца» на своей доске.

– Что мне делать? – спрашиваю я.

– Пока ничего. Если мы оба пишем одно и то же слово – другими словами, если есть совпадение, – тогда вы тоже пишите его на свою доску.

– Во-первых, – говорит Фрэнк, – Патрик умен. – Он пишет «высокий ай-кью» на своей доске.

– То же самое, – добавляет Лэтэм. – Клэр, это твое первое совпадение.

– Интересуется всем этим декадентским дерьмом.

Доктор Лэтэм кивает.

– И снова совпадение.

Я послушно записываю «высокий ай-кью» и «Бодлер». Вскоре моя доска заполнена словами, и доктор Лэтэм подходит, чтобы обвести те, что имеют наибольшее значение.

– Вот в чем суть характера, – говорит она. – Слабости, к которым его потянет. *Наивность* – взывает к его потребности в контроле. *Испорченность* – взывает к его хищническим инстинктам. *Скрытность* – возбуждает любопытство…

Маркер скрипит по блестящему пластику.

– Только если он настолько все контролирует, то зачем ему связываться с Клэр?

Фрэнк возражает:

– Он одинок. Он будет знать, что переступил порог, отделяющий его от других людей. Если я не ошибаюсь, Патрик Фоглер будет рад возможности пообщаться с кем-то, кто, кажется, разделяет его пристрастия.

– Как товарищ по играм? Или как потенциальная жертва?

– Я не уверена, что Патрик видит разницу, – говорит доктор Лэтэм.

– Думаю, да, – медленно отвечаю я.

Фрэнк и доктор Лэтэм смотрят на меня.

– В тот вечер в баре Патрик рассказывал о том, как Бодлер делил женщин на два типа – «Белая Венера» и «Черная Венера», – говорю я. – Очевидно, Бодлер любил рассказывать Белой Венере о том, что он делал с Черной Венерой, словно жаждал ее одобрения. Вы сказали, что наши убийцы обычно охотятся на проституток. Может, Патрик Фоглер на самом деле хочет поделиться с кем-то всеми дикими вещами, которые он проделывал с другими женщинами. С кем-то, с кем он может быть честен.

Доктор Лэтэм указывает на меня концом маркера.
– Хорошо, – говорит она. – Очень хорошо, Клэр.
На моей доске она размашисто записывает «Родственная душа».

22

> Добро пожаловать в Necropolis.com.
>
> Это сайт только для тех взрослых, чьи фантазии включают обмен властью и доминирование. Здесь содержится материал, оскорбительный для подавляющего большинства. Мы не извиняемся за то, кто мы есть, но мы просим вас не заходить на сайт, если такой контент не для вас.

Я регистрируюсь, жду, пока компьютер отправит анкету. Через несколько минут раздается сигнал – активируется моя подписка.

Ранее доктор Лэтэм вручила мне листок бумаги.

– Сегодняшнее задание – этот сайт. Узнай все о людях, которые его посещают. Поговори с ними, Клэр. Посмотрим, сможешь ли ты понять, что заставляет их прибегать к подобным действиям.

– А если они не захотят отвечать?

– Конечно, вполне возможно, поэтому надо начинать думать о собственной легенде.

Доктор Лэтэм взглянула на часы:

– Я зайду позже. Посмотрю, как у тебя дела.

Я набираю пароль и вхожу в систему. Сайт состоит из нескольких разделов: «Фотографии», «Фантазии», «Форумы». Появляется сообщение:

> Поскольку вы новичок, почему бы вам не создать профиль? Прочитайте, что рассказали другие новые участники, или перейдите прямо на форум и поздоровайтесь.

Что поставить? Я понимаю, что мне нужна доктор Лэтэм. Затем догадываюсь, что психолог намеренно позволяет мне решить это в одиночку. Я делаю первые шаги в образе, который мы создаем.

> Привет. Меня зовут Клэр. Мне двадцать пять лет. Я англичанка, живу в Нью-Йорке.

Я делаю глубокий вдох.

Я не знаю, хватит ли у меня когда-нибудь смелости по-настоящему исследовать мои фантазии.

Через несколько минут у меня уже есть три ответа.

> Привет, Клэр. Нравится фото?

Я, морщась, смотрю, как скачивается картинка. Она отвратительна, но на самом деле это настолько очевидная подделка, что это едва ли страшнее мультипликационного изображения.

>> Не очень.

Второй ответ более подробный. Писатель, который называет себя чудовищем, хочет, чтобы я знала – он мечтает задушить меня. Писатель хочет услышать, как я молю о пощаде, как я прошу о большем. Я печатаю:

>> Кажется, я слишком много говорю для человека, который задыхается.

Я печатаю. Третья реплика гласит:

>>> Оставьте ее в покое, идиоты. Клэр, почему бы тебе не рассказать нам, что привело тебя на сайт?

Через час у меня появились новые друзья: Виктор, приславший третью реплику, Кэрри, Сорванец, Бетховен и Маркиз.

>>>> В БДСМ элегантность – это все! Связать подвластного тебе, как овцу, и лупить по животу – в этом нет никакого удовольствия. Для достижения высшей точки удовольствия полдела состоит в том, чтобы выбрать особую позу и обеспечить такую свободу действий, при которой малейшее движение будет причинять утонченное страдание.

Это Бетховен. Кэрри добавляет:

>> Абсолютно верно. Одна из моих любимых фишек –

поставить на ребро обычную деревянную доску и приподнять ее всего на пару дюймов выше того положения, при котором можно стоять с ней между ног, не испытывая неудобства. Мой низ должен будет встать на самые кончики пальцев, чтобы ее оседлать.

Я печатаю:

>>> «Мой низ?» Извини, я не понимаю.

Виктор отвечает:

>>>> Она не имеет в виду часть тела, Клэр. Она говорит о своем подчиненном партнере.

Я обнаружила, что этот мир так же пропитан жаргоном, как и актерский. От одних аббревиатур у меня голова идет кругом. Я набралась смелости спросить о некоторых и подумала, что, например, расшифровка YMMV[16], означающая «ваш пробег может отличаться», на самом деле совсем не проясняет ситуацию.

Что касается разговоров о переломах шеи, колесах Вартенберга, верхнем пространстве и игре в пони, то я продираюсь сквозь них с огромным трудом.

Кэрри пишет:

> Твоя невинность восхитительна, Клэр. Уверена, что не хочешь встретиться в реальной жизни?

Вмешивается Виктор:

>> Оставь ее в покое, Кэрри. Клэр сегодня с нами исключительно как любопытный наблюдатель.

Виктор мне очень нравится. Он, похоже, назначил себя моим проводником в этот странный новый преступный мир.

>>> Вроде как попробовать перед тем, как приобрести?

Это Кэрри насмехается надо мной.

Я печатаю:

>>>> Скорее – оглядеться перед прыжком. На самом деле я недостаточно вовлечена во все это. Кто-то, кого я знала и любила, по-настоящему понимал в данной теме, но я была очень молода. Наверное, слишком молода.

Даже когда я печатаю эти слова, я знаю – все правильно. У «Клэр», которую встретит Патрик, должно быть именно такое прошлое.

>>>>> Куда он делся, Клэр?

>>>>>> К сожалению, он умер, не успев показать мне многого.

Трагическое прошлое. Оно делает меня одновременно и привлекательной для этого сообщества, но и в чем-то отталкивающей. Доктор Лэтэм была права. Со временем наличие прошлого покажет меня именно такой, какой я и должна быть: не просто списком свойств на доске, а живым, дышащим человеком.

Я выхожу из системы уже за полночь. В глазах – песок, запястья болят от ударов по клавишам.

Проходя мимо открытой двери доктора Лэтэм, я слышу, что та зовет меня. Женщина сидит за столом, окруженная бумагами.

– Вы работаете допоздна, Клэр.

– И вы.

– У меня для вас кое-что есть. – Она протягивает конверт. – Мы не обеспечиваем сверхурочные, но все же кое-что платим. Ваша зарплата за первую неделю.

– Это чек? У меня ведь нет счета в банке США.

– Мы знаем. Не волнуйтесь – это наличные.

Я беру конверт и бросаю взгляд на экран. Доктор Лэтэм сразу же сворачивает документ, над которым работает, но я успеваю прочитать название:

Клэр Райт. Психологический портрет.

23

Кто вы?

Меня зовут Клэр Райт.

Откуда вы?

Я родилась в Ферри-Спрингс, недалеко от Бойсе. Мой отец погиб в автокатастрофе, когда мне было десять. Он, будучи за рулем, стал виновником гибели четырех человек. Моя мать больше никогда не выходила замуж. Наверное, я всегда питала слабость к пожилым людям, к интересным личностям, которые могут рассказать мне о мире и обладают авторитетом.

Продолжайте.

У меня были обычные школьные приятели. Я потеряла девственность, когда мне было пятнадцать… После этого секс давался мне легко. Я тусовалась с довольно безумными парнями, но в глубине души они никогда не были такими уж ненормальными. Потом, в колледже, у меня был роман с одним из учителей. Он был женат.

Как его звали?

Мистер Фэрбанк.

Вы не называли своего любовника по имени?

Простите. Элиот. Элиот Фэрбанк. Именно тогда я обнаружила, что у меня есть темная сторона, часть меня, которая желала, чтобы ее подтолкнули пойти дальше, чем я когда-либо была. Мы не могли быть вместе столько, сколько хотели, поэтому Элиот писал мне всякое… фантазии. Обычно он отправлял их по электронной почте или оставлял в почтовом ящике.

Хорошо, Клэр. Что с ним случилось?

Его жена нашла одно из писем на компьютере. Она отнесла его декану.

И как вы к этому отнеслись?

У меня было приподнятое настроение. Я думала, что когда его уволят и он бросит жену, ничто не помешает нам быть вместе, но Элиот не мог смириться с оглаской – с тем, что все теперь про нас знают. Он… Он покончил с собой, но перед этим отправил мне последнее письмо.

И что было в письме?

Он хотел, чтобы я присоединилась к нему. Чтобы мы оба покончили жизнь самоубийством. Вот такой договор.

Вы этого не сделали.

Искушение было велико, однако мне никогда не было так стыдно, как ему. Я думала, Элиот Фэрбанк сильный и он способен помочь мне вырваться за пределы маленького городка.

А потом?

Я путешествовала. Оглядываясь назад, я понимаю, что убегала от ситуации, которая вышла из-под контроля.

Вы убежали? Или вы находились в поисках?

Я думаю, и то, и другое. Нет – наверное, больше в поисках.

И что же вы искали?

Не знаю, но мне до сих пор любопытно… Думаю, я нуждаюсь в наставнике.

Не говорите так. Это слишком откровенно. Он сам увидит ваш потенциал. Теперь еще раз: кто вы?

24

– Сегодня, – говорит Кэтрин Лэтэм, – мы проанализируем сцену. То есть место *преступления*. – Она выводит на экран еще несколько изображений. – Я подробно расскажу вам об одном из убийств.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Зачем? – удивленно откликается она. – Вы, конечно, понимаете, на что способен этот человек.

– Я не хочу об этом знать.

– Это называется инструктаж, Клэр, передача агенту инструментов для выполнения его работы…

– Я знаю свою работу – актерство. Это моя область знаний. Вам нужно перестать думать обо мне как об агенте под прикрытием и начать думать как о *персонаже*. Разве вы не понимаете? Я постоянно размышляю о том, как он мог ударить какую-то бедную женщину в сердце или о чем-то подобном и как после этого я могу идти с ним на свидание. Мой *персонаж*

должен верить, что я встречаюсь с хорошим парнем – с тем, кем я заинтригована, кого нахожу привлекательным, с тем, с кем я могу представить себе отношения.

Доктор Лэтэм задумывается.

– Клэр, Патрик кажется вам привлекательным?

– Да, – говорю я после короткой паузы. – Это так.

– Ну, тогда я бы сказала, что большого актерского мастерства не потребуется.

Кэтрин Лэтэм возвращается к своим ужасным фотографиям.

– Это первое изображение было…

– Я должна увидеть сумрак.

Она поворачивается ко мне с вопросительным выражением на лице.

– Так Генри – бывший полицейский, с которым я работала, – это называл, – объясняю я. – Он сказал мне: «Когда ты под прикрытием, ты должна верить в то, во что верят люди, в жизни которых ты внедряешься. В противном случае они могут почувствовать вторжение».

– Бывший полицейский Генри не руководит этой операцией. Ею руковожу я. Поверьте мне, я хочу, чтобы вы нервничали. Нервный – значит безопасный.

– Тогда это не сработает, – торопливо отвечаю я после минутного колебания. – Слушайте, несмотря на то, что вы говорите, вы уже явно убеждены, что убийца – Патрик. Разве это этично? Вы как режиссер, который объявляет в первый день репетиции, что такой-то и такой-то – настоящие злодеи или что пьеса на самом деле о тоталитаризме. Это плохая практика – она все делает одномерным. Я не могу так работать. Мне нужно верить в то, кто я есть, и для этого мне нужно знать, кто он таков. Если это означает, что иногда я с вами несогласна… Что ж, мне очень жаль.

Я замолкаю, отчасти потому, что уже все сказала, а отчасти потому, что у меня странное ощущение, будто доктор Лэтэм не слушала меня. Она *изучала* меня. Как кастинг-директор, который выставляет оценки по десятибалльной шкале.

– Ладно. – Она кивает. – Мы сделаем по-твоему. Наблюдай сумрак, Клэр, если думаешь, что это поможет. Больше никаких убийств. – Ее голос становится жестче. – Во всем остальном руковожу я. Понятно?

Она щелкает пультом, и экран темнеет.

– Спасибо, – говорю я, немного удивившись.

Я не могу не вспомнить, что говорил бывший полицейский Генри: *«Некоторых парней захватывает сумрак, и они уже не могут его отпустить»*.

25

Помимо всего прочего я узнаю о Бодлере.

У Белой Венеры и Черной Венеры теперь есть имена: Аполлония Сабатье и Жанна Дюваль. Одна – бледнокожая, грациозная и такая царственная, что поклонники прозвали ее «президентшей», другая – наполовину креолка, танцовщица, занимавшаяся проституцией, когда поэт был слишком беден, чтобы прокормить их обоих. Салон Аполлонии был средоточием парижской интеллектуальной жизни девятнадцатого века: среди ее поклонников были Бальзак, Флобер и Виктор Гюго. Но год за годом Бодлер возвращался и к Жанне. Он заразил ее сифилисом. Она пристрастила его к опиуму. Две испорченные личности, связанные вместе нищетой и одержимостью.

– Бодлер анонимно посылал стихи Аполлонии Сабатье в течение нескольких лет, – говорит доктор Лэтэм. – Когда «Цветы зла» были наконец опубликованы под его собственным именем, Аполлония, очевидно, обнаружила, кто их писал. Но был один неожиданный поворот – книга была изъята властями. Тринадцать стихотворений, в том числе шесть, написанных о ней, подверглись цензуре, и Бодлер предстал перед судом за непристойности. Бодлер отправился к Аполлонии и спросил, не воспользуется ли она своими связями, чтобы помочь ему. Если она и пыталась, то ей это не удалось – большинство запрещенных стихотворений остались под цензурой, но после суда Бодлер наконец-то разделил ложе со своей Белой Венерой. Никто точно не знает, что произошло той ночью. Единственный ключ к разгадке – письмо с отказом, которое он послал ей через несколько дней, сказав, что у него был ужас перед страстью, потому что он слишком хорошо знал, в какую мерзость она может его ввергнуть.

– Думаете, Патрик такой же? Что он недоверчив к близости, потому что она может заставить его раскрыться?

– Я в этом уверена. Вы должны показать ему, что не боитесь мрака, который чувствуете в нем. Что, напротив, вас это заинтриговало. Что вы можете сравниться с ним своим ужасом.

– Как мне это сделать?

Она поколебалась, потом указала на книгу, лежащую между нами.

– Стихи. Патрик явно откликнулся на что-то, разговаривая с ним через века. Теперь они говорят и с тобой. Стихи – твой путь, Клэр.

Ей прислали мою медицинскую карту из Великобритании.

– Вы не особенно усердствовали, – пренебрежительно замечает она, просматривая страницы факса. – Три относительно неглубоких боковых разреза в левой локтевой впадине. Наверное, это выглядело драматично. Но, чтобы истечь кровью, нужны были часы. Классический крик о помощи сбитых с толку подростков с бурлящими гормонами.

– В то время я чувствовала нечто большее.

– Не сомневаюсь. – Она смотрит на меня проницательно. – Используйте это, Клэр. Не саморазрушение, конечно, а энергию, которая привела к нему. Он должен чувствовать нестабильность за красивым лицом. Темноту. Он должен знать, что вы – чужая. Точно как и он.

Фрэнк заходит за мной, как обычно, с утра. Я иду ему навстречу, но он останавливает меня в вестибюле.

– Вам нужно собрать вещи, Клэр. Вы не вернетесь сюда.

– Куда же мне идти?

– Кэтрин хочет, чтобы вы нашли место, более соответствующее вашей предыстории. Наш декоратор немного над этим поработал.

– Декоратор? Мои ставки растут.

Я бужу Джесс, роюсь в шкафу в поисках припасов. Фрэнк вбил мне в голову необходимость абсолютной секретности, так что все, что она знает, это лишь то, что я делаю нечто для полиции. Я дала ей деньги от Кэтрин и попросила не пытаться связаться со мной или подходить, если вдруг она увидит меня на улице.

– Береги себя, – говорит с тревогой подруга. – Не позволяй этим людям свести тебя с ума.

– Не буду.

Перебирая ее нижнее белье, я вижу пистолет, блестящий среди кружев и хлопка. На мгновение у меня появляется искушение спросить, могу ли я его взять.

Но, конечно, я не могу. И в любом случае, у меня есть Фрэнк и его команда. Они всегда будут рядом со мной, слушая.

– Ни пуха, ни пера! – говорит Джесс, выпрыгивая из кровати и обнимая меня. Я обнимаю ее в ответ, внезапно не желая отпускать.

Фрэнк настаивает на том, чтобы отнести мою сумку в машину. Мы едем на север, в Восточный Гарлем. Достаточно недорогой район, чтобы кто-то вроде меня мог позволить себе жить там, но это недалеко от рабочего места Патрика, Колумбийского университета.

Мы останавливаемся перед рушащейся застройкой шестидесятых годов. Фрэнк сообщает, что в последнее время часть этого района была

облагорожена, но не здесь. Внутри квартира – настоящая дыра. Черные свечи на стенах, ниже – черепа животных и рваные плакаты с группами тяжелого металла. В углу стоит потрепанная бас-гитара. В комнате воняет несвежим дымом марихуаны.

– Господи, – говорю я, оглядываясь. *Неужели*?

Фрэнк мягко замечает – сделать так, чтобы все выглядело ужасно, стоило больших денег. Он поднимает череп, на котором стоит свеча.

– Возможно, она немного перестаралась.

Я замечаю стеклянный бак в углу. Что-то серебристо-серое скользит по стеклу.

– Это *змея*?

– По-видимому, так и есть, – кивает Фрэнк.

Я вздыхаю и тянусь за сумкой.

– И ты должна знать, Клэр, здесь стоит камера. Мы включим систему только в случае необходимости, но иногда будем проверять ее. У тебя будет возможность уединиться в ванной комнате. Во всех остальных точках, имей в виду, ты будешь видна на камере.

– Где вы будете?

– В квартире прямо под вами.

– Миссис Дурбан не будет возражать, что вас нет дома?

– Нет никакой миссис Дурбан, – говорит он хрипло. – Она, конечно, есть, но сейчас живет с каким-то парнем, который делает свадебные торты.

– Мне жаль это слышать, Фрэнк. Это…

– А это ваш проводник, – продолжает он, перебивая меня и протягивая уродливое ожерелье с большим продырявленным кулоном. – Носите его, когда вы не в квартире. Это геолокатор, так что мы можем вас отслеживать.

– Помогите, пожалуйста, – кротко прошу я, поворачиваясь, чтобы он застегнул ожерелье. Я слышу его дыхание, хриплость легких большого человека, когда его пальцы борются с крошечной застежкой. Когда все готово, он отступает назад.

– И вы должны выбрать стоп-слово, такое, которое обычно не произносите.

– Как насчет «Константинополь»?

– Почему оно?

Я пожимаю плечами.

– Это было место, куда я всегда мечтала убежать, когда была маленькой. Я думала, это звучит экзотично.

Он кивает.

– Константинополь… о’кей. Но не используйте его, если не уверены.

Как только вы произнесете это слово, мы ворвемся и схватим его. После этого пути назад не будет.

Ожерелье тяжело давит мне на грудь. Внезапно мне становится страшно. *Я всего лишь актриса. Мне хочется стоять на сцене и слушать аплодисменты. Как же я влезла в это?*

Но потом я думаю о грин-карте, ожидающей меня в конце. *Это всего лишь работа. Работа по другим, необычным правилам, конечно. Но все те же навыки, тот же процесс.*

– Постарайся не волноваться, – тихо говорит Фрэнк, как будто читает мои мысли. – И не думай много о плохом. Помни, мы будем рядом. Наш приоритет номер один – твоя безопасность.

И, наконец, последний штрих.

– Это действительно поможет? – спрашивает Фрэнк, пока ножницы стилиста мелькают у меня перед глазами. – Чтобы она больше походила на его жену?

– Я не знаю, Фрэнк, – отвечает Кэтрин. – Никто не знает. Вряд ли кто-то проводил подобную операцию.

– Поможет ли это Патрику, не имеет значения, – говорю я, когда клочья волос падают на меня. – Мы делаем это, Фрэнк. Мы так готовимся.

Я смотрю на женщину в зеркале и чувствую волнение, от которого все внутри сжимается, ужас и эйфорию от представления, которое вот-вот начнется.

26

Кухня в квартире, полночь.

Я сижу за кухонным столом и пью. Половины бутылки уже нет. На мне свободный топ, ноги голые.

Я провожу пальцами по своей новой стрижке – волосы короче. Чувствую себя по-другому, как будто я уже что-то иное, но, может, все дело в алкоголе.

Слегка пошатываясь, встаю на колени перед одной из крошечных камер.

Я

Я не последовала твоему совету, Фрэнк. Я начала об этом думать, и теперь мне становится страшно.

Квартира внизу, продолжение.

Фрэнк наблюдает за мной на мониторе. Я это знаю.

Я

Все, что мне нужно сделать, это сказать волшебное слово, и ты прибежишь. Правильно? Детектив Фрэнк спешит на помощь.

Я встаю. Моя голова теперь вне кадра. В рамке остаются только голые ноги.

Я

Я знаю, что ты здесь, Фрэнк. Наблюдаешь за мной, «только в случае необходимости», спасибо, конечно, но… Я знаю, что такое мужчины, помнишь?

Мой топ падает на пол.

Я

Я пойду спать, Фрэнк. Ты можешь последить за мной, если хочешь. Мой рыцарь в сияющих доспехах. Вообще-то мне это даже нравится.

Я поворачиваюсь спиной к камере и ухожу. Внизу Фрэнк медленно выдыхает.

27

Лекционный зал Колумбийского университета, день.

Патрик Фоглер

Мы не сможем понять Бодлера, если попытаемся судить о его отношениях, особенно об отношении к женщинам, по современным меркам. *«Moi, je dis: la volupté unique et suprême de l’amour gît dans la certitude de faire le mal»* – «Для меня уникальное и высшее удовольствие от секса заключается в возможности творить *зло*». Для Бодлера женщины – не просто отдельные личности. Они идеализированные представители своего пола; символы как совершенства, ставшего плотью, так и его невозможности в этом порочном мире. Совершенство оказывается чем-то

бо́льшим, чем мгновенная иллюзия.

Мы обсудили кучу разных способов подобраться к Патрику Фоглеру, но в конце концов Кэтрин решила все упростить и записать меня на его еженедельные лекции. В полиции Нью-Йорка есть целый отдел, занимающийся созданием поддельных удостоверений личности. На удостоверении, которое мне выдали, есть мое имя и фотография, но теперь я студентка Колумбийского университета.

Я сижу сзади, не делая записей, тело вытянуто вперед. Я заворожена.

Патрик

Этот конфликт был очевиден как в жизни Бодлера, так и в его поэзии. Возможно, вы помните знаменитое письмо с отказом, которое он отправил *Белой Венере*, в котором сказал:

Впервые с тех пор, как он начал говорить, то есть двадцать минут назад, он сверяется со своими записями.

Патрик

«Видишь ли, моя дорогая, несколько дней назад ты была богиней, такой благородной, такой неприкосновенной. Но теперь ты женщина… Я испытываю ужас перед страстью, потому что слишком хорошо знаю, в какую мерзость она может меня ввергнуть».

Понимаю, что не я единственная очарована словами Патрика. Взгляды всех студентов в аудитории прикованы к нему.

Патрик

Для Бодлера секс – не физический зуд. Это метафизическая тоска. Не какое-то бессмысленное аэробное упражнение, а связь, пусть мимолетная, со страшными темными тайнами Вселенной. Как и все мистики, он, конечно, обречен на разочарование. Свершение – подвиг заключается в стремлении. Вопросы?

Студентка впереди поднимает руку, и он кивает ей.

Патрик

Меган?

Меган

Вы говорите, что Шарль Бодлер относится к женщинам как к сексуальным объектам, которыми можно манипулировать и которых можно презирать. Разве вы не даете этому поэту платформу для женоненавистничества, включив его в программу?

Патрик обходится со студенткой вежливо и педагогично, говоря, что мы должны изучать не только тех авторов, которых одобряем, но и тех, с которыми не согласны; что при всех своих личностных недостатках Бодлер был новатором, привнесшим новое измерение в искусство. Элиот, например, упоминал его как одного из величайших вдохновителей своего творчества и даже включил фрагменты из «Цветов зла» в поэму «Бесплодная земля».

Патрик

Без «Цветов зла» не было бы декаданса, без декаданса не было бы модернизма, а без модернизма не было бы нас. Мы изучаем Бодлера не за его нравственность, а за его гениальность. Есть еще вопросы?

Вопросов нет. Студенты закрывают ноутбуки, выходя, громыхают, перешучиваясь. Патрик приводит в порядок свои записи.

Одна из студенток нерешительно подходит к нему.

Я

Профессор Фоглер?

Я говорю с тем же среднезападным акцентом, что и в прошлый раз. Надеюсь на успех.

Если он и узнал меня, то не подал виду. У него на лице выражение профессиональной вежливости, но я снова поражаюсь веселью в глубине его мятно-зеленых глаз.

Патрик

Да?

Я

Я просто хотела сказать вам большое спасибо.

Я показываю ему томик «Цветов зла».

Я

Вы меня не помните, но вы одолжили мне это. Я начала читать… и была так заинтригована, что решила пойти на ваш курс.

Патрик

Заинтересовались Бодлером?

Он произносит имя поэта с едва заметным акцентом.

Я

Отчасти… а еще нашим разговором. Тем, что вы тогда сказали..

«Будь прямолинейной, – говорила мне Кэтрин. – Он это оценит. Он ищет неординарную женщину. Ты должна выделиться».

Патрик

Я действительно помню вас, но далеко не все, о чем мы говорили. В тот раз я был немного рассеян.

Поэтому мы сразу же перейдем к смерти Стеллы. Ты видела это в новостях. Тебя это не волнует. Может быть, даже немного возбуждает.

Я

Я знаю. Это было во всех газетах и даже на телевидении.

Патрик

Полагаю, я в некотором роде знаменитость.

Я

Я все думаю о том, что вы мне рассказали – о том, как Бодлер посылал эти стихи своей Белой Венере. Интересно, думал ли он, что они ее шокируют? Или догадывался, что на каком-то уровне она будет рада близости, которую он предлагал, то есть мало-помалу Белой Венере будет дозволено войти в его самые темные фантазии?

Он будет скучать и злиться на сочувствующих и горе-плакальщиков. Если он убил Стеллу, то теперь захочет другого приключения, чтобы отпраздновать вновь обретенную свободу.

Патрик
«То, что знала Белая Венера»… Вообще-то это интересная тема для диссертации. Той, что вряд ли могла бы быть написана мужчиной.

Я
Возможно, мне следует этим заняться.

Патрик
Почему нет? В любом случае, было приятно поговорить с вами.

Внутри у меня все дрожит. Вся операция зависит от следующих нескольких секунд. Предложение, которое я сделала ему в тот раз, привело лишь к отказу, но тогда у него была жена. И я теперь – другая.

Я
Мы можем поговорить об этом где-то еще? Может, выпьем кофе?

Он колеблется, смотрит на дверь. Затем…

Патрик
Хорошо, но не здесь. До того, как стать Мезон Франсез, это здание было приютом для богатых сумасшедших, и иногда мне кажется, что таким оно и осталось. Пойдемте куда-нибудь подальше от кампуса.

Фургон наблюдения поблизости, день.
Фрэнк и Кэтрин слушают через наушники.

Фрэнк
Это сработает. Это действительно сработает.

Кэтрин Лэтэм
Посмотрим.

Нью-Йорк, подвальный бар, день.
Вечер теплый, солнечный, однако Патрик ведет меня в тускло освещенный подвальный бар на Амстердам-авеню. На столах мерцают свечи в стеклянных банках. Мы здесь единственные посетители. Может, он не хочет, чтобы его видели со мной? Он заметает следы, чтобы убедиться –

никто не свяжет нас позже?

Я выкидываю эту мысль из головы. Теперь я – моя героиня, та другая, более уверенная в себе, более импульсивная Клэр, а не перепуганная студентка, которая присутствовала на жутких презентациях Кэтрин.

Мы сидим в тихом уголке и разговариваем.

Я

…это желание раздвинуть границы, выйти за пределы повседневного лицемерия и самодовольства среднего буржуа. Конечно, люди притворяются, что шокированы тем, что он написал, но на самом деле они просто боятся собственных условностей.

«Наивность – взывает к его чувству контроля. Испорченность – взывает к его хищническим инстинктам». Есть еще кое-что: страстный, интеллектуальный пыл, почти юношеское возбуждение идеями, которые сообщают: *я влюбляюсь в его мозг, а не тело.* В *мозг? Почему бы и нет?*

Патрик

Многие люди так говорят, хотя в реальности они не имеют это в виду.

Я

Я не отношусь к большинству.

Фургон наблюдения поблизости, продолжение.

Кэтрин кивает: неплохо.

Подвальный бар, позже.

Патрик

Люди думают, что Бодлер писал о декадансе. В реальности он писал о доверии.

Я

Как это?

Патрик

О доверии к человеку с самыми страшными мыслями в голове. Нет более ужасающего прыжка во тьму.

Я

Мне нравятся ужасы.

Патрик по-детски самонадеянно улыбается. Не дрогнув, я выдерживаю его взгляд.

Патрик
Посмотрим. Дайте мне руку.

«*Некоторые вещи мы можем предсказать, даже спланировать, но в основном это будешь только ты и он, вы будете играть в те игры, которые выберет Патрик*».
Мужчина кладет мою руку на стеклянную банку со свечой, так что ладонь оказывается прямо над пламенем.

Патрик
Один из студентов показал мне эту игру. Что бы ни случилось, вы не должны убирать руку.

Я
Тогда я обожгусь.

Я уже чувствую, как пламя лижет мою кожу.

Патрик
Нет. Огонь потухнет от недостатка кислорода прежде, чем сможет причинить какой-либо вред. Обещаю.

Он кладет свою руку поверх моей, слегка нажимая – не принуждая меня, а просто чувствуя, как дрожит моя рука, когда я пытаюсь оставить ее на месте, хотя все инстинкты и нервные окончания кричат, чтобы я ее отдернула.

Патрик
Оказывается, непросто доверять кому-то, не так ли?

Я участвовала в играх на доверие много раз, с них обычно начинается разминка актеров, но ничего подобного этому мне не встречалось. Я смотрю на пламя. Оно напоминает мне длинный, зазубренный ноготь или коготь, впивающийся в мою руку. Боль превращается из простого

дискомфорта во что-то, от чего хочется запрокинуть голову и завыть. Иголки глубоко вонзаются в кожу – нарастающее крещендо агонии. У меня слезятся глаза. Я чувствую, как моя плоть разжижается, пузырится, будто потрескивает от жара.

Внезапно пламя опадает. Мгновение спустя оно гаснет.

Патрик
(удивленно)
Вы доверились мне. Спасибо.

Я отдергиваю руку. У меня на ладони красный диск, словно засос, но никаких волдырей.

Я подношу ладонь ко рту. Как я понимаю, боль в основном была лишь в моей голове.

Я
Я едва вас знаю.

Патрик
В этом и соль, не так ли? Где ты живешь?

Я
Я из Восточного Гарлема.

Патрик
Поедем туда?

Я
Для чего?

Патрик
Потрахаться, конечно же. Разве дело не в этом?

Я
Как хочешь.

Фургон наблюдения поблизости, продолжение.
Встревоженный Фрэнк поворачивается к Кэтрин.

Фрэнк
Мы ведь этого не планировали. Что, если будет физическое соитие?

Кэтрин Лэтэм
(спокойно)
Оно уже физическое.

Фрэнк
Боже мой!

Он возится с управлением.

Подвальный бар, продолжение.

Я
Мы могли бы… как ты это назвал? Заняться бессмысленным аэробным сексом, а потом забыть, что когда-либо встречались. Или…

Патрик
Или?

Я
Можем продолжить разговор.

Патрик улыбается.

Патрик
Очень хорошо. Давай поговорим.

Фургон наблюдения поблизости, продолжение.

Фрэнк вздыхает с облегчением. Кэтрин пожимает плечами и снова утыкается в блокнот.

Подвальный бар, продолжение.
Патрик приносит еще два бокала вина.

Патрик
Ты всегда обольщаешь своих профессоров?

Я
Нет. Ну, один раз. Все закончилось плохо.

Патрик
Правда?

Я
Эти отношения были в целом на грани.

Патрик
На грани. Поясни.

Я
Ну, знаешь… Обычное дело.

Патрик
Да нет, не знаю. Расскажи.

Я
Ну всякие штуки, которые люди называют словом «странный».

Патрик
Ты? Странная?

Я
Почему бы и нет?

Патрик
Не выглядишь такой.

Я
Может, я и не такая.

Патрик
Заинтригован.

«Он будет искать кого-то вроде тебя, и нетерпение может заставить его пойти на риск. На самом деле, риск может быть даже частью его игры. Это

то, что ты оценишь, Клэр, на каком-то уровне он актер, как все маньяки-убийцы. Вот почему они создают столь сложные ритуалы вокруг своих убийств или придают телам особые позы для тех, кто их найдет. Чего они действительно жаждут, так это зрителей».

Подвальный бар, позже.

Я

Думаю, он не хотел причинить мне боль. Просто посмотреть, насколько я готова…

Патрик

Доверять ему?

Я

Ты продолжаешь использовать это слово.

Патрик

Некоторые думают, что я убил свою жену, Клэр. Любой, кто приблизится ко мне, должен будет жить в тени этого якобы моего проступка. Так что да, доверие очень важно для меня.

Я

Ты убил ее?

Фургон наблюдения поблизости, продолжение.

Фрэнк напряженно вытягивает шею вперед. Кэтрин едва поднимает глаза – она знает, что все будет не так просто.

Подвальный бар, продолжение.

Патрик

Конечно, нет.

Я

Ты любил ее?

Патрик

Очень, но, к сожалению, не в том смысле, какой она всегда придавала любви. И потом тот факт, что я люблю ее без оглядки, стал частью

проблемы. Это трудно – быть объектом обожания.

Я
Она была твоей Белой Венерой.

Патрик
Полагаю, так оно и было.

На мгновение мне показалось, что он скажет больше.

Патрик
Пожалуй, пора идти.

Амстердам-авеню, Нью-Йорк, сумерки.

Патрик
Спасибо. Мне понравилось.

Я
Звучит так, словно ты этого не ожидал.

Патрик
Очень мало людей, в обществе которых мне приятно… И еще меньше тех, кто мне на самом деле нравится.

Когда он уходит, я кричу ему вслед.

Я
Я увижу тебя снова, не так ли?

Патрик
Книга все еще у тебя? Спокойной ночи, Клэр.

28

Кэтрин ликует, вернувшись домой.

– Хорошее начало. Он приоткрыл перед тобой дверь – совсем чуть-чуть, но, честно говоря, это даже больше, чем я смела надеяться. – Она

ходит взад-вперед, полная нервной энергии. Должно быть, Кэтрин напряжена этим вечером больше, чем я предполагала.

Что касается меня – я в изнеможении падаю в кресло. В момент встречи с Патриком я была слишком сосредоточена, чтобы бояться, но теперь, когда адреналин иссяк, я оказалась выжата как лимон. У меня такое чувство, будто я раз за разом играю в воображаемый теннис, и еще кое-что: осознание, что привлечь Патрика Фоглера будет гораздо сложнее, чем любого из мужчин, с кем я флиртовала в барах отелей.

Фрэнк подходит и присаживается на корточки рядом, изучая мою руку.

– Завтра все будет в порядке. Может, останется просто отметина. Боже мой…

Он нежно сжимает мои пальцы и встает.

– Молодец, – тихо произносит следователь.

– Если он попробует сейчас с тобой связаться – не отвечай, – говорит Кэтрин. – Нам нужно очень тщательно подумать о том, как мы продолжим играть с ним. Возможно, какое-то время помолчим и заставим его гадать.

– Получаются какие-то игры разума. Ты это имеешь в виду? – спрашиваю я. – Это действительно хорошая идея?

Кэтрин рассеянно смотрит на меня, будто только сейчас вспомнила, что я здесь.

– Все идет хорошо, Клэр. Ты должна гордиться собой.

– Гордиться?

– Конечно. Почему бы и нет?

Я недоумеваю.

– Недавно овдовевший молодой профессор делает нерешительную попытку трахнуть студентку, которая ясно дала понять, что влюблена в него. Если это преступление, то тогда каждый преподаватель будет в тюрьме. Правда, у меня так ничего и не вышло.

– Ничто из того, что он сказал или сделал сегодня вечером, не противоречит моему портрету убийцы, – резко говорит Кэтрин. – Фрэнк, покажи ей.

Фрэнк щелкает пультом, затем настраивает параметры. Появляется зернистое изображение. Мы с Патриком сидим в полумраке подвального бара.

– Нам удалось заснять тебя с лестницы, – говорит он. – В девятнадцать ноль пять ты пошла в туалет. Посмотрим, что Фоглер сделает дальше.

Смотрю, как на записи я выхожу из кадра. Патрик немного ждет, затем тянется через стол к моей сумке и начинает рыться в ней, вынимая вещи. Он внимательно изучает мое удостоверение и ощупывает пальцами

подкладку сумки. Наконец, с невозмутимым выражением лица он кладет все на место. Возвращая духи, он останавливается и нюхает распылитель.

– Наверное, Патрик хотел убедиться, что я не репортер. Он сказал мне, что после смерти Стеллы к нему несколько раз обращались за разъяснениями.

– Возможно, – говорит Кэтрин. – В любом случае, хорошо, что мы так тщательно подготовились.

Мой студенческий билет помечен короной – логотипом университета, и в нем настоящий номер карты.

– Сейчас он кружит, как хищник над одинокой антилопой, прежде чем решить, преследовать ли ее, – добавляет она. – Клэр, прошу, не теряй бдительности. Ни на минуту.

29

И потом… ничего. Мы ждем две недели, и все это время Патрик Фоглер не выходит на связь.

– Он понял, что это ловушка, – беспокоится Фрэнк.

– Да нет, не понял, – парирую я. – Я знала бы об этом.

– Так почему же от него ничего не слышно?

– Возможно, Патрик просто-напросто передумал. Или я ему не слишком уж и понравилась.

Фрэнк смотрит на Кэтрин.

– Мы должны поменять план действий? Клэр должна к нему снова подойти?

Та отвечает:

– Мы ждем. Посмотрим, что получится.

– Думаю, мне надо продолжить ходить на его лекции, – возражаю я. – В конце концов, Бодлер-то меня очаровал.

– Ни в коем случае. Ты играешь в недотрогу, помнишь? Придерживайся того поведения, о котором мы с тобой договаривались.

Кэтрин позволяет мне продолжить занятия актерским мастерством. Я буду занята – этот аргумент ее убеждает.

На следующем занятии Пол знакомит нас с работой масок. Маски – японские. Их раскрашенные черты почти карикатурные, если бы не намек на жестокость. Я получаю Подкидыша: невинный, потерявшийся ребенок с улыбкой, которая, хотя никогда не меняется, кажется какой-то нетерпеливой

и кокетливой.

Пол говорит о них так, словно маски, а не мы, актеры, и есть настоящие люди. Когда одна из студенток, надев маску старика, подходит к другой сзади и тычет в нее палкой, Пол произносит: «Он всегда так делает, старый мошенник».

Вместо того, чтобы разыгрывать сцену вместе – в масках нет глазниц, и мы бы столкнулись друг с другом, – он заставляет нас встать в ряд лицом к нему. История о домовладельце, который приходит на рисовые поля и насилует женщину, чья семья не может платить за аренду. Богач стучит в воображаемую дверь, и ее открывает Подкидыш. Когда Богач нападает на меня, ему приходится изображать агрессию, а мне – страх Подкидыша. Мы в шести футах друг от друга, но ни один из нас не видит, что делает другой.

Внезапно я понимаю, что плачу под маской. Я не знаю почему – это так же быстро и необъяснимо, как кровотечение из носа. Для меня, актрисы, привыкшей включать и выключать слезы по желанию, отсутствие контроля над своими чувствами так же тревожно, как и сам плач.

Когда сцена заканчивается, я сажусь и снимаю маску. Я задыхаюсь. Пол подходит ко мне, опускается на корточки и смотрит в глаза:

– Вы в порядке, Клэр?

Я молча киваю.

– Иногда так бывает, – тихо говорит он. – Когда носишь маску слишком долго, то обнаруживаешь, что она прилипает к коже.

Пол говорит это так серьезно, что я снова киваю, не в силах сказать ему, что настоящая маска, настоящая сцена находятся где-то далеко от этой комнаты.

Когда наступает четверг, я понимаю, что не могу больше ждать. Я сажусь в метро и еду на 116-ю улицу. Я люблю эту часть Нью-Йорка – мир вдали от шума и суматохи Таймс-Сквер. Зеленые насаждения и классические здания напоминают мне Англию, не говоря уже о дюжине отличных фильмов от «Охотников за привидениями» до «Все еще Элис».

Вместе с другими студентами я поднимаюсь по ступенькам Лоу Лайбрари, затем поворачиваю направо, к Бьюэлл-Холлу. Оказавшись внутри, сканирую доску объявлений. Занятие *«Профессор Патрик Дж. Фоглер: эстетика декаданса от де Сада до Бодлера»* запланировано на полдень. Рядом записка от руки: *«Сегодня занятие проведет доктор Анна Раман»*.

– Извините, – спрашиваю я женщину, которая выглядит так, будто работает здесь. – Вы не знаете, почему профессор Фоглер сегодня не

преподает?

– Конечно, знаю, – отвечает женщина. – Он на конференции в Европе.

– О, спасибо.

Значит, Патрик уехал. Ничего страшного. Только вот почему, думаю я, детектив Дурбан и доктор Лэтэм этого не знали?

– Оплошность, – пренебрежительно замечает Кэтрин. – Мы бы его быстро выследили. Другой серьезный вопрос, Клэр: почему же ты пошла против моих четких инструкций не посещать лекции?

– Хорошо, что здесь хоть кто-то проявляет инициативу, – замечаю я.

– Мы должны тебе доверять…

– Говорите в точности как он, – прерываю я доктора Лэтэм. – Как ваш социопат. Доверие должно работать в обоих направлениях. Я должна быть уверена, что вы не облажаетесь.

Кэтрин хмурится, почувствовав мой тон.

– Клэр отчасти права, – отмечает Фрэнк. – В конце концов, мы просим ее проявлять инициативу в общении с Патриком.

– Однако здесь должно быть и главное действующее лицо, – холодно парирует Кэтрин. – И это лицо уж точно не Клэр. Кажется, она забыла, насколько опасны опрометчивые поступки.

«Или, возможно, она просто менее одержима, чем ты, – думаю я. – И к тому же не помешана на теме контроля».

Я начинаю задаваться вопросом: если Кэтрин могла ошибиться в чем-то таком простом, как расписание Патрика Фоглера, то в чем еще она могла быть не права?

30

Отсутствие Патрика – это возможность. Так решает Кэтрин.

– Пока Фоглер находится на расстоянии, можно заставить его раскрыть то, о чем он фантазирует.

– Зачем ему это делать?

– Во-первых, если он наш убийца, фантазии будут чрезвычайно важны для него. Это все, что есть у Патрика, все, что поддерживает его между убийствами. Во-вторых, он будет наслаждаться процессом зондирования почвы – играть с тобой в игры, дразнить, выбирать, что он открывает и когда. По мере того как вы будете постепенно сближаться, детали его фантазий – если я права – будут все больше напоминать реальные детали

убийств. То есть образность бодлеровских стихов. Мы отправим ему письмо. Или, скорее, ты и отправишь. Но никакой спешки.

Кому: Patrick.Fogler@columbia.edu
От: strangegirl667@gmail.com
Тема: Наша встреча

Эй, Патрик!

Просто хочу сказать, что скучала по тебе вчера в аудитории. Доктор Раман была великолепна, но ей тебя не заменить… К тому же она не пригласила меня выпить.

Прости, если я переборщила в тот вечер. Я думаю, это просто сработал адреналин после игры в доверие. Так что было приятно познакомиться, и, может быть, наши пути когда-нибудь пересекутся.

С наилучшими пожеланиями,
Клэр

Фрэнк предсказывает, что он не ответит.

– Ответит, если он убийца, – спокойно отвечает Кэтрин. – Его привлечет ее уязвимость, как акулу запах крови.

Кому: strangegirl667@gmail.com
От: Patrick.Fogler@columbia.edu
Re: Наша встреча

Клэр, приятно снова тебя слышать. Возможно, мы встретимся, когда я вернусь.

Патрик Фоглер

Кому: Patrick.Fogler@columbia.edu
От: strangegirl667@gmail.com
Правда?
Мне показалось, я тебе не понравилась.
Клэр Х

От: Patrick.Fogler@columbia.edu
Кому: strangegirl667@gmail.com

Не знаю, что натолкнуло тебя на эту мысль. Я бы связался с тобой и раньше. Но в этом не было смысла, пока я в отъезде.

От: strangegirl667@gmail.com
Кому: Patrick.Fogler@columbia.edu

Это очень предсказуемо. Как бы разыграл это Бодлер?

Я люблю представлять себя Венерой, получающей все эти необыкновенные стихи. Интересно, знал ли поэт, куда его возлюбленную заведут те вещи, которые он осмелился вызвать в воображении?

Я говорю представлять… но на самом деле я сама когда-то была в таком же положении, и я знаю, каково это – быть допущенным в чей-то разум. Удивительное чувство.

Думаю, некоторые назвали бы порнографией то, что этот человек написал для меня, но с моей точки зрения, это столь же прекрасно и откровенно, как и любые стихи.

Х

Долгое молчание. Три дня без ответа. Вдруг, без предупреждения:

От: Patrick.Fogler@columbia.edu
Кому: strangegirl667@gmail.com

В таком случае, быть может, приложенный файл в мое отсутствие развлечет тебя.

<forclaire.doc>

31

– Вот прямо все здесь! – На обычно бесстрастном лице Фрэнка вспыхивает возбуждение, когда он в третий раз перечитывает фантазию Фоглера. – Боже мой, все здесь!

Доктор Лэтэм не отвечает. Слышно только, как ручка постукивает по ее губам.

– Все так, как вы и ожидали, – говорю я ей. – Все, о чем вы говорили. Вот он и пишет: насилие, боль, контроль…

Фрэнк читает вслух: *«Мускусный запах твоего возбуждения*

наполняет комнату тошнотворным ароматом редкого цветка – орхидеи, которая испускает свои небесные ароматы лишь тогда, когда начинает увядать и гнить…» Это какая-то потусторонняя муть, Кэтрин.

Постукивание прекращается.

Кэтрин неохотно соглашается с определением Фрэнка:

– Думаю, Патрик мог сходить в книжный магазин и переписать это с любой из дюжины книг в отделе для взрослых. Конечно, этот текст слегка отклоняется от нормы. Однако… Положа руку на сердце, я все-таки не могу сказать, что только убийца мог написать подобное.

– Он не снял с себя подозрений.

Женщина качает головой.

– Нет.

– Что нам теперь делать?

Доктор Лэтэм поворачивается ко мне.

– Он сдерживается. Вы должны показать ему, что погружены в тему гораздо глубже, чем он думает. Ответьте ему и приведите что-нибудь в том же духе, но помощнее.

– Вы хотите, чтобы именно *я* это написала? Не могли бы вы…

– Как вы думаете, почему я заставляю вас проводить время на этих сайтах? Обольщение должно ощущаться в самом вашем голосе.

Сидя за ноутбуком, я напоминаю себе, что мне приходилось делать вещи и похуже. Например, однажды я выходила на улицы Нью-Йорка и продавала свитера из жирафьей шерсти.

От: strangegirl667@gmail.com
Кому: Patrick.Fogler@columbia.edu
Тема: Наша встреча

Дорогой Патрик,

спасибо за фантазию – мне понравилось. С другой стороны, уж поверь – то, что ты описываешь, для меня довольно банально. Я иногда сама пугаюсь, насколько экстремальны вещи, которые мне нравятся. Боже, зачем я рассказываю это совершенно незнакомому человеку? Иногда я смотрю на то, что меня заводит, – на то, что заставляет меня чувствовать себя беспомощной, уязвимой и испуганной, – и думаю: со мной что-то не так.

Я рассказываю тебе это, потому что думаю – ты сможешь понять… Сейчас я почти нервничаю из-за того, что ты напишешь,

если что-то не так. Может, лучше попрощаться сейчас, прежде чем мы зайдем слишком далеко.

Я написала кое-что. Скажи, если тебе это понравится.

Клэр XX

<<forPatrick.doc>>

От: Patrick.Fogler@columbia.edu

Кому: strangegirl667@gmail.com

Re: Наша встреча

Какая ты, оказывается, замечательная, Клэр.

Мне понравилось то, что ты написала для меня, и я с нетерпением жду возвращения и встречи с тобой. Между тем, ты можешь найти во вложении нечто более близкое твоему вкусу.

Во второй фантазии Патрик описывает, как он мог бы завязывать мне глаза и бить ремнем.

В третьем отрывке, который приходит через несколько часов, он описывает меня, лежащую на кровати на свежевыстиранных простынях, окруженную свечами, словно тело, положенное на алтарь. «Я беру две свечи, по одной в каждой руке. Они толстые и тяжелые, как свечи в церкви. Языки пламени – наконечники копий, раскаленные добела, с черным дымом на концах. Фитили окружены до краев дисками чистого расплавленного воска. Я держу первую свечу над тобой и наклоняю ее. Ты вздрагиваешь, но не кричишь. Воск застывает на коже. Он остывает, становится молочным, как шрам».

В своей четвертой фантазии Патрик описывает, как в гостиничном номере меня застигает холодный, таинственный незнакомец, который привязывает меня к кровати перед тем, как задушить.

– Это хорошо, – говорит доктор Лэтэм, читая последнее письмо Патрика через мое плечо. – Таким образом, мы получим много материала для дальнейшего расследования.

– Например, что конкретно? – нахмурившись, спрашивает Фрэнк.

– Свечи, ремни… И все случается в гостиничном номере – очень похоже на убийство Стеллы.

– Хотя и ничего, что знал бы только убийца, – возражает Фрэнк. – Никакого ножа, если уж на то пошло. Адвокат Патрика Фоглера сказал бы, что, возможно, он выбрал номер в отеле, потому что именно там он был, когда писал эти строки.

– Дай ему время, Фрэнк. Я ведь уже сейчас могу сказать, что у Патрика Фоглера есть некое сексуальное пристрастие, разделяемое лишь небольшой частью населения. Пусть сеть затягивается. Когда все произойдет, станет еще туже.

От: strangegirl667@gmail.com
Кому: Patrick.Fogler@columbia.edu
Тема: Наша встреча

Очень мило, Патрик, но все-таки интересно – как далеко ты можешь зайти?

По поводу новой встречи – что ж, посмотрим. Меня столько раз подводили в прежние времена. И однажды… Однажды, как я уже говорила, меня не подвели, и в конце концов все получилось еще хуже.

Пожалуйста, продолжай писать мне, Патрик.

Клэр Х

32

– Сегодня, – говорит Кэтрин, – мы научимся слушать.

– Что? – спросила я.

– Я сказала «сегодня»… – Она останавливается. – Ох, смешно. Ха-ха.

Прошло десять дней с тех пор, как Патрик уехал в Европу, и пять с момента получения последнего письма. Мы знали, что Фоглер вернулся на Манхэттен, но с тех пор, как я попросила его продолжать писать, больше о нем ничего не слышала. Кэтрин пытается занять меня, но я чувствую, что ее сердце к этому не лежит, точно так же, как и мое. Мы все топчемся на месте, поскольку ждем, когда Патрик выйдет на связь.

– Сейчас я покажу – продолжает Кэтрин, – несколько основных нейролингвистических приемов. – Она берет схему. Таблица разделена на две колонки – правильную и неправильную. – Во-первых, суждения. Постарайся вообще от них воздержаться. Говорить, что это отвратительно или даже, что это здорово, менее полезно, чем нейтральный ответ, например, «вижу» или «продолжай». Помни, что самый эффективный следователь – молчание. – Она останавливается. – Ты нервничаешь, Клэр. Что-то не так?

Я застонала.

– Мы же обсуждали все это на первой неделе моего актерского курса. Только мы называли это «Блокировка» и «Принятие».

Доктор Лэтэм хмуро смотрит на меня:

– Клэр, я училась семь лет. Не думаю, что несколько лишних дней…

– Я не думаю, что несколько лишних дней…

Я передразниваю, да так точно, что Кэтрин краснеет.

– Кстати, вспомнила, – холодно произносит она. – Ты должна рассказать мне о своем цикле. Возможно, нам придется организовать операцию так, чтобы это не пересеклось с теми моментами, когда ты не в настроении.

Круто. Даже по меркам Кэтрин это чересчур стервозно. И как-то уж очень по-медицински. Я недоверчиво смотрю на нее.

– Ладно, – говорит доктор Лэтэм, всплескивая руками. – Напиши Патрику. Попроси его о встрече. Мы, конечно, не можем продолжать в том же духе.

33

Мой друг еще не пришел.

Вот что вы бы подумали, увидев меня здесь, сидящей в баре корпоративного нью-йоркского отеля, в попытках помочь моей Деве Марии продержаться весь вечер. Просто еще одна молодая профессионалка, ждущая своего кавалера. Может, чуть более нарядная, чем некоторые из здешних женщин. Я не выглядела, как будто только что из офиса.

– Привет, Клэр.

Он пугает меня, выходя из тени, и мне приходится подавить инстинкт, чтобы не вздрогнуть. Мужчина наклоняется поцеловать меня в щеку, и на мгновение его бледно-зеленые глаза встречаются с моими. Я уверена, он все видит и знает: чувствует провода, приклеенные к моей коже, и предательство в моем сердце.

– Что пьешь? – спрашивает Патрик Фоглер, непринужденно опускаясь на сиденье, и делает знак официанту.

– Вообще-то мы не можем здесь остаться. Идем в другое место. Другой бар.

Он хмурится.

– Так почему же мы не встретились там сразу?

– Это не то место, где можно встречаться с людьми. Идем?

Я больше ничего не объясняю, пока мы не добираемся до места. Одно

из последних в своем роде заведений тех времен, как сказала мне Кэтрин, когда такие места, как Шахта и Хранилище, делали Нью-Йорк притчей во языцех в плане сексуальных изысканий.

В конце концов я останавливаюсь.

– Это здесь.

Никаких признаков жилого помещения – только звонок. Мы спускаемся по ступенькам в небольшой вестибюль, где находится только приемная, трибуна и занавешенная дверь. Встречающая нас женщина смотрит на меня свысока. Поскольку на мне новенький пиджак от «Прада», купленный на зарплату за второй месяц, это слегка ее раздражает. Когда мы заканчиваем формальности с членством, подписываем копию правил и входим в дверь, я понимаю, почему ее не впечатлил мой наряд. Здесь не требуется никаких «Прада».

На самом деле все, что сделано из ткани, здесь не имеет большого значения. Излюбленные материалы этого места – кожа, ПВХ, резина и пищевая пленка. О, и кожа. Они очень любят кожу. Особенно если она проколота, исписана или зататуирована.

Моя первая иррациональная мысль: *«Как, черт возьми, они вообще добираются домой в таком виде?»*

Мимо нас проходит мужчина. На нем только кожаные штаны, он держит цепь. Цепочка ведет к кольцу, воткнутому в сосок потрясающе красивой девушки. Слово «Рабыня» написано у нее на груди маркером. Оглядываясь, я вижу кожаные маски, ремни безопасности, какие-то странные кляпы с мячом для гольфа. Другой носит капюшон, который закрывает все лицо. Видна только трубка, через которую он дышит. Музыка пульсирует в толпе, такая глубокая и низкая, что я чувствую ее в солнечном сплетении.

На возвышении двое мужчин по очереди шлепают женщину, привязанную ремнями к раме. Небольшая группа людей собралась на это посмотреть. Стена за рамой покрыта инструментами, аккуратно подвешенными на колышках, как в столярной мастерской: мотки веревок и кожаных ремней, наручники и зажимы, замысловатые девятихвостки и трости Чарли Чаплина.

Мы с Патриком некоторое время наблюдаем. Наконец по какому-то условленному сигналу мужчины останавливаются. Один из них заставляет женщину целовать весло, в то время как другой развязывает ее. Люди уходят, некоторые в комнаты с темным светом.

– Чем хочешь заняться? – спрашиваю я Патрика. Мне приходится перекрикивать музыку.

– Найдем место, где подают алкоголь, – произносит Фоглер. – Желательно хорошее бургундское вино, и в идеале там мы должны слышать друг друга.

* * *

– Так о чем ты думаешь? Только честно.

– Честно? – Патрик изучает меня поверх бокала. – Полагаю, я был немного удивлен, обнаружив себя здесь. Потом заинтригован. Наконец, мне пришлось сдерживать смех.

– Смех? – озадаченно переспрашиваю я.

Он пожимает плечами и улыбается.

– Все так серьезно, правда? И в то же время абсурдно. Все эти нелепые правила о разрешениях и безопасных словах. Дело в том, что это так же опасно, как поездка в Диснейленд.

– О!

– Впрочем, я ценю честность, с которой ты поделилась со мной своими желаниями, Клэр, – добавляет Патрик Фоглер. – Даже если игры подчинения и контроля не в моем вкусе, я могу понять, почему они могут нравиться другим.

– Что ты имеешь в виду под «не в моем вкусе»? – пораженно спрашиваю я. – Ты ведь написал все эти фантазии.

Он лишь качает головой.

– Я переводчик чужих работ, то есть по сути – подражатель. Я могу соскользнуть в стиль Бодлера, или Пруста, или в стиль дешевого порно, если уж на то пошло. Это все одно и то же для меня. На самом деле половина удовольствия заключается в принятии новой личности – проникновении в разум другого человека. Это не значит, что я действительно такой.

– Значит, нет… – Я хмурюсь. – Ты не прибегаешь к садомазохизму в сексе?

– Только в той мере, в какой это доставляет удовольствие моему партнеру. Лично меня это не особенно интересует.

– Тогда зачем было соглашаться писать эти тексты?

Патрик Фоглер улыбается.

– Поскольку ты попросила. Я очень хотел сделать тебе подарок, который будет оценен. Кроме того, мне нравится знать, что движет людьми. Я списываю это на свое сиротство.

Я пристально смотрю на собеседника.

– Ты – сирота?

– Да. – Патрика моя реакция явно удивила. – Хотя мне повезло – я хорошо ладил с семьей, в которую попал. А что?

– Я… – Мозги кипят. У моего персонажа умер родитель, но только один, поэтому я не могу сказать Патрику, что меня удочерили.

– Я потеряла отца, когда мне было десять, – бормочу я. – И я не слишком-то близка со своей мамой. С другой стороны, я знаю, что это не одно и то же.

Он кивает:

– А может, и нет. Впрочем, мне как раз показалось, что я что-то чувствую в тебе… Своего рода твердость, смешанную с хрупкостью. Некую отчужденность… Это трудно объяснить. Когда чувствуешь это сам, то учишься распознавать то же самое в других. Когда люди хотят безоговорочно любить и быть любимыми, но им трудно воспринять любовь, когда они ее находят. То есть это аутсайдеры, пытающиеся быть инсайдерами, ищущие замену семье. И иногда нам кажется, что мы нашли ее в каком-нибудь клубе или в группе по интересам. Может быть, именно это и затянуло тебя в мир фетишизма, Клэр. Может, ты просто искала группу изгоев, к которой можно было бы принадлежать.

– Может, – отвечаю я, но мысленно прокручиваю эти слова снова. Заменяя *мир фетишизма* на *мир актерства.*

Ты поймал меня, Патрик.

– Есть ощущение, к которому сироты привыкают, – добавляет Патрик. – Это напоминает тот момент, когда плаваешь в океане ночью и внезапно начинаешь задаваться вопросом, что под вами. И вдруг понимаешь, что если не будешь двигаться, то утонешь… потому что тебя ничто не удержит. Только темнота и глубокая вода. Ты один, совершенно один. Только ты один против них всех.

Я знаю, Патрик. Я знаю.

Мы разговариваем, кажется, уже несколько часов. Это само по себе довольно странно. Обычно, когда я разговариваю с мужчинами, они пристают ко мне или наоборот – не проявляют инициативу. В любом случае, разговор заканчивается максимум через полчаса. Болтовня о поэзии, Нью-Йорке, его поездках в Европу – нечто новенькое для меня. Несмотря на все мои попытки сохранять профессиональную дистанцию, он все-таки мне нравится. Он умен и начитан и, хотя явно знает о литературе и искусстве гораздо больше меня, никогда не проявляет снисходительности.

Кажется, он искренне интересуется моим мнением. Требуется усилие воли, чтобы помнить некоторые словесные ухищрения Кэтрин в разговоре, косвенные отсылки к моему темному прошлому, которые, как предполагается, должны его привлечь.

Конечно же нет. Он не клюет ни на одну из них, и вскоре я окончательно сдаюсь.

*** * ***

Когда мы выходим из бара, он настаивает на том, чтобы взять такси и подвезти меня до моей квартиры. «Восточный Гарлем – суровая местность», – говорит он. Патрик провожает меня до двери, притягивает к себе и в первый раз целует. Я знала – он это сделает. Конечно, я должна поцеловать его в ответ. Это всего лишь театральный поцелуй, говорю я себе. Ты делала это много раз. Он ничего не значит. Твой персонаж наслаждается ощущением рук Патрика, тяжестью его груди, давлением его губ и осознанием того, что ты наконец-то прорвалась сквозь слои сдержанности этого мужчины и обнаружила, что нравишься ему так же, как и он тебе. Персонаж. Не ты.

34

– Нам надо держаться потише, – говорит Кэтрин. Они приехали через несколько минут после того, как я вошла, но эйфории в этот раз уже не было. – Патрик совершенно точно будет вести себя крайне осторожно, – добавляет она. – Секретность стала для него образом жизни.

– Не так давно вы говорили, что его заставляет рисковать одиночество, – возражаю я.

– Это не точная наука, Клэр.

– Не очень-то похоже на науку, – бормочу я.

– Мы выдвигаем гипотезу, а потом проверяем ее, – решительно говорит Кэтрин. – Если не получится, мы пойдем дальше.

– Он до сих пор не изобличил себя. – Впервые я слышу нотку разочарования в голосе Фрэнка.

– Я всегда говорила, что он может скрываться среди БДСМ-сообщества, но вряд ли будет его частью. В определенном смысле это и подтверждает наш последний эксперимент…

– Мы не можем обратиться к судье за ордером на основании того, что наш подозреваемый, похоже, обычный парень, – отрывисто говорит Фрэнк. – У нас ничего на него нет.

– Нет, – признается Кэтрин. – Но это пока.

Потому что там нечего искать.

Осознание этого обрушивается на мой мозг подобно молнии.

Патрик невиновен.

Я не озвучиваю свои мысли вслух. Отчасти потому, что знаю, Кэтрин посоветует мне не судить об этом, отчасти – потому, что пока я держу это знание в себе, это мой секрет. Что-то, чем я могу утешиться.

Как бы мне хотелось обнять Патрика…

Интересно, что нужно, чтобы Кэтрин и Фрэнк поняли: он не тот человек? И что же они сделают, когда этот момент наконец наступит? Неужели они просто исчезнут из жизни Патрика и будут ждать от меня того же самого?

Я не хочу, чтобы этот день наступил. Во всяком случае, пока. Я ясно это понимаю.

Или есть шанс, что все будет не так? Есть ли возможность, чтобы однажды мы с Патриком могли… Я едва осмеливаюсь облечь эту мысль в слова.

Может, у нас с ним что-то получится?

Это кажется почти невозможным, но, с другой стороны, ничто в этой сумасшедшей ситуации не следует какой-либо нормальной логике.

Фрэнк и Кэтрин уходят, все еще препираясь, однако я не могу расслабиться. Квартира меня угнетает. Оглядываясь на мусор и грязь, я понимаю, как это безвкусно, как одномерно, словно на съемках ужасной студенческой постановки или на шоу знаменитой ведущей, позволяющей себе кричать на всю аудиторию.

Это не я. И это не Патрик.

Змея, по-видимому, ночная, извивается сложным узлом у стены резервуара. Я понятия не имею, какого она пола, но в последнее время я стала называть ее Кэтрин.

Мне нужен свежий воздух.

Так и не переодевшись, я иду в клуб – просто для физической разрядки. Чтобы выйти на танцпол и почувствовать, что мое тело захвачено музыкой. У пожарного выхода стоит дилер, который дает мне две таблетки по цене одной, поскольку сейчас будний вечер.

К трем часам мое тело устает, а мозг все еще гудит. Я вспоминаю бар

«Харлей» с мотоциклами, свисающими с потолка. И Брайана, австралийского бармена с кухонным полотенцем, заправленным в джинсы, выходящего со смены в три.

Конечно, когда я добираюсь до бара, он уже закрывается. Не нужно долго флиртовать, чтобы мужчина пригласил меня к себе, но по какой-то причине сегодня секс с незнакомцем уже не кажется магическим. Вместо чувства опасности и смелости это вызывает у меня ощущение некоторой бессмысленности.

Что бы и сколько бы Брайан ни говорил мне – я красивая, или удивительная, или страшная, или сумасшедшая, – человека, от которого я действительно хочу это услышать, все равно нет рядом.

35

Я возвращаюсь домой незадолго до полудня. В глазах песок, а во рту ощущение, будто флористы там расставляют цветы. Я вхожу и останавливаюсь как вкопанная, не уверенная в том, что вообще вижу.

За одну ночь это место преобразилось. Стены окрашены в нежный кремовый цвет. Черепа животных и реквизит комиссионки исчезли. Теперь здесь шведская мебель, диваны «Западный вяз», яркие турецкие ковры. Гитара и усилитель исчезли. Вместо них – высококачественные динамики «Сонос» шепчут классическую музыку. Рок-постеры на стенах сменили гравюры в выбеленных деревянных рамах. На стеклянном кофейном столике стопка книг по искусству о Джорджии О'Кифф и Тулуз-Лотреке. Словно по мановению волшебной палочки, змея превратилась в черепаховую кошку, лениво глядящую на меня с дивана.

– Ее зовут Августа, – говорит Кэтрин, выходя из соседней комнаты и видя, что я глажу ее уши.

– Да неужели?

– Думаешь, кошке нужно вымышленное имя? Разумеется, ее зовут Августа. – Где ты была?

– Мне нужно было отдохнуть. – Я указываю на новый декор. – Почему вы сменили интерьер?

Она смотрит на меня, пожав губы. На мгновение я думаю, что Кэтрин Лэтэм сейчас будет меня ругать, но она просто говорит:

– На будущее всегда бери ожерелье, хорошо? Нам нужно знать, что с тобой все в порядке.

– Микрофон был неуместен прошлой ночью, поверьте мне. Если

только вы не хотите, чтобы у детектива Дурбана случился сердечный приступ.

Она игнорирует это.

– Отвечая на вопрос, я обдумала кое-что из того, что ты сказала. О Венере Черной и о Венере Белой. Возможно, тебе нужно быть больше Белой Венерой – чистой, элегантной красотой, которую он может вообразить оскверненной.

– Ух ты, – говорю я. – Вот это смена характера. Нужно обдумать…

– Ну, не думай слишком долго. У Патрика два билета на сегодняшний вечер.

– На «*Гедду Габлер*»? – спрашиваю я удивленно. Это постановка, которую я до смерти хочу увидеть. Билеты на нее почти нереально достать.

Она кивает.

– Он заедет в семь – на автоответчике сообщение. А пока постарайся немного отдохнуть. Честно говоря, Клэр, выглядишь ужасно.

36

Ему нравится моя квартира. Именно в таком месте Патрик и представлял меня. Скромно, но с безупречным вкусом.

Я извиняюсь за слабый запах краски, объясняю, что недавно сделала ремонт.

Мы берем такси до театра, проходим мимо объявления о распроданных билетах и очереди на возврат. Я удивляюсь, как Фоглеру удалось достать эти билеты. Впрочем, он богат. Стелла происходила из богатой семьи. Поскольку они не были разведены, когда она умерла, Патрик унаследовал каждый цент.

Фрэнк сказал мне, что это одна из причин, по которой полиция заподозрила неладное. Если подумать – здесь отсутствует логика, ведь вряд ли Патрик виноват, что его жена богата. Тем более то, в чем Кэтрин подозревает Фоглера, не имеет никакого отношения к деньгам.

Мне снова кажется, что Кэтрин одержима Патриком. Если бы это была пьеса, то сломить его – это ее задача. Так Станиславский называл всепоглощающую внутреннюю потребность персонажа, приводящую порой к трагическим ошибкам.

Я просто надеюсь, что в этом случае она осознает, что не права, пока не стало слишком поздно.

«Оставайся профессионалом, – говорю я себе. – *Это просто игра.*

Всего лишь роль».

Даже когда я думаю об этом, то понимаю, что это уже не так. Если это вообще когда-то было правдой.

***

Патрик любит театр. Это очевидно еще до того, как мы усаживаемся на свои места. Кажется, он оживает, упиваясь нашим окружением, другими зрителями, гулом ожидания.

Его всегда тянуло к иллюзии, говорит Патрик, к идее, что одна вещь может скрывать за собой другую.

– Я мечтаю, что когда-нибудь напишу собственную пьесу о Бодлере и двух Венерах, – делится он со мной, пока мы ждем начала спектакля. – Похоже, эта история создана специально для театра. Не для такого вот классического театра, конечно же, – он должен быть экспериментальным, готовым иметь дело с действительно провокационным материалом.

– Как бы ты сделал это в пьесе?

Патрик Фоглер думает.

– Вероятно, я бы построил действие вокруг суда над Бодлером, когда «Цветы зла» были запрещены за непристойности. Я люблю хорошие драмы, где действие происходит в зале суда.

– И я.

– Неужели? – Патрик искоса смотрит на меня. – Лучший фильм с действием из зала суда?

– Это легкий вопрос. Точно не «Двенадцать разгневанных мужчин», хотя его и снял сам Сидни Люмет. Скорее уж…

– «Вердикт», – одобрительно завершает мою фразу Патрик Фоглер. – Автор сценария – Дэвид Мэммэт.

Я киваю.

– Правда, мой любимый киножанр – нуар. Особенно нью-йоркский нуар. Есть такой фильм «Лаура» с Джин Терни в главной роли.

– Я видел его, наверное, сотни раз. Помнишь ту часть, где…

Ожидание, когда погаснет свет, разговоры о фильмах и пьесах, которые мы оба любим… Мне приходит в голову, что этот вечер, вероятно, можно считать одним из лучших свиданий, какие только со мной случались. Конечно, если не думать о микрофоне и слушателях.

А я и не думаю. Или, по крайней мере, мой персонаж не думает, а просто наслаждается жизнью.

Первая половина спектакля проходит даже лучше, чем я ожидала. Я ассоциирую себя с Геддой – женщиной, которая вляпывается в полное дерьмо только потому, что ей скучно в повседневной жизни. Гедда постепенно погружается все глубже и глубже в ад своих поступков, пока окончательно не выходит из-под контроля. Играют актеры так хорошо, что в антракте мне даже не хочется говорить. Хочется оставаться внутри мира Ибсена, пока не придет время для второго акта.

Подхватив мое настроение, Патрик тихо говорит:

– Нам не нужно пока общаться, ждем продолжение.

Я слышу за спиной ядовитый голос:

– Конечно, переигрывание всегда нравится публике. Они ведь не знают ничего лучше, бедняжки. О, привет, Клэр!

Я пытаюсь ускользнуть, но слишком поздно. Это актер, некий Рауль. Друг друга Джесс.

– Дорогая, разве это не дикое зрелище?

Он подставляет мне щеку для поцелуя.

– Мне нравится, – слабо отвечаю я.

В этот момент Патрик возвращается с двумя пластиковыми стаканчиками вина. Он ставит их на стол и вопросительно смотрит на Рауля и его друзей, ожидая, когда их представят.

– Да? Возможно, когда не работаешь какое-то время, становится сложнее судить, – усмехается Рауль.

– Это Рауль, – неохотно говорю я Патрику. – Недавно он играл поющую крысу в мюзикле.

– Поющую белочку, если быть точным, – говорит Рауль. Вдруг он прищуривается. – Послушай-ка, Клэр, откуда у тебя этот странный акцент? Ты стала местной в надежде получить работу?

– Я слышала, второй акт лучше, – говорю я, чтобы отвлечь знакомого, но Рауль, начав, не собирается сдаваться.

– К теме акцентов: я недавно видел тот лакомый кусочек из бара «Харлей». Полагаю, вас можно поздравить? *«Боже, как же хорошо нам было с Клэр прошлой ночью. Если бы мы трахались чуть сильнее, я бы кончил обрезанием»*.

Рауль идеально копирует австралийские гнусавые нотки в голосе Брайана. Его друзья льстиво смеются. Патрик тоже хихикает.

Он делает шаг вперед и обнимает Рауля за плечи, словно поздравляя с очень остроумной шуткой. Затем внезапно Фоглер резко опускает всю тяжесть своей головы на нос противника. Рауль падает на пол, как марионетка. Позади нас женщина в шоке ахает.

Молодой человек, стоя на коленях, мягко кланяется ковру. Из носа капают кровь и слизь.

– Хочешь посмотреть второй акт? – спокойно спрашивает Патрик. – Или нам лучше уйти?

37

– Неприятный тип, – говорит он, когда мы выходим. Моросит легкий летний дождик, но Патрик, кажется, его не замечает.

– Актеры могут быть такими говнюками, – неуверенно соглашаюсь я.

Мы идем на запад.

– А что, кстати, он имел в виду? – спрашивает Патрик, высматривая свободных таксистов.

– Что именно?

– О том, что ты не работаешь.

– О. – Я пожимаю плечами. – У меня была глупая мысль попробовать стать актрисой. Рауль и его друзья быстро дали мне понять, что это было лишь мое глупое честолюбие.

– Я думаю, это отличная идея. Тебе нужно нечто, способное задать направление твоей жизни. У тебя это хорошо получится. Ты должна попробовать поступить на театральную программу в Колумбии. Они занимаются частным обучением.

Появляется такси, и Патрик жестом останавливает машину.

– Восточный Гарлем, – говорит он водителю, придерживая для меня дверь.

– Я не могу позволить себе обучение, – говорю я, как только мы садимся и водитель снова выезжает на дорогу.

– Я одолжу тебе денег.

– Патрик, пожалуйста, не смеши меня.

– Что здесь смешного? Я могу себе это позволить. Потом я напишу собственную пьесу, и ты сыграешь главную роль.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – говорю я. Я начинаю злиться. – Ты ничего не знаешь о *нас*. Я могу просто исчезнуть с твоими деньгами – вдруг я мошенница? Всякое бывает.

– Мошенница? – Кажется, Патрика эта ситуация забавляет. – Я думаю, я знаю все, что мне нужно знать о тебе, Клэр. Доверие – помнишь?

– Я узнаю про занятия, – бормочу я. – Но я не могу взять твои деньги.

Мы молча едем на север.

– То, что он сказал об этом австралийце… – начинаю я.

– Ты не должна ничего объяснять, Клэр. Пока ты не решишь, что хочешь быть со мной, с кем ты спишь – это твое личное дело.

– Патрик, хочу кое-что объяснить.

Я хочу, я действительно хочу. У меня почти непреодолимое желание рассказать ему все.

Я уверена, когда он узнает, что все это – глупая приманка, он почувствует себя обманутым, возненавидит меня. Для меня важно, чтобы Патрик не ненавидел меня.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, остановить происходящее: какой-то намек, предупреждение или обещание.

Потом я думаю о Фрэнке и Кэтрин, следующих за нами в фургоне без опознавательных знаков. Они слушают. Рассчитывают на меня.

Нехотя я все-таки перетащила себя обратно, в сценарий.

– Кажется, я говорила, что потеряла близкого человека.

– Да, твой учитель Фэрбэнк.

– Я никогда не рассказывала, как он умер.

Он кивает.

– Я ждал, когда ты будешь готова поговорить об этом.

– Он не только был моим учителем. Он был женат. – Я смотрю в окно такси на мокрые размытые улицы. – Когда все стало известно о нем и обо мне, его уволили. Жена его бросила, и, конечно, не было ни малейшей надежды, что он получит другую работу по тому же профилю. Он закончил… – Я делаю глубокий вдох. – Это должно было быть двойное самоубийство, но у меня не хватило смелости довести дело до конца. С тех самых пор мне ни на что не хватает смелости.

Слезы стекают по щекам, и они не совсем уж фальшивые. Это слезы стыда за ложь, которую я говорю. Реакция на безвкусицу этой глупой истории.

Водитель резко тормозит, нажимает на клаксон, сворачивает на другую полосу. Патрик обнимает меня за плечи, чтобы я не свалилась с сиденья. Это приятно.

Я понимаю, что могла бы полюбить этого человека. Вместо этого я ему лгу.

– Вот почему я бросила колледж и приехала в Нью-Йорк, – добавляю я. – С тех пор я чувствую себя как человек, стоящий на краю трамплина для прыжков в воду. Слишком напуган, чтобы прыгнуть, слишком смущен, чтобы вернуться.

Патрик, я могла бы полюбить тебя.

– Ублюдок, – тихо говорит Патрик. – Презренный, трусливый, эгоистичный урод. Соблазнить тебя – это уже отвратительный поступок, а вот заставить согласиться с его жалкими сексуальными фантазиями… Эта мысль заставляет мою кровь кипеть, хотя ты говоришь – тебе понравилось. Однако возложить бремя своей вины и на тебя – это уже чересчур.

Я смотрю на него с удивлением.

– Неужели?

– Кто он такой, чтобы так с тобой поступить? Если бы он не был мертв, я бы убил его сам.

Патрик Фоглер улыбается и гладит меня по щеке. Я помню, как Рауль рухнул на ковер, и не сомневаюсь – он не шутит.

У моего дома он выходит. На мгновение кажется, что он собирается отослать такси, и мое сердце подпрыгивает, но затем Патрик наклоняется и говорит водителю:

– Подожди-ка минутку.

– Значит, ты не зайдешь? – робко замечаю я, когда он провожает меня до двери.

Он изучает меня. Дождь блестит в его волосах.

– Я тебе рассказывал, как закончились отношения между Бодлером и Белой Венерой?

Я отрицательно качаю головой.

– Я знаю, что они спали вместе, но у них так ничего и не вышло.

Патрик кивает.

– Бодлер сказал, что хочет помнить ее как богиню, а не как женщину.

Я смеюсь.

– Скажу тебе прямо – я не богиня. Может, даже наоборот.

– По-моему, секс может быть проверкой для любых отношений. Как сказал друг Бодлера Флобер, мы должны остерегаться прикосновений к идолам, чтобы позолота не осталась на наших руках.

Он протягивает руку и заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо.

– Если я не прошу тебя, Клэр, то не потому, что не хочу. Я буду ждать приглашения от тебя.

Он делает паузу. Я ничего не говорю. Патрик улыбается.

– А пока удовлетворюсь этим. – Он наклоняется и целует меня.

Если бы мы были в кино, я думаю, это мог быть кульминационный момент – когда камера отъезжает и начинаются титры. Влюбленные обнимаются в нью-йоркской ночи, дождь делает все блестящим, свежим и

кинематографичным: городские огни, желтое такси, мощная музыка, доносящаяся из машины. Женщина прижимается к мужчине, страстно целуя его в ответ. *Я хочу тебя.*

38

– Когда я работала на Генри, я могла заставить любого мужчину делать или говорить все, что захочу, в течение пяти минут, – возражаю я. – Все же Патрик до сих пор не сказал *ничего,* что могло бы его обвинить.

– Клэр права, – тихо говорит Фрэнк.

Наступило следующее утро, и мы обсуждаем, что делать дальше. Фрэнк выглядит усталым. Напряжение от слежки берет свое. Только Кэтрин, как всегда, полна энергии, словно терьер, жаждущий убийства.

– Я никогда не говорила, что все произойдет быстро, – замечает она. – Или просто.

– Однако вы говорили, что мы *что-то* да получим, – парирую я. – И если результата не будет – мы остановим операцию.

– Я не имела в виду – остановим после нескольких встреч. Если мы покончим с этим сейчас, мы никогда не узнаем, достигли бы мы успеха, имей чуть больше терпения.

Она смотрит на Фрэнка.

– Я работаю над этими убийствами уже семь лет, Фрэнк. Жестокие убийства по меньшей мере восьми женщин. Я не собираюсь уходить только потому, что *актриса* струсила. – Слово «актриса» в ее устах сочится презрением.

– Это не трусость, – возражаю я. – Я теперь вообще не понимаю, что именно мы пытаемся доказать. Или куда мы можем пойти со всей этой информацией.

– Я что-нибудь придумаю.

– Получается, мне придется переспать с ним?

Фрэнк и Кэтрин Лэтэм реагируют одновременно.

Фрэнк
Ни в коем случае!

Доктор Лэтэм
Абсолютно исключено.

Я

Вот какую подсказку он мне дал: Патрик рассказал, как Бодлер спал со своей Белой Венерой. Он сказал – это что-то вроде теста. Думаю, он имел в виду, что именно тогда я увижу настоящего Патрика Фоглера.

Доктор Лэтэм

Я не так это понимаю.

Фрэнк

Это пересечение красной черты. От психологической ловушки до сладкой приманки.

Я

Но тогда-то мы и узнаем правду. Убийца он или просто хороший парень, оплакивающий умершую жену.

Кэтрин пристально смотрит на меня.

Кэтрин

Боже мой, ты думаешь, он невиновен? На самом деле веришь каждому его слову? Клэр, как твой тренер…

Я

Мой тренер? Я не какая-нибудь гребаная *псина*.

Кэтрин

Как твой тренер, предупреждаю, в ту минуту, когда ты начнешь играть по собственному сценарию, я остановлю эту операцию. А по поводу секса с ним – забудь.

Какое-то мгновение мы с вызовом пялимся друг на друга. Затем:

Я

Идите к черту.

Я захлопываю дверь спальни и слышу позади голос Фрэнка.

Фрэнк

Темперамент звезды. Может, мне стоит с ней поговорить?

Кэтрин
Она же обвела тебя вокруг пальца, не так ли?

Квартира, спальня, продолжение.

Я слушаю через закрытую дверь.

Голос Фрэнка
То есть?

Кэтрин
Фрэнк… Она точно знает, как манипулировать такими мужчинами, как ты. Она делала это всю свою жизнь.

Я подхожу к зеркалу и смотрю на свое отражение. В зеркале героиня смотрит прямо на меня, не мигая. Она трогает ожерелье с микрофоном. Я представляю, как она срывает его одним неистовым экстравагантным жестом. Поворачивается и швыряет об стену, ожерелье разлетается вдребезги. Кричит, что мы неправильно поняли Патрика: он такой же убийца, как и Фрэнк. Эта сцена выглядела бы красиво. Приятно. Правильно. Однако я этого не делаю.

39

В эту ночь я брожу по улицам Нью-Йорка и размышляю.

Я вспоминаю, как должна была сыграть сексуальную сцену для «Смятения». Режиссер рассказал нам все, отрепетировал сцену с нами, полностью одетыми, сократил съемочную группу, чтобы мы чувствовали себя максимально комфортно. Ирония заключалась в том, что мы с Лоренсом к тому времени уже спали вместе.

Я хотела отыграть настоящую сексуальную сцену, вызывающую, а Лоренс был против. Тем не менее именно после съемок этого эпизода пошли слухи о нашей невероятной химии на экране. Именно тогда Лоренс начал нервничать. На самом деле – теперь мне это приходит в голову, – возможно, не было совпадением, что его жена и дети появились на площадке вскоре после этого. Возможно, это был просто его трусливый способ выпутаться из наших отношений. Лоренс искал развлечений в

чужой стране. Однако британская девица, которую он выбрал, оказалась цепкой и настойчивой.

Впрочем, я не имела ничего против того, чтобы раздеться перед камерой. Совсем наоборот. По сравнению с Дэном Дэй-Льюисом, живущим в инвалидном кресле, чтобы играть роль паралитика, это было ничто, но это как раз и было доказательством того, что я предана делу и способна отдать роли все, что у меня есть.

По той же причине я не поведусь на заявления Кэтрин, запрещающей мне сейчас спать с Патриком. Она знала, что он мне нравится, когда мы только начинали, и она безжалостно использовала данное знание для своей операции. Она едва ли может устроить все определенным образом, а потом блеять, что секс между Патриком и мной нежелателен.

Нет, главная причина моих колебаний в том, что у меня ужасное предчувствие – если я пересплю с Патриком, это только усилит его чувства ко мне, а, следовательно, я, сама того не желая, еще больше запутаю его в паутине доктора Лэтэма.

Я просто понимаю – наша первая совместная ночь действительно не должна быть разделена с Фрэнком, Кэтрин и дюжиной крошечных камер.

Но в моей голове много несогласных голосов.

Кэтрин Лэтэм

Клэр, ты упускаешь из виду разницу между сценарием и реальностью. Вот почему тебе нужно слушать меня.

Марси

Ты уже совершила ошибку – допустила непрофессионализм, и это испортило твою карьеру. Вот ты и снова совершаешь ту же глупую ошибку – влюбляешься в партнера. Я больше не могу представлять твои интересы.

Фрэнк

Помнишь, что сказала Кэтрин, Клэр? Это как обезвреживать бомбу. Тронь не тот проводок и – бум!

Даже саперам, думаю я, не стоит возиться с проводами, когда они находят, скажем, подозрительный пакет. Иногда они просто прыгают и взрывают объект. Лучшие решения часто являются грубейшими.

В одном Кэтрин определенно права: я оказалась слишком вовлечена в это дело, чего никак не ожидала. Оглядываясь назад, я даже не могу сказать, когда перестала отчетливо осознавать, кому же из них я верна..

Если же я откажусь, то потеряю Патрика, а этого я делать не хочу.

40

Подвальный бар, ночь.

Мы в том же освещенном свечами баре, в котором были в тот первый вечер. Пьем вторую бутылку вина.

Я
Стелла тоже?

Патрик
Я любил ее. В конце концов, мы были женаты четыре года. Но теперь… Мне не грустно, что она умерла. Плохо так говорить, да? Но это правда. Просто, если бы она не умерла, меня бы здесь с тобой не было.

Я
Ты никогда не задумывался, кто ее убил?

Патрик
Все время об этом думаю, но полиция настолько некомпетентна, что вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду.

Он достает пакет – тонкую квадратную коробку – и кладет на стол.

Патрик
Открой.

Я делаю, как он говорит. Внутри ожерелье – великолепное, замысловатое изделие из серебра.

Я
Очень красивое.

Мне кое-что приходит в голову.

Я

Это ее украшение?

Патрик
Иногда она надевала его, но теперь оно твое. Надень.

Я
Но… Боже, Патрик. Должно быть, оно стоит целое состояние.

Патрик
Вот поэтому я и хочу, чтобы оно было у тебя. Не хочешь снять свое?

Я
Это?

Я прикасаюсь к фальшивому позолоченному чудовищу Фрэнка.

Я
Конечно! Глаза б мои его не видели.

Но тут я заколебалась. Значит ли это, что Фрэнк и Кэтрин не смогут нас услышать? Или оно будет достаточно чувствительным и в моей сумке и сможет передать то, о чем мы говорим?

Патрик принимает мои колебания за что-то другое.

Патрик
Я хочу, чтобы оно было у тебя, Клэр.

Я решаюсь.

Я
Поможешь?

Я наклоняю голову вперед, подставляя шею. Пока он меняет ожерелья, я принимаю еще одно решение.

Я
Мы можем пойти к тебе домой? Сегодня, я имею в виду?

Патрик

Зачем? Твоя квартира ведь совсем рядом.

Фургон наблюдения, ночь.

С недовольной гримасой Фрэнк крутит ручки в попытке услышать звук из микрофона. Ожерелье находится в моей сумке, поэтому все приглушено.

Мой голос
(слегка слышен)
Я не чувствую себя там комфортно.

Фрэнк Дурбан
(вполголоса)
Черт!

Я слишком легко могу представить себе эту сцену. Я понимаю, что мне все равно.

Квартира Патрика, ночь.

Патрик живет в Морнингсайд-Хайтс, в красивой современной квартире с видом на собор. В доме полно книг, турецких ковров и предметов европейского искусства. Я брожу, осматриваясь, пока хозяин готовит напитки.

Я знаю, что должна обсудить это с Фрэнком и Кэтрин, но я не хочу. Я хочу прямо сейчас заняться сексом с Патриком. Прыгнуть в объятия прежде, чем подумать.

Не думай. Действуй.

Патрик оборачивается и видит, что я расстегнула рубашку и сняла бюстгальтер.

Патрик
Я думал, ты не готова к этому.

Я
Я тоже так думала.

Я делаю шаг к нему.

Я

(шепотом)
Делай со мной все, что хочешь, Патрик.

Патрик
(раздумывая)
О, хорошо.

Он скользит рукой под мою рубашку, поднимая ее к груди. Затем нежно тянет за сосок, заставляя меня задыхаться. Патрик тянет сильнее, так что я вынуждена идти за ним, когда он отступает в спальню.

Квартира Патрика, спальня, продолжение.
Патрик
Вот, чего я хочу, Клэр.

Он нежно целует меня.

Квартира Патрика, спальня, чуть позже.
Мы занимаемся любовью на кровати: страстно, неистово, но и нежно, без малейшего намека на насилие.

41

– Невероятная глупость. Не говоря уже о риске, – бесится Кэтрин, прежде чем я успеваю полностью открыть дверь в квартиру.

Лицо Фрэнка посерело от усталости. Они явно ждали меня всю ночь.

– «Доброе утро, – вежливо отвечаю я. – Как ты спала, Клэр? Очень хорошо, спасибо. В любом случае, все было хорошо, не так ли? Что является еще одним доказательством: вы неправильно поняли ситуацию».

– Ты что, думаешь, социопат не может имитировать ванильный секс? Разве ты не слушала, что я говорила?

– Социопат? Неужели? Ничего из того, что он сделал или сказал этой ночью…

– Вряд ли он сознается в своих наклонностях, пока твоя киска затыкает ему рот, – огрызается Кэтрин.

Я не позволю ей уйти после таких слов.

– Я слышу нотку ревности, доктор Лэтэм?

– Дамы, – в отчаянии говорит Фрэнк. – Пожалуйста.

Кэтрин глубоко вздыхает:

– Что ж. Все уже случилось. Вопрос в том, как нам теперь выкарабкаться из этой ситуации.

– Что вы предлагаете? – спрашивает Фрэнк.

Доктор Лэтэм на мгновение задумывается.

– В следующий раз убеди его сделать тебе больно, – отвечает она. – Скажи ему, как сильно *ты* этого хочешь. *Нужно проверить* его самообладание.

– О, ради бога…

– Тогда-то я и начну ревновать. Честно говоря, я бы и сама с удовольствием выбила из тебя всю дурь.

– Когда вы успели стать таким параноиком по отношению к людям? – спрашиваю я, повышая голос. – Таким недоверчивым человеком?

Она демонстративно вздыхает.

– Ох, Клэр. Повзрослей. Ты больше не тот подросток, который сражается с приемными родителями. Все происходит в действительности.

– Он не убийца, – настаиваю я. – Разве не видите – у *вас* навязчивая идея. *Вы* – единственная, кто не видит дальше своего носа. *Вы* снова и снова пытаетесь подогнать факты под свою дурацкую теорию. Вся эта чушь насчет того, что убийства основаны на стихах, неубедительна и смешна, а что касается дерьма насчет так называемого сексуального отклонения – вы словно живете в прошлом веке. Ну да, люди иногда экспериментируют. Патрик на самом деле один из самых нежных, самых внимательных мужчин, с которыми я когда-либо спала.

– Может, у меня и нет твоего большого опыта, – бросает она в ответ, – но зато я изучала серийных убийц. У них есть привычка притворяться нормальными. Они делают это изо дня в день. Большинство маньяков, с которыми я сталкивалась, можно назвать блестящими актерами. Тебе до них еще далеко.

– Пошла ты! – яростно выплевываю я, бросаясь на Кэтрин.

Фрэнк без усилий поднимает руку, преграждая мне путь.

– Возможно, это слишком, Кэтрин, – бормочет он.

Доктор Лэтэм игнорирует его. Ее голубые глаза сверлят меня.

– Пойду приму душ, – холодно говорю я. – Уходите оба.

Я поворачиваюсь и иду в ванную, не оглядываясь.

Следующей ночью, когда я снова с Патриком и мы раздеваемся друг перед другом, я ловлю себя на том, что вытаскиваю ремень из его брюк и протягиваю ему.

– Можешь отхлестать меня, если хочешь, – неуверенно говорю я.

Патрик берет ремень, складывает в руках – проверяет его гибкость.

– А если я *не* хочу? Такое возможно?

– Конечно.

– Тогда и не буду.

Он отбрасывает ремень в сторону.

– Патрик… – говорю я.

– Да?

– Предположим, я скажу тебе, что никогда по-настоящему не увлекалась всем тем, о чем говорила? Просто я пыталась… Я не знаю… Может, просто хотела шокировать тебя или что-то подобное.

Патрик Фоглер улыбается.

– Я бы сказал: «Спасибо за откровенность». Ты пыталась меня шокировать?

– Вроде того, – бормочу я. – Хотела произвести на тебя впечатление.

– Клэр Райт, знаешь, ты очаровательна.

– Ты веришь в судьбу, Патрик?

– То есть?

– Иногда говорят – что бы ни сделал каждый из нас – все это не имеет значения. Это просто должно было случиться. Мы уже здесь. Это все, что имеет значение. Так было суждено.

Он качает головой, все еще улыбаясь.

– Я не верю в такую судьбу, нет. Только в совпадения. За это совпадение, которое свело нас вместе, я буду вечно благодарен.

Позже мы лежим на полу и пьем вино среди разбросанной одежды.

– Клэр… Я должен тебе кое-что сказать, – тихо произносит он. – Нечто важное. Помнишь, на днях мы говорили о Стелле?

Я невольно замираю. Затем выполняю упражнения на расслабление и концентрацию.

– Да, – говорю я как можно небрежнее.

Патрик с любопытством прикасается к моему соску, нежно сжимает его, поворачивая туда-сюда, как будто это ручка радио, которое он должен настроить на нужную ему точную, неуловимую длину волны.

– Если смерть Стеллы и научила меня чему-нибудь, так это ужасу, который несут тайны.

О, нет.

– У тебя есть тайна, Патрик?

Я говорю это ему, но также и микрофону в сумке, всего в нескольких футах от него.

– Да, – произносит он. – Только одна. Мне нужно кое в чем признаться.

То, как он это говорит, так торжественно и нерешительно, подсказывает мне – это нечто большое, действительно важное. Кажется, Патрик даже нервничает. А ведь Патрик никогда не нервничает.

Неужели Кэтрин все-таки права? Я все неправильно поняла?

Я жду, как меня учили. *Молчание – лучший следователь.* Сердце колотится в груди. Патрик должен чувствовать это кончиками пальцев.

– Кажется, я влюбляюсь в тебя, – говорит он.

43

– Сегодня мы будем работать с двумя важнейшими инструментами актерского репертуара – чувственной и аффективной памятью. Со временем именно аффективная память приобрела в нашей профессии определенный налет загадочности. На самом деле под этим просто имеется в виду взгляд в свое прошлое, воспоминание о какой-то эмоции или событии, которые могут заставить этот момент ожить для вас. Вы бы могли привнести подобную правдивость в роль, которую сейчас играете. Давайте я покажу, зачем нам это нужно.

Пол выбирает Леона – высокого, долговязого парня со Среднего Запада – и просит его притвориться, будто он потерял бумажник. Мы все смотрим, как Леон, явно не самый талантливый студент в группе, изображает похлопывание по карманам, волнение, а затем становится все более и более неистовым, пока почти не начинает рвать на себе волосы.

– Хорошо, – наконец, говорит Пол. – Давайте попробуем что-нибудь другое. Леон, когда вы повесили куртку, я вообще-то достал ваш бумажник и спрятал его в этой комнате. Я не собираюсь его возвращать. Вы должны найти его сами.

Леон нервно моргает:

– Мой проездной на метро в бумажнике.

– Я знаю, – говорит Пол. – А еще около восьмидесяти долларов, фотография вашей девушки, кредитные карточки. Лучше начать искать, не так ли?

– Вот черт, – недоверчиво произносит Леон.

Явно раздраженный, он идет к столам в углу комнаты и начинает рыться в наших сумках, каждый раз опрокидывая содержимое на пол, прежде чем перейти к следующей. Шея Леона побагровела от злости.

Постепенно, по мере того как он понимает, что очевидные методы поиска не работают, он ищет более тщательно. Время от времени он оборачивается и бросает на Пола враждебный взгляд.

– Ладно, – говорит Пол. – Довольно! – Он лезет в карман и достает бумажник Леона. – Он здесь.

– Какого черта … – начинает было Леон.

Пол не обращает на него внимания.

– Мне не нужно говорить вам, какое именно представление из этих двух более реалистично, – говорит он нам. – Но почему? Во-первых, конечно, потому, что только тогда, когда воображение действительно верит в подлинность ситуации, правда о ней доходит и до зрителей. Впрочем, дело не только в этом. Во второй раз мы все почувствовали, что у Леона есть цель, конкретная цель, а следовательно, и эмоции, связанные с ней. Он знал – если не найдет бумажник, то придется идти домой пешком. Вы все могли почувствовать его гнев – я манипулировал им, просто чтобы продемонстрировать эту теорию в нашем классе.

Несколько человек смеются.

– Да пошел ты! – рычит Леон.

Наступило опасное молчание. Пол поворачивается к нему:

– Что вы сказали?

Лицо Леона сильно покраснело.

– Да пошел ты. И к черту твои гребаные игры разума. Ты просто упиваешься своей властью. У тебя есть любимчики, и ты говоришь им, что они замечательные. Например, *ей*. – Он тычет в меня пальцем. – Остальным-то здесь делать нечего.

– Я и вас тоже похвалил, если бы вы приложили хоть каплю усилий, – спокойно говорит Пол. – Однако вы этого не сделали. Для вас это просто очередное занятие. Еще один балл, на который можно рассчитывать.

– В любом случае, я найду работу получше твоей, – усмехается Леон. – Если ты такой крутой, то почему не знаменит? Есть выражение: те, кто сами не могут – учат других.

Он хватает куртку.

– Иди в задницу. Я ухожу.

Когда Леон покидает аудиторию, Пол говорит:

– Такому классу не нужно это бревно. Джош, почему бы тебе не показать нам, как ты ищешь свои ключи?

Позже Пол объясняет, как именно мы должны расслабиться, а затем вспомнить ситуацию с сильным чувственным импульсом.

Он начинает с простых примеров – например, просит вспомнить ощущения, когда мы ели что-то очень вкусное или когда нас от чего-то тошнило.

Я закрываю глаза и вспоминаю завтрак, который съела пару месяцев назад. Меня не было всю ночь, я не ела целый день, и, хотя я не могла себе этого позволить, запах жареного бекона привлек меня в соседнюю закусочную. Я представляю, как сижу в зале с теплой кожей сиденья под бедрами и большой белой кружкой дымящегося кофе в руке, официантка ставит на стол тарелку с жареными, еще влажными от сковороды яйцами и хрустящим ломким беконом…

У меня слюнки текут. Такова цель, сказал Пол. Когда тело говорит тебе, что это реально, так оно и есть.

Потом я вспоминаю, как купила гребешки, которые в конце дня продавались по дешевке, и забыла положить их в холодильник. Как я съела их на следующий день и через несколько секунд поняла, что не должна была этого делать. Я невольно начинаю давиться.

– Ладно, – наконец говорит Пол. – Теперь давайте добавим эмоцию. Начнем со счастья. Это, конечно, легко.

Стоит мне только подумать о прошлой ночи, и на моем лице появляется широкая улыбка.

Патрик, я тоже. Я чувствую то же самое по отношению к тебе.

Это то, что я искала всегда, с детства. Безусловная любовь. Полное принятие.

В отношениях, которые не могут иметь никакого будущего. Я не собираюсь думать об этом. Я не…

Сосредоточься на счастье.

– Хорошо, Клэр, – замечает Пол, проходя мимо меня. – Очень хорошо.

После занятия Пол отводит меня в сторону.

– В том, что сказал Леон, – начинает преподаватель, – есть доля правды. Я вижу в вас талант, Клэр.

Заикаясь, я начинаю его благодарить, но он поднимает руку.

– Я также вижу и то, что видел раньше у некоторых студентов – склонность *полагаться* на этот талант. По-настоящему хорошие актеры знают, когда нужно отбросить технику. Есть причина, по которой мы взываем к контакту с вашими чувствами – у лучших актеров есть что-то спокойное внутри. Своего рода целостность. Не пустое, меняющее форму

ядро. Вы понимаете, о чем я говорю?

Я киваю.

– Аффективная память может помочь, если вы ей это позволите, – добавляет он. – Если вы позволите ей отвести вас туда, где на самом деле находятся чувства. У некоторых людей это довольно темные места, Клэр, но вы все равно должны туда добраться.

Пол смотрит на меня почти сочувственно.

44

– Нам нужно начать заново, – говорит Кэтрин Лэтэм.

Мы смертельно устали друг от друга, от того, что вынуждены проводить столько времени вместе. Напоминает затянувшуюся пьесу с огромным количеством дневных спектаклей; одну из тех избитых детективных историй, билеты на которые распродаются из года в год. Мне нравится Фрэнк, но я бы хотела, чтобы он сильнее противостоял Кэтрин. Кэтрин я совсем не понимаю. Желание поймать Патрика ее крайне подавляет. Такое сосредоточение затмевает все остальные черты характера доктора Лэтэм.

– Нам нужно четко понимать, чего мы хотим и как намерены контролировать события для достижения результата, – продолжает она. – Я надеялась на признание в ваших постельных разговорах, но, кажется, момент упущен.

– Что ты предлагаешь, Кэтрин? – спрашивает Фрэнк.

Я отключаюсь и смотрю, как солнечный луч проникает сквозь бутылку минеральной воды на столе. Диск света на потолке превращается в эллипс, потом в восьмерку, потом снова в диск.

Он любит меня он любит меня он любит меня он любит меня…

– Клэр? Согласна с тем, что говорит Кэтрин?

Я снова обращаю на них внимание.

– Согласна с чем?

Кэтрин вздыхает и повторяет:

– Как вы знаете, у меня были сомнения насчет пути, по которому мы пошли. Теперь, когда мы находимся в данной точке нашего эксперимента, нужно подумать, как лучше использовать ваши интенсивно развивающиеся отношения.

– Каким образом?

– Я думаю, мы должны изменить ход нашего повествования. Если

Патрик и убийца, то отчасти потому, что чувствует себя обманутым женщинами. Я предлагаю тебе предать его.

– Вы имеете в виду – позволить ему застать меня с кем-то еще? – недоверчиво спрашиваю я.

– Почему бы и нет? Если Патрик так увлечен тобой, то рассердится. Обычный человек может выразить гнев словами. Если он убийца, то, вполне возможно, проявит жестокость.

– Господи, Кэтрин, это крайне рискованная стратегия, – произносит Фрэнк.

Кэтрин пожимает плечами.

– Есть предложение получше?

– Я не буду этого делать, – говорю я без колебаний.

– Ты – актриса, – возражает Кэтрин. – Ты не можешь сама писать сценарий.

– Если мы так поступим с Патриком… – начинаю я, но останавливаюсь. Я хочу сказать: *он возненавидит меня и больше никогда не будет доверять.*

Но, конечно, именно поэтому Кэтрин и предлагает такой вариант.

Я наконец-то нашла мужчину, с которым не хочу играть. И вот получается, что именно это я и собираюсь сделать. Я слышу голос Пола в голове: «Есть причина, по которой мы взываем к контакту с вашими чувствами – у лучших актеров есть что-то спокойное внутри. Своего рода целостность».

Я ставлю стакан с водой и встаю.

– Я ухожу, – тихо говорю я.

– Ты что? – хмурится Фрэнк.

– Я больше этим не занимаюсь.

– О, ради бога, – вздыхает Кэтрин. – Клэр, перестань выпендриваться и сядь.

– Я серьезно. Все кончено. Извините.

Кэтрин смотрит на Фрэнка.

– Детектив? – обращается к мужчине доктор Лэтэм.

В этот момент я понимаю, что они обсуждали такой вариант развития событий и даже планировали его, то есть Фрэнк теперь должен сказать или сделать что-то, чтобы остановить меня.

Он этого не делает.

– Что ж, Клэр, полагаю, это твой выбор, – мрачно произносит Фрэнк.

– Скажи ей, Фрэнк, – настаивает Кэтрин, – или я сама скажу.

– Сказать что?

– Если ты сейчас уйдешь, тебя посадят на самолет обратно в Великобританию.

Я смотрю на Кэтрин.

– Ты подписала контракт, – добавляет она.

– Я не читала его. Вы не дали мне времени.

Кэтрин пожимает плечами.

– Мы не могли рисковать тем, что ты сдашься на полпути, – извиняющимся тоном говорит Фрэнк.

– Мы все еще не закончили, – добавляет Кэтрин. – Все будет продолжаться до тех пор, пока я не скажу.

В ее взгляде столько же сочувствия или заботы, как если бы я была лабораторной крысой.

– Теперь вернемся к работе?

45

– Что-то ты сегодня тихая, Клэр.

Патрик забирается на кровать с бутылкой вина и двумя бокалами.

– Все в порядке? – спрашивает он.

– Конечно. – Я сажусь и заставляю себя улыбнуться. – Просто немного… задумалась, вот и все.

Он улыбается в ответ.

– Так скажи мне, о чем ты думаешь.

Я вздыхаю.

– Если бы я только могла.

Я прокручивала в голове жаркий спор, разгоревшийся у меня с Кэтрин и Фрэнком после того, как я узнала, что произойдет, если я откажусь от задания. Я кричала, умоляла, даже плакала, но все было напрасно.

Я в ловушке. Просто марионетка, зомби. Следую линии поведения, выполняю движения, навязанные ими.

Как до этого дошло?

Я поняла – Кэтрин не остановится, пока у нее не будет того, что она сможет использовать как улики против Патрика. Как бы тонко и двусмысленно все это ни звучало, доктор Лэтэм набросится на что-то из его слов или поступков, а потом использует это для своих целей.

Даже если это банальная ярость сироты из-за того, что его предала любимая женщина. Женщина, которая, как он думал, любила его безоговорочно.

– Я думал, мы будем доверять друг другу, – мягко говорит Патрик. – Поверь мне, Клэр, нет ничего, чего бы ты не могла сказать мне сейчас. Это не изменит мои чувства к тебе.

«Подожди так говорить. Ты пока не знаешь, что Кэтрин для тебя приготовила», – думаю я.

Потом у меня возникает мысль: «А что, если я ему скажу?» Идея настолько сумасшедшая, насколько и гениально простая, что я почти задыхаюсь.

Что, если я выйду за рамки роли? Что, если я все расскажу Патрику?

Если мы с ним хотим иметь хоть какой-то шанс на будущее, он должен когда-нибудь узнать правду обо мне, но как только он узнает, все закончится, и меня депортируют.

Если, конечно – сейчас у меня голова идет кругом, – я расскажу ему об этом без ведома Фрэнка и Кэтрин. Открою Патрику секрет. Вместе мы будем дурачить Фрэнка и Кэтрин, пока они не потеряют к нему интерес.

Вместо того, чтобы заманить Патрика Фоглера в ловушку, я могла бы спасти его.

– Почему ты улыбаешься, Клэр? – спрашивает он.

– Придержи эту мысль, – говорю я, вскакивая. – Придержи эту мысль и не уходи. Мне нужно рассказать тебе кое-что действительно шокирующее. – Я останавливаюсь, сознавая всю чудовищность того, что собираюсь сделать. – Что-то, что, возможно, сведет тебя с ума. Я быстро приму душ, а потом поговорим.

– Не могу дождаться, – говорит Патрик. Кажется, его это лишь забавляет.

Задержавшись только для того, чтобы взять халат, я иду в ванную, достаю из кармана джинсов ожерелье с микрофоном, засовываю его поглубже в корзину для белья и накрываю полотенцем.

Прости, Кэтрин, но ты не должна была пытаться заставить меня действовать по-твоему. Я делаю вдох, сосредотачиваюсь, быстро прокручиваю в голове грядущую сцену: как я должна стоять, что говорить, какой тон выбрать. Серьезный? Взволнованный? Извиняющийся? Слезливый? Нет, спокойный, решаю я. В конце концов, Патрику Фоглеру придется многое принять. У меня будет только один шанс. Никаких повторов или дополнительных дублей.

На мгновение мне приходит в голову, что Патрик может разозлиться. Я помню вспышку его гнева в театре и окровавленное лицо Рауля.

Хотя сейчас все будет по-другому. *«Поверь мне, Клэр, нет ничего, чего*

бы ты не могла сказать мне сейчас. Это не изменит мои чувства к тебе». Я должна верить в эти слова.

Мне страшно, страшно, но я счастлива. Я знаю, есть вероятность, что все происходящее обернется против нас, но также есть пусть слабенькая, но возможность – он поймет, под каким давлением я находилась, и простит. Этот ничтожный шанс вызывает у меня радостное головокружение.

В конце концов, мы могли бы любить друг друга без обмана.

Я включаю душ и тянусь за гелем. Бутылочка выскальзывает из моих мокрых пальцев и скатывается под умывальник. Я наклоняюсь, чтобы поднять ее. И вижу проводок – тонкий, как цепляющаяся за фарфор вермишель.

Я прикасаюсь к нему. Он липкий. Подцепив провод ногтем, я осторожно отодвигаю его. Он ведет наверх вокруг кранов и через крошечное отверстие. Я следую за ним туда, где он исчезает за зеркалом.

Минуту я смотрю на свое отражение и не верю. Затем снимаю зеркало со стены и переворачиваю. К обратной стороне, где крошечное отверстие было проделано в серебре, прикреплен электронный чип. Миниатюрная камера наблюдения.

Я знаю, потому что точно такую же они установили в моей квартире.

Что это значит? Подобное просто не укладывается в голове. Фрэнк всегда говорил мне, что я должна все время носить ожерелье именно потому, что они не могли рисковать и прослушивать квартиру Патрика. Так как же жучок попал сюда?

Задыхаясь, я следую по проводу в другую сторону, вниз к полу, оттягивая его от стены. Он вылезает из щели между плитками как швартовная веревка на пляже, поднимающаяся из песка.

Я иду за проводком к шкафу, где он входит в распределительную коробку, которая свернулась там, как большой черный паук, а ее лапы – множество проводов, бегущих в разных направлениях.

Не одна камера, а десятки, по всей квартире. Повсюду – провода. Их так много, что Патрик не может не знать о них.

Я вырываю распределительную коробку из тайника.

Поверь мне, Клэр, нет ничего, чего бы ты не могла сказать мне сейчас. Это не изменит мои чувства к тебе…

«Ах ты ублюдок», – говорю я вслух. Говорю это с моим настоящим, британским акцентом.

Я только что поняла – больше нет смысла притворяться.

Патрик знает – эти провода здесь.

Он – не подозреваемый.

Я – подозреваемая.

46

Серия переписок и воспоминаний проносится в моем мозгу.

Фрэнк
Детектив, мы можем поговорить снаружи?

Полицейское управление, коридор, продолжение.

Два детектива тихо разговаривают в коридоре.

Детектив Дэвис
Либо она говорит правду, либо заслуживает «Оскара».

Фрэнк
Так что же нам остается?

Детектив Дэвис
Муж?

Фрэнк
Или возможность того, что она действительно так хорошо притворяется.

Детектив Дэвис
Давайте-ка займемся Клэр.

Что, по-видимому, они и сделали. К сожалению.

Детектив Дэвис
У нее есть частичное алиби, но мужчина, с которым она пошла домой той ночью, был пьян и не может вспомнить, в котором часу она покинула его квартиру. Клэр легко могла вернуться в отель Стеллы.

Сцена, разыгрывающаяся сейчас в голове детектива Дурбана, изменилась.

Отель «Лексингтон», коридор, ночь.

Я стучу в дверь номера Стеллы.

Я

Миссис Фоглер? Стелла? Это Клэр… У меня есть кое-что от Патрика.

Сначала ответа нет. Стелла открывает дверь со стаканом в руке. Она покачивается.

Стелла

О, это ты. Девушка, которая не смогла соблазнить моего мужа. Что тебе надо?

Я

Мне неудобно говорить с порога.

Потом идет череда неудачных совпадений.

Комната для допросов в полиции, день.

Генри

По словам этого адвоката, Рика, Клэр слишком вжилась в роль. На тысячу долларов, если быть точным.

Далее следует совпадение номер два.

Детектив Дэвис

Продюсер утверждает, что Клэр напала на него, вытащила пистолет… затем потребовала денег, пригрозив отправить видео его жене. В тот же вечер она пошла работать к Стелле. Она могла все время держать пистолет при себе, угрожать Стелле. Потом что-то пошло не так, и началась драка.

Фрэнк

Боже мой… Есть доказательства, что продюсер говорит правду?

Детектив Дэвис

Лишь запись с камер наблюдения, как она выходит из его кабинета. Клэр выглядит так, будто ей на все наплевать, но из сумки у нее торчит

пистолет.

Фрэнк

Если Клэр была причастна к смерти Стеллы Фоглер, то откуда тогда посмертные раны на теле Стеллы?

Детектив Дэвис

У нее была книга стихов. Может быть, именно из нее Клэр и позаимствовала идею преступления. Она понимала, что это отвлечет внимание от ограбления.

Фрэнк

Вплоть до остатков презерватива?

Детектив Дэвис

Девушки, практикующие случайный секс, часто носят с собой презервативы. Клэр могла воткнуть один из них в рану на бедре Стеллы, надеясь, что наши криминалисты это заметят и сразу придут к выводу, что преступник – мужчина. Как, собственно, и получилось.

Фрэнк

Только социопат может мыслить так хладнокровно, когда только что забил кого-то до смерти.

Детектив Дэвис

Или кто-то, кто привык выступать под определенным давлением. На сцене, например.

Фрэнк

Хорошо. Клэр – подозреваемая.

Потом, много недель спустя:

Офис Кэтрин Лэтэм, день.

Фрэнк

У нас почти никого и нет на примете… Кроме этой актрисы, Клэр Райт.

Кэтрин

Да, интересно… Что, если мы позволим ей думать, что исключили ее из числа подозреваемых и позовем к нам для проведения психологических тестов?

Фрэнк

Это законно?

Кэтрин

Конечно, но только если мы заставим ее подписать нужные формы. Мы можем сказать ей, что она помогает мне составить портрет убийцы. Думаю, Клэр это понравится – мысль о том, что ей удалось влезть в расследование.

Фрэнк

Когда мы скажем ей, что она подозреваемая?

Кэтрин

Если она себя не обнаружит, то, возможно, никогда. Мы состряпаем какую-нибудь мелодраматическую историю о Патрике и его стихах – что-нибудь, способное привлечь ее внимание как актрисы.

Вешлер. Миннесотский многофазный личностный опросник. Опросник для экспертной оценки психопатии…

Даже тогда я подумала, что это странно – проверять меня на психопатию.

Завлекли меня приманкой, на которую, как они знали, я клюну. Сначала видеокамера, записывающая меня, выставляющая напоказ. Потом воззвание к моему тщеславию.

Комната наблюдения, день.

Голос детектива Дурбана

Конечно, у нас есть женщины-копы, которые могут это сделать. Не в обиду моим коллегам, но ты их видела? Я думаю, у Клэр с ним больше шансов.

Голос Кэтрин Лэтэм

В прошлый раз не получилось.

Голос детектива Дурбана

Он отдал ей книгу. Ты сама сказала – для него это близость.

Ждали, не ворвусь ли я и не потребую ли участия в их операции. Чтобы *проникнуть в расследование.*

Кэтрин

Очень хорошо, Клэр. Конечно, все это – фрейдистская чушь, но я по-настоящему впечатлена тем, как вы восприняли мое предложение и воспользовались им, а слезы – приятный бонус.

Это значит: *в конце концов ты можешь быть убийцей.*

47

Я вбегаю в спальню с коробкой в руке и швыряю ее на кровать.

– Что это? – требую я ответа.

Патрик выглядит удивленным.

– Ты уже знаешь большую часть того, что я собиралась тебе рассказать, не так ли?

Он моргает.

– Что они тебе, черт возьми, наговорили? – кричу я.

– Мне сказали, что ты могла убить мою жену, – тихо говорит Патрик Фоглер. – Они пришли ко мне после того, как я вернулся из Европы, и предупредили, что ты можешь быть убийцей. Это, казалось, объясняло многое из того, что ты говорила, то, как ты себя вела… Когда мне рассказали, что ты была в номере Стеллы той ночью и что у тебя был пистолет…

– Ты что, не понимаешь? – недоверчиво спрашиваю я. – Я всегда тебе доверяла. Не им, а тебе. Ты – предатель, злобный *ублюдок*.

Я начинаю колотить Патрика. Мои кулаки бессильно отскакивают от его твердого худого тела.

– Я влюбилась в тебя, – вою я. Даже сейчас, в этих невообразимо ужасных обстоятельствах, приятно наконец-то произнести эти слова вслух. – Они приказали мне не делать этого, но я была чертовски глупа. Патрик, разве ты не понимаешь? Я люблю тебя.

Только когда я целюсь ему в лицо, он наконец прижимает мои руки к

бокам.

– Господи, Клэр, успокойся.

Тут дверь распахивается, и Фрэнк Дурбан оттаскивает меня от него. Я позволяю это сделать. Теперь ничто уже не имеет значения. Ничто.

– Клэр Райт, вы арестованы по подозрению в убийстве Стеллы Фоглер… – начинает он.

С яростным воплем я отталкиваю Фрэнка. Когда он спотыкается, я ныряю ему под руку – тренировка по сценическому бою наконец-то приносит пользу – и бегу. Я понятия не имею куда. Знаю только, что весь мой мир, моя реальность перевернулись с ног на голову.

– Черт! – Я слышу, как Фрэнк бросается за мной. – Дерьмо. – И крик в рацию: – Подкрепление, срочно!

48

Я иду к Джесс. С тех пор, как я ускользнула от Фрэнка, копы больше не появлялись, но я не могу думать ни о чем другом. Джесс нет. У меня нет ключей. Я покупаю бутылку водки и жду, но она все не появляется. Образы кружатся в моей голове по бесконечной петле – снова и снова.

Рик

Если ты не возражаешь, Клэр, я скажу – ты не из таких.

Я

Пока не поняла, что есть более интересные способы оплаты съемного жилья.

Продюсер

Это не совсем то, Клэр. В настоящее время я отбираю людей на различные проекты.

Фрэнк

Большая часть нашей работы сосредоточена на одном человеке.

Кэтрин

Подозреваемая будет соблазнена, чтобы раскрыть различные аспекты своей личности, которые затем можно сравнить с моим портретом убийцы.

Я

Да! Пирамида – мозг, огромный склеп такой,
Что трупов больше скрыл, чем братская могила!

Кэтрин
Давай посмотрим, что скажет Векслер.

Патрик
Кажется, я влюбляюсь в тебя.

Патрик
Кажется, я влюбляюсь в тебя.

Патрик
Кажется, я влюбляюсь в тебя.

Я допиваю большую часть бутылки, прежде чем понимаю, что Джесс, должно быть, уехала. В конце концов, мне некуда больше идти, кроме как в то место, куда Фрэнк и Кэтрин поместили меня – в квартиру, полную камер, микрофонов и лжи.

Там тоже никого нет, но я знаю, что рано или поздно они найдут меня. Я разрушаю это место: вырываю провода из тайников, выдергиваю миниатюрные камеры из-за зеркал, громлю мебель «Западный вяз» и рву книги по искусству о Джорджии О'Кифф. Я медленно заношу ногу над стеклянным кофейным столиком и с силой топаю. В первый раз – это облака со снежинками трещин. Во второй – взрыв стекла.

Потом – ничего. Только пустое, тупое отчаяние. Думаю, меня арестуют. Больше никакого Патрика. Больше никаких уроков актерского мастерства.

Это снова и снова *напоминает «Смятение»*. Нет, хуже. Я словно тону в неразберихе, окончательно измученная.

В лучшем случае меня депортируют. Обратно в Англию. Моей мечте – моему второму шансу – конец.

Я беру осколок стекла.

Я хотела показать ему, что это не просто игра.

Я прикладываю стекло к запястью. «Привет, старый друг».

Укол от стекла возбуждает. Он будто говорит: «*Ты была права. Не они,*

а ты. *Ты была великолепна. Ты была* настоящей».

Я легко провожу стеклом по запястью, словно вскрываю упаковку с орехами. На мгновение – ничего. Затем начинает хлестать и пульсировать жадная кровь. Эйфория и ужас сливаются в моем мозгу.

Возможно, теперь они поймут, что натворили.

А если нет, то какая разница?

К чертям их!

Я снова провожу острием по руке, как скрипач, извлекающий ноту.

Мой последний поклон. *Спасибо и спокойной ночи.*

Шоу окончено, ребята. Оно было классным, пока не подошло к завершению.

Одно последнее режущее движение. Зрение тускнеет, словно туннель мчится ко мне, как тускнеющий прожектор, и моя голова падает на грудь.

Занавес. Аплодисменты.

Забвение.

Постепенная слабость.

49

Жалобно мяукая, кот пробирается через разбитое стекло. Раздается грохот – кто-то снаружи колотит в дверь. Она дрожит и вибрирует под силой ударов. На пятом ударе слетает с петель.

Вбегает Фрэнк Дурбан.

Фрэнк
Боже мой!

Клэр лежит без сознания в луже крови. Фрэнк кидается вперед.

Фрэнк
Клэр, очнись! Черт!

Вытащив рацию, он лихорадочно нажимает на кнопку.

50

– Этот порез не угрожал ее жизни, – отмахивается Кэтрин. – Только

одно запястье. Типичный мелодраматический жест.

– Клэр вполне могла умереть, если бы ее никто не нашел, – резко парирует Фрэнк. – Она все еще в отделении скорой помощи. – Он поворачивается к Патрику Фоглеру. – Мы пошлем кого-нибудь убрать оставшиеся камеры.

Патрик оглядывает квартиру.

– Все? Ты имеешь в виду – это все? Все кончено? Будут ли ей предъявлены обвинения?

Фрэнк качает головой.

– Без признания нет ничего, что могло бы поддержать обвинения. Прости, Патрик.

– Ее осмотрят в психиатрической клинике, – добавляет Кэтрин. – Вполне вероятно, они смогут ее удержать, пока иммиграционные и таможенные органы не договорятся о возвращении Клэр в Великобританию.

Патрик кивает.

– А *вы* как думаете? Честно. Она *убила* Стеллу?

Долгое молчание.

– Если честно, – признается Кэтрин, – думаю, мы этого никогда не узнаем, сколь долго бы мы ни наблюдали за ней. Я думаю, для Клэр Райт реальность – всегда лишь то, чего она хочет.

51

Гринридж. Психиатрический центр в двадцати милях от города. За десять месяцев в Америке я почти не выезжала с Манхэттена. Опыт проживания в этой стране не смог подготовить меня к убожеству ее государственных медицинских учреждений.

Палата, в которой я нахожусь, защищена электронными замками. Теоретически нас держат в безопасности, пока мы проходим обследования. На практике мы – пленники. Было какое-то судебное слушание, но меня сочли непригодной для участия в нем, и мой государственный адвокат просто заполнил форму, в которой говорилось, что я представляю опасность для себя и, возможно, для других. Это все, видимо, в порядке вещей. Один пациент, тучный темнокожий человек, которого санитары называют Тупицей, прикован к кровати двадцать четыре часа в сутки. Остальные в некотором роде подвижны, хотя даже они шаркают взад и вперед по полированным коридорам, словно их стреножили невидимые

кандалы, и бормочут что-то на городском диалекте, который я не понимаю. Все, кажется, постоянно находятся под воздействием каких-то лекарств.

Стоит жара, но окна не открываются. Пациенты мужского пола ходят с обнаженной грудью, и даже персонал ничего не носит под халатом. Ночью мужчины и женщины разделены лишь коридором. В мою первую ночь я услышала крики женщины, на которую напали в коридоре. Персонал оттянул мужчину, но через два часа он снова был в ее палате.

* * *

Психиатра, ответственного за меня, зовут доктор Эндрю Бэннер. Он молод, с плохой кожей из-за хронического «перегорания» на работе. В первую нашу встречу он долго проверял мои рефлексы.

– Вы страдаете от стресса или травмы? – поинтересовался он.

– Я уже рассказала вам, что случилось. – Почему-то мои зубы стучат. – Это была полицейская операция – я работала под прикрытием. Они отвезли меня в квартиру, где было полно камер, но мне не сказали об этом. На самом деле полицейские следили за мной. – Я останавливаюсь, чувствуя, как дрожит мой голос.

– Ничего похожего на автокатастрофу? Или ограбление?

Бэннер заглядывает мне в глаза с фонариком.

– Ничего.

Я сжимаю зубы, чтобы они не двигались.

– Нервные расстройства? Эпилепсия? Гипогликемические приступы? Маниакальные эпизоды? Депрессия, мысли о насилии?

– Нет. – Я смотрю на свою перевязанную руку. – Помимо вот этого, я имею в виду.

– Вы когда-нибудь слышали голоса, в существовании которых не уверены?

– В реальности – нет.

Эндрю выключает фонарик.

– В реальности – нет?

– Иногда мне кажется, что я в каком-то фильме. Смотрю, как я играю.

Бэннер делает пометку.

– Вы принимали какие-нибудь лекарства без рецепта за последние двенадцать месяцев?

– Только экстази, и то не очень часто.

– Ясно.

Еще одна пометка.

– Слушайте, – говорю я, кажется, уже в пятый раз. – Это было связано с убийством Стеллы Фоглер, которое произошло в феврале. Полиция схитрила, чтобы поймать меня на глазах у психиатра и чтобы в итоге она могла сделать все эти тесты.

– Какие тесты?

Я пытаюсь вспомнить, но лекарства, которые мне дали, затуманивают память.

– В основном мы разговаривали. О приемных родителях. Я думаю, это должно быть частью психологического портрета, как-то так. Вся эта динамика: папа – медведь, мама – медведь и Златовласка.

Это Эндрю Бэннер тоже записывает.

– Вы мне верите? – Я слышу отчаяние в своем голосе.

– Конечно.

– Неужели? – Я чувствую облегчение. – *Спасибо*. На мгновение мне это даже показалось безумием.

Бэннер говорит, продолжая писать:

– Недавно у меня был пациент, который считал, что у него в желудке растет дерево. Он вспомнил, что съел огрызок яблока, и подумал, что семена проросли в нем. Он страдал от мучительных спазмов в животе. Как только мы дали пациенту лекарство, у него прекратились судороги. Видите ли, он убедил себя, что лекарства – это яд и что дерево умерло.

– Так он же все равно остался безумным.

– Это не то слово, которое мы здесь используем, Клэр. Мы все живем в собственной реальности. – Взгляд доктора Бэннера обратился к ноутбуку. – Немного похоже на компьютерную сеть. На разных компьютерах в сети работает разное программное обеспечение. Иногда бывают небольшие сбои. Проблемы совместимости, так сказать. Они должны быть исправлены технической поддержкой. Понимаете, о чем я?

– Хм, не совсем.

– Позвольте мне сформулировать это так: есть некоторые химические дисбалансы в вашем организме, которые нужно подправить.

– Что значит «подправить»?

Оказывается, он имеет в виду ударные дозы пимозида, проверина и иклимита – лекарств, которые, как он уверяет, имеют мало побочных эффектов, но которые, я чувствую, притупляют мыслительные процессы, покрывая мой разум клейким сиропом медикаментов. Из-за них я постоянно голодна. Я провожу дни в телевизионной комнате, вяло ожидая, когда санитары принесут еще один поднос с тяжелой пищей. На одной из

консультаций я совершаю ошибку, говоря доктору Бэннеру, что страх перед другими пациентами нарушает мой сон, поэтому в дополнение ко всем другим лекарствам мне прописывают еще и снотворное. Как все здешние препараты, после назначения оно становится обязательным для приема. Санитары стоят над тобой, чтобы убедиться, что ты проглотил свою дозу. Почти как в фильме «Прерванная жизнь», только без Вупи Голдберг.

Похоже, ирония в том, что Бэннер весьма одержим лекарствами, в то время как очевидно, что именно злоупотребление препаратами подпортило мозги большинства его пациентов. Они сравнивают рецепты с избирательностью гурманов. «У тебя мет? Дерьмо, ведь все, что он мне дал, – две долбаные сигареты и рецепт на гребаную Сюзи Кью», – и рассказывают потом всем, кто готов слушать, о высшей реальности, в которой они побывали, принимая ангельскую пыль и кокаин. Мне кажется, впадать в наркотическую кому каждую ночь небезопасно, тем более я уверена – самые зоркие среди пациентов точно знают, что мне дали, но выбора нет.

Через неделю или около того доктор Бэннер торжественно озвучивает мой диагноз. Я страдаю от *параноидального бредового приступа*. Когда я протестую, настаивая, что все это произошло на самом деле и полицейская операция была такой же реальной, как больница, где мы сейчас находимся, доктор Эндрю Бэннер отмахивается от моих возражений. Факты не важны, утверждает он. Важно то, как я на них реагирую. Я переживаю *диссоциацию* – внутренний распад личности. Есть и элемент психоза, связанный с невозможностью отделить восприятие от реальности. Он считает, что это симптомы, связанные с *театральным расстройством личности*, и их появление вызвано *интенсивным стрессом*.

Лечение одно: увеличенные дозировки тех же лекарств.

Медленно, медленно, то ли из-за тяжелых медикаментов, то ли просто по прошествии времени мое волнение утихает. Я больше не вскакиваю от неожиданности при каждом шорохе и не просыпаюсь с рвотой во рту, вызванной паникой. Поток разрозненных образов в моей голове замедляется до струйки. Кручение пленки замедляется, а затем и вовсе останавливается.

Лишь изредка я вижу себя в роли исполнителя, шагающего по кинокартине своей жизни. Боль в сердце, боль из-за Патрика Фоглера, требует больше времени, чтобы справиться с ней. Теперь я понимаю, как глупо было позволить себе влюбиться в него. Второй раз в жизни я влюбилась и во второй раз полюбила опять лишь образ.

Только это не означает, что мои чувства нереальные.

Это моя драгоценная тайна, та часть меня, в которой я не признаюсь Бэннеру или его коллегам. Я боюсь, что, если расскажу им, они найдут способ все «подправить». Это последнее, за что я должна держаться. Единственная часть Патрика, которая у меня осталась.

Что касается Фрэнка и Кэтрин, то я не испытываю к ним ненависти. Я ничего к ним не чувствую. Даже когда я думала, что она на моей стороне, я знала – для Кэтрин я не более чем шахматная фигура в ее партии. Я всегда ее недолюбливала и не доверяла ей и теперь понимаю, что интуиция меня не обманывала.

Протяжность дней хромых сравнять ни с чем нельзя нам,
Когда под грузом лет со снеговым бураном
Хандра, – угрюмого нелюбопытства плод, —
Размеры страшные бессмертья обретет![17]

Поначалу я с опаской жду, когда приедут полицейские или иммиграционная служба и разберутся со мной. Однако проходят недели, и я сталкиваюсь с другой возможностью: система просто выбросила меня и забыла. Пока доктор Бэннер не решит, что я вылечилась, нет причин, почему кто-то должен меня выгнать.

Часть третья

52

– Думаю, мне уже лучше, – неуверенно говорю я. – Правда, я чувствую себя прекрасно.

Взгляд доктора Бэннера почти жалостлив:

– К сожалению, одним из признаков расстройств личности кластера Б является тот факт, что больной имеет искаженный образ себя. Часто пациенты ошибочно ценят в себе именно те качества, которые причиняют страдания другим и подрывают их отношения.

Я хмурюсь:

– Вы хотите сказать – мне не станет лучше, пока я не заболею? Это немного напоминает Кена Кизи, «Пролетая над гнездом кукушки», верно?

– Я говорю, что ваши собственные суждения о том, насколько вы хорошо себя чувствуете, могут оказаться так же ненадежны, как мои или моих коллег.

– А как же доктор Лэтэм? Что *она* говорит?

– Я не смог разыскать вашего доктора Лэтэм, Клэр.

Интонация, с которой доктор произносит слово *вашего*, заставляет меня пристально посмотреть на него.

– Думаете, я ее выдумала?

– Я этого не говорил, – возражает доктор Бэннер. – В любом случае факты указывают…

– Одним словом – не важно. Я знаю. Доктор Лэтэм – психиатр, и она провела все эти тесты на мне. Это данные, которые вы должны иметь.

– Если они и существуют, – осторожно отвечает Бэннер, – то, безусловно, будут нам полезны. Только вот я могу заверить вас: Кэтрин Лэтэм однозначно не зарегистрирована в американском Совете судебной психологии. Я проверил.

– Я могла бы привести вас в ее офис.

– Это не представляется возможным, Клэр.

– Почему нет? Займет всего пару часов. Тогда вы точно мне поверите, – говорю я в отчаянии.

Мне кажется, Бэннеру я интересна. Единственный пациент, с которым он может нормально поговорить, и я заметила, что мне отводится гораздо

больше времени на консультации по сравнению со всеми этими наркоманами.

– Может, я даже поверю себе. Вместо того, чтобы переживать, не было ли все это дерьмо только в моей голове.

К своему стыду, я начинаю плакать.

Бэннер наблюдает за мной несколько секунд.

– Ладно, – соглашается он наконец. – Если вы действительно считаете, что это поможет, Клэр, то я организую транспорт.

На следующий день мы едем в микроавтобусе, принадлежащем центру: доктор Бэннер, я и мускулистый санитар Антон, который, очевидно, здесь на случай моего побега. Когда мы добираемся до Юнион-Сити, я начинаю паниковать, потому что никак не могу найти нужный квартал.

– Он где-то здесь, – говорю я и ерзаю в микроавтобусе. – Я в этом уверена!

Доктор Бэннер записывает все, что я говорю, поэтому через некоторое время я заставляю себя замолчать и, чтобы не размахивать руками, подкладываю их под бедра. Затем мы поворачиваем за угол, и, к моему облегчению, вот он – знакомый ряд полупустых парковок и уродливых малоэтажных промышленных зданий.

– Здесь! – восклицаю я, указывая вперед. – Видите, я же говорила. Подъезжайте.

Мы выходим. Здание выглядит наполовину заброшенным.

– Не волнуйтесь. Оно так всегда выглядело, – успокаиваю я Бэннера и Антона.

Я подхожу к входным дверям и пытаюсь открыть. Они не поддаются. Я заглядываю внутрь. В приемной никого нет. Просто табличка с надписью, что эти свободные помещения патрулируются охранной компанией с собаками. И значок риелтора.

– Здесь никого нет, Клэр, – произносит доктор, констатируя очевидное.

– Подождите, – говорю я в отчаянии. – Давайте я покажу вам квартиру. Ту, которую они снимали. Это за рекой.

Еще до того, как мы туда добрались, я уже догадываюсь, что мы там найдем.

Дверь открывает женщина. С южноафриканским акцентом говорит, что арендовала квартиру на сайте Airbnb. У нее отличные отзывы.

То же самое с квартирой внизу, где жил Фрэнк Дурбан. Доктор Бэннер старается не встречаться со мной взглядом, но я замечаю, что Антон стоит очень близко.

– Можно воспользоваться вашим телефоном? – в отчаянии спрашиваю я доктора.

– Кому вы хотите позвонить, Клэр?

– Фрэнку. Детективу Дурбану. Он сможет сказать вам, где сейчас находится доктор Лэтэм.

Бэннер колеблется.

– Я попробую поговорить с ним, а потом нам действительно пора возвращаться.

Доктор достает телефон и набирает номер. Он просит соединить с нью-йоркским полицейским управлением.

Я жду, пока его переведут. Он несколько раз повторяет, что пытается связаться с детективом Фрэнком Дурбаном. В конце концов, доктор кладет трубку. У него нейтральное выражение лица.

– Ну? Что он сказал?

У меня сильно колотится сердце.

– Детектив Дурбан находился на больничном последние три месяца.

– Этого не может быть, – беспомощно лепечу я. – Он ходил за мной по пятам. Присматривал за мной. У меня даже было стоп-слово.

– Какое у вас было стоп-слово, Клэр?

– Кей… Кэм… – Я разочарованно качаю головой. – Не могу вспомнить. – Я снова начинаю плакать.

– Антон, – мягко говорит доктор Бэннер. – Не могли бы вы сопроводить Клэр до автобуса? Пора вернуть ее в Гринридж.

53

Бэннер хочет, чтобы я прошла групповую терапию. Это кажется мне бессмысленным – как может разговор с психически неустойчивыми наркоманами исправить что-либо из того, что произошло? В конце концов я соглашаюсь, чтобы попытаться выслужиться перед ним.

В группе, которая собирается в столовой в тихое свободное время между приемами пищи, нас восемь. Одна из медсестер, Орла, выступает в роли модератора.

– Сначала поприветствуем Клэр, – говорит она тихим, спокойным голосом. – Привет, Клэр, и поздравляю с этим важным шагом.

Раздаются вялые аплодисменты.

– Хорошо, – продолжает Орла, поворачиваясь к молодому человеку рядом с ней. – Итан, почему бы вам не рассказать нам, о чем вы думали на

этой неделе?

Итан начинает бормотать. Дескать, он чувствует себя виноватым в краже денег у сестры – ему надо было заплатить за наркотики. Я почти не слушаю. Я только что поняла, что именно напоминает мне этот сеанс.

Люди, собравшиеся вокруг учителя, по очереди исполняют свои миниатюры.

И *аплодисменты*.

Темой сессии становятся Ужасные Вещи, Которые Мы Сделали. Следом за Итаном начинают по очереди говорить другие больные: например, одна женщина ударила ножом мужа, думая, что он дьявол. Кто-то пытался выпрыгнуть из окна на глазах у детей. Наконец наступает моя очередь.

– Клэр, – произносит Орла, повернувшись ко мне. – Вас что-то беспокоит? О чем вы размышляете?

– Ну, – говорю я, – когда-то у меня не было денег на аренду, и полиция не давала мне работать. Поэтому я ездила в отели на Манхэттене и притворялась проституткой.

– Хорошо, – говорит Орла через мгновение. – Спасибо, что поделились. Сейчас – Анна.

Человек по имени Майкл, справа от меня, говорит:

– Подождите-ка. Как это работает? Вы говорили случайным парням, что вы проститутка?

Все смотрят на меня.

Поэтому я рассказываю.

Бар отеля «Рузвельт», Нью-Йорк, ночь.

Ребекка

Сколько ты когда-либо платил за женщину, Алан?

Алан

Четыреста долларов.

Ребекка

Удвой!

Алан

Ты серьезно?

Ребекка

Мне весело – вот почему я стою восемьсот долларов, но если ты передумал…

Алан
Нет, подожди. Восемь сотен… Ладно.

Ребекка
Мне нужна половина этой суммы как аванс.

Алан
(доставая кошелек)
У тебя все продумано, Ребекка?

Ребекка
Конечно. Поднимемся по отдельности. Ты – первый. И не смотри в глаза консьержу.

– Я не планировала заниматься с ними сексом, – заключаю я. – Впрочем, я все равно привыкла заниматься подобными вещами с тех пор, как работала профессиональной приманкой в юридической фирме. Единственная разница состояла в том, что теперь мне платила не жена, а муж. Он сохранял половину денег и свой брак тоже. Беспроигрышная ситуация.

Группа замерла. У Алана был монотонный голос уроженца Новой Англии – он происходил из Нью-Хэмпшира, где охота была чертовски хороша, – в то время как в голосе у шлюхи Ребекки был след дымного хриплого Юга.

Долгое молчание. Орла, кажется, встряхивается.

– Идем дальше, – говорит она. – Анна, тебе есть что рассказать?

54

– Групповая терапия показала, что вы еще не выздоровели, – говорит доктор Бэннер. – Как я и подозревал.

Слишком поздно я начинаю понимать, что попала в очередную ловушку.

– Как долго вы собираетесь меня здесь держать?

– До тех пор, пока вы не перестанете представлять опасность для

других или для себя, Клэр.

– Когда же это произойдет?

– Вы делаете успехи, при этом лекарства могут ослабить непосредственные симптомы, но не решить основные проблемы.

– Так как же вы узнаете, когда я поправлюсь?

– Имеете в виду, какое поведение подскажет мне, что вы чувствуете себя гораздо лучше?

Я киваю.

– Не сомневаюсь, что если я все вам расскажу, то вы прекрасно сможете разыграть подобное поведение, – говорит доктор с легкой улыбкой. – Позвольте мне сформулировать так, Клэр: я узнаю, что вы на пути к выздоровлению, когда вы перестанете притворяться.

55

Нам нельзя было заходить в интернет, но в офисе администратора стоял старый компьютер, подключенный к сети. Я видела, что санитары проверяют «Фейсбук», когда рядом нет докторов.

Пациентам могут дать небольшую работу, чтобы хоть чем-то их занять. Я вызываюсь сортировать отходы, и это открывает мне доступ в офис. Я слоняюсь вокруг, перекладываю бумаги, подсматриваю, как именно нужно вводить пароль. Поздно ночью снова прокрадываюсь туда и вхожу в систему.

Я занимаюсь поиском «театрального расстройства личности». Появляется список ссылок, в основном психологические сайты.

Я узнаю, что театральное (по-научному гистрионное) расстройство личности – одно из психических расстройств кластера Б. Оно характеризуется постоянным стремлением к одобрению, импульсивностью, настойчивой потребностью соблазнять других, рискованным сексуальным поведением, непостоянством, манипулятивностью, поиском острых ощущений, страхом быть покинутым, пониманием значимости отношений, которых на самом деле нет, и склонностью к искажению, отвержению или неправильному интерпретированию реальности. Восемьдесят процентов диагностированных с этим заболеванием составляют женщины. Они склонны к попыткам самоубийства или повреждения самих себя. Я также узнаю, что слово «гистрионное» имеет отношение к ныне уже дискредитированному термину «истерия», который, в свою очередь, происходит от греческого слова «матка». В начале двадцатого века истерию

лечили с помощью вибраторов, с тех пор, как было замечено, что страдающие – ими неизбежно были женщины – казались менее возбужденными после оргазма. За поколение до этого их просто запирали.

Другими словами, я не сумасшедшая. Может, я просто из тех женщин, которые исторически не очень нравились мужчинам-врачам.

Я вспоминаю, что сказала Кэтрин Лэтэм, когда мы впервые встретились: *«Она не уверена в себе, импульсивна, эмоционально хрупка и несдержанна, не может справиться с отказом и, хотя с большим трудом пытается это скрыть, все равно жаждет одобрения как наркоман, страстно желающий получить дозу. Что я могу сказать, Фрэнк? Она – актриса»*.

Я помню, что почувствовала, когда она сказала: «Горжусь». Она точно знала, как играть со мной. Я должна стать образцовой гражданкой, без каких-либо признаков театрального расстройства, воплощением здравомыслия. Глядя на список еще раз, я понимаю, что мне просто нужно перестать флиртовать с Эндрю Бэннером и убедить доктора, что я такая же прямолинейная зануда, как он сам. Тогда, возможно, он и отпустит меня.

56

– Делаешь успехи, – признает Бэннер на следующей консультации.

– Значит, меня освободят?

– Мне бы не хотелось так скоро менять лекарства, Клэр. Именно эта комбинация препаратов требует пристального наблюдения за вами. Я буду рекомендовать оставить вас с нами немного подольше.

Как бы я ни была разочарована, держу ухо востро. Я даже не знала, что у меня будет слушание по пересмотру срока нахождения в больнице.

– Что ж, как вам будет угодно, – кротко отвечаю я.

В тот вечер я вернулась к компьютеру и занялась изучением процесса о принудительных мерах медицинского характера. Получается, что спустя шестьдесят дней больница должна обратиться в суд – подтвердить свое разрешение держать меня здесь. Согласно одному из найденных мною веб-сайтов: *«Вы должны быть уведомлены, когда такое заявление подано, и вы имеете право возражать и быть представленными юридической службой психического здоровья или собственным адвокатом»*.

На мгновение у меня возникает видение – я стою перед судьей и произношу длинную драматическую речь, которая изменит все в моем деле. Я веду себя достойно и вежливо, но внутри горю решимостью. Как

Шарлотта Ремплинг в «Вердикте».

Я

Мы здесь сегодня, чтобы защищать не человека, Ваша честь, а принцип. Принцип естественной справедливости.

Затем я отбрасываю эту мысль. Эти фантазии доказывают, что мое состояние не особо и улучшилось.

Это как уловка–22[18]. Если я выгляжу лучше, то, должно быть, из-за сильных лекарств, поэтому я должна остаться здесь. Если я не выгляжу лучше, то мне нужно больше сильных лекарств, поэтому, опять же, я должна остаться здесь. Я хочу кричать от несправедливости всего этого.

Я смотрю на экран, отчаянно пытаясь придумать какой-нибудь выход. Должен быть *кто-то*, кто может за меня поручиться. Кто-то, кто сможет рассказать судье о невыносимом давлении, которое на меня оказывали. Кто сможет поклясться в том, что хотя у меня, возможно, и есть расстройство личности, которое диагностировал доктор Бэннер, но давайте посмотрим правде в глаза: у какого актера его нет? Однако не оно толкнуло меня на обочину, а все эти головоломки доктора Кэтрин Лэтэм.

И тут до меня доходит.

В этой истории остался еще кое-кто. Он не будет ждать от меня вестей, но мне нечего терять. Его адрес электронной почты все еще у меня в голове, как и все остальное. Или то, что я чувствую к нему, заставляет меня верить, что он пойдет на контакт?

К черту. *Не думай.*

Веб-почта здесь заблокирована, но я могу получить доступ к почтовому серверу центра с компьютера. Я думаю, большинство людей откроют письмо, пришедшее из психиатрической больницы. На всякий случай я ставлю «Срочно. Патрик. Прочитай. Это не спам!» в теме.

> Дорогой Патрик,
>
> пожалуйста, не удаляй это письмо. Во всяком случае, пока не прочтешь.
>
> Я застряла в психиатрическом центре где-то к северу от Нью-Йорка. Мой врач, парень по имени Бэннер, убежден, что я сумасшедшая, отчасти потому, что я совершила ошибку, рассказав ему о докторе Лэтэм и обо всем остальном, а отчасти потому, что я неправильно поступила в тот день, когда покинула твою квартиру.

Я могу представить, что они рассказали обо мне, таким образом заставив тебя присоединиться к плану Кэтрин. (Они придумали довольно ужасные вещи. Кстати, и о тебе тоже придумали кое-что ужасное, но это другая история.) Пожалуйста, поверь – все это неправда.

Почему я пишу именно тебе? Потому что я все еще убеждена – несмотря на всю ложь и притворство, между нами была связь. Настоящая связь. Доктор Бэннер сказал бы, что я так думаю лишь по причине своей неадекватности, со склонностью искажать, отвергать или неверно истолковывать реальность, но дело в том, что я актриса. Я знаю: есть вещи, которые невозможно подделать.

Скоро будет слушание, которое определит, как долго я могу здесь находиться. Единственные люди, которые могли бы подтвердить, что произошло на самом деле, – это Кэтрин Лэтэм и детектив Дурбан, но они исчезли. Патрик, если бы ты мог написать что-нибудь, да что угодно, лишь бы доказать – я не настолько безумна, как они думают, то это бы действительно помогло. Возможно, ты мой единственный шанс.

Твоя старая противница / любовница / родственная душа,

Клэр

У меня уходит много времени на написание письма. Я не делала ничего, требующего таких умственных усилий с тех пор, как приехала сюда. Я ставлю три поцелуя после своего имени, затем удаляю их. Я чувствую себя опустошенной. Когда пытаюсь прочитать письмо, слова извиваются и танцуют на экране.

Ну, либо это сработает, либо – нет. Я нажимаю «Отправить» и мгновенно начинаю беспокоиться, что буду выглядеть в его глазах чересчур нудной и печальной.

Когда я выхожу из системы, меня охватывает другой страх. Патрик не удалит письмо. Скорее всего, он отправит его обратно в больницу. Доктор, в свою очередь, будет использовать его на слушании. Это будет выглядеть как еще одно доказательство – я именно такая, как говорит Эндрю Бэннер.

Размышляя о том, что я только что написала, холодею. Не думаю, что смогу долго это выносить. Это равносильно тому, как если бы я написала, что могу навредить себе. Мои комментарии о Бэннере – доктор хочет, чтобы я осталась, – могут быть истолкованы как чистой воды паранойя. То, что я говорю о Патрике и нашей предполагаемой связи, – это классический

вариант развития событий в случае наличия у женщины театрального расстройства: *отношения, которых на самом деле нет*. Волна тошноты обрушивается на меня, когда я понимаю, что вместо того, чтобы помочь себе, я делаю только хуже.

57

Патрик не отвечает. Сейчас время между семестрами, и он может не проверить свой университетский адрес электронной почты.

Легче поверить в это, чем думать, что он просто посмотрел на письмо и нажал «Удалить».

Я возвращаюсь к компьютеру и изучаю, как необходимо защищать свои права на слушаниях о принудительном лечении. Ответ – никак, если у тебя нет денег. Судья обычно принимает сторону врачей психиатрической больницы. Единственный способ опровергнуть их показания – нанять частного психиатра, чтобы тот поставил еще один диагноз. Хотя, даже если бы я могла себе это позволить, поможет ли мне это? Мои мозги забиты лекарствами доктора Бэннера?

Я гуглю имя Эндрю Бэннера. Появляется страница персонала центра. Из нее я узнаю, что кандидат наук Эндрю Бэннер имеет «особый интерес к расстройствам личности кластера Б, включая пограничное, театральное и нарциссическое расстройства личности, по которым он имеет в соавторстве несколько работ».

«Ублюдок, – думаю я. – Так вот почему он так хочет оставить меня здесь. Он меня *изучает*».

Или во мне говорит паранойя?

Я снова ищу «Кэтрин Лэтэм, судебно-медицинского психолога». Не удивляюсь, когда ничего не появляется. Должно быть, она использовала вымышленное имя. Еще одна ложь.

Я задумываюсь на мгновение, затем ввожу URL для Necropolis.com. Среди многих вещей, которые до сих пор озадачивают меня, – почему она настаивала, чтобы я посетила именно этот сайт? Я могу только предположить, что лжедоктор Лэтэм каким-то образом наблюдала за моим взаимодействием с другими пользователями. Но зачем? Она надеялась, что я увлекусь и раскрою какую-нибудь важную информацию? Или есть какое-то другое значение названия сайта, и я его пропустила?

Некрополь. Город мертвых. Странное название для сайта БДСМ, если подумать.

Я набираю «Некрополь + Бодлер». Появляется фрагмент стихотворения.

Да! Пирамида – мозг, огромный склеп такой,
Что трупов больше скрыл, чем братская могила!

Конечно. Стихотворение, которое мы с Патриком прочитали вслух при нашей первой встрече. Кажется, это было целую вечность назад. Переключившись обратно на сайт «Некрополиса», я ввожу свое старое имя пользователя, выбираю «форумы» и набираю:

Кто-нибудь интересуется Бодлером?

Тишина оглушает. Вокруг меня идут разговоры о разных видах плетей, иллюстрированные фотографиями.

– Клэр?

Одна из ночных медсестер смотрит на меня с удивлением:

– Что ты здесь делаешь?

Я торопливо пытаюсь закрыть окно. Она все видела.

– Что это такое?

Она ворчит, забирает у меня мышь и строго смотрит на меня.

– Ты нарушаешь правила, Клэр. Это может быть опасно для твоего здоровья. Я должна сообщить о произошедшем доктору Бэннеру.

58

Я сижу в комнате с телевизором, читаю, вернее, пытаюсь читать. Здесь находится только Тупица, с которого уже пару недель назад сняли оковы. Он выглядит достаточно дружелюбным, и я предполагаю, что если Тупица на свободе, то он не опаснее других пациентов.

С тех пор, как меня поймали за компьютером, предназначенным для санитаров, мне увеличили дозы лекарств. Я пытаюсь выбраться отсюда. Это все, что я могу сделать, чтобы оставаться в сознании.

В комнате стоит коробка с потрепанными книгами, которые я перебираю в поисках того, с чем мой медлительный ум может справиться. В основном там лежат вестерны, рассказы о кунг-фу, пара больничных романов, к которым при других обстоятельствах я отнеслась бы с иронией.

Тупица поднимает голову.

– Привет, Клэр. Что это у вас?

Я без всякого энтузиазма смотрю на роман, вытащенный из кучи.

– «Интенсивная терапия», а у вас?

Он разглядывает свой комикс и кряхтит:

– «Судья Дредд».

– Поменяемся, когда закончим?

Тупица презрительно смотрит на меня.

– Я не читаю книжки без иллюстраций.

Я сажусь и смотрю на первую страницу. Слова извиваются, как личинки. Через некоторое время я откладываю книгу и начинаю смотреть телевизор. Пятьдесят восемь процентов зрителей считают, что женщина должна дать своему заблудшему мужу еще один шанс.

– Клэр, к вам посетитель.

Видимо, я задремала. Услышав голос санитара, я открываю затуманенные глаза. Сидящий рядом со мной Тупица бросил «Судью Дредда» и уставился в телевизор.

В дверях, глядя на меня с диким выражением, стоит Патрик.

59

Мы заходим в одну из комнат для посещений. Патрик все еще в шоке. Я понимаю, как я выгляжу: набрала лишний вес, из-за реакции на сильные лекарства кожа покрылась прыщами. Волосы сальные и чересчур тонкие.

– Господи, – говорит он. – Господи, Клэр, ты ужасно выглядишь.

– Ты знаешь, как обрадовать девушку…

Я думала, что буду очень рада видеть Патрика, но теперь, когда он здесь, я не уверена, что нахожусь в состоянии восторга. Я выдвигаю стул и спотыкаюсь. Вдобавок ко всему лекарства повлияли и на мою координацию.

– Мне очень жаль… Клэр, мне так жаль.

Думаю, он не имеет в виду свое замечание о моей внешности. Я хочу сказать ему, что все происходящее со мной – не его вина, но слова не идут.

– Если тебя это утешит, – добавляет он, – мне они тоже лгали. Доктор Лэтэм и детектив Дурбан. Теперь я все понимаю.

Я качаю головой.

– Нет, это меня не утешает.

– Может, и так, но я подаю в суд на полицию Нью-Йорка. То, что они

сделали, было крайне безответственно. Вот почему я здесь. По крайней мере, это одна из причин. Я также хочу добавить твое имя в иск.

Я не могу справиться со всем этим.

– Зачем?

– У тебя еще более веские доводы для судебного разбирательства, чем у меня. Если бы не их насильственные методы, ты не попыталась бы покончить жизнь самоубийством и никогда бы не оказалась здесь. Я только что говорил с врачом. Он идиот. Тебе нужна помощь, и я хочу проследить за тем, чтобы тебе ее оказали. Нью-йоркская полиция заплатит высокую цену за произошедшее. Мы начнем с обжалования твоего принудительного лечения.

– Патрик… Послушай… – Его идея кажется мне чем-то невозможным, неправильным и в то же время ужасно меня смешит. – Ты что, меня спасаешь?

– А если и так? – Он изучает меня.

Я опускаю голову, смущенная тем, как выгляжу. Затем Патрик резко произносит:

– Ты говорила о нашей связи в письме, но тогда ты пошла гораздо дальше. Помнишь?

Что-то мелькает, словно в тумане.

Я

Я влюбилась в тебя! Они просили меня не делать этого, но я была чертовски глупа. Патрик, неужели ты не понимаешь? Я люблю тебя.

Я прекрасно помню, как приятно было наконец-то произнести эти слова вслух. Никакие лекарства не могли стереть такое воспоминание. Я зажмуриваюсь.

– Да. Я помню.

– Все было на самом деле? Или они подсказали тебе эти слова?

– Не знаю, честно говоря. В то время думала, что все реально. Я и боль ощущала по-настоящему. Просто это ведь суть моей профессии, Патрик. Актеры постоянно влюбляются в своих партнеров. Их потому и называют «шоуменами». Мне кажется, я играю больше, чем основная масса людей.

– Я вижу.

Он окидывает взглядом унылую бежевую комнату.

– В любом случае, в первую очередь нужно вытащить тебя из этой адской дыры. Ты можешь оставаться со мной, пока не решишь, что конкретно сможешь делать. После этого станешь «свободным

художником».

Я пытаюсь возразить, но он перебивает меня.

– За тобой точно нужно присматривать. Кроме того, у меня имеются и скрытые мотивы так поступить. Наконец-то я написал пьесу. Я хотел бы прочитать ее тебе.

– Патрик… – говорю я беспомощно. – Я комиксы-то не могу читать.

– Тогда нам нужно поменять твои лекарства, – резюмирует Патрик. – Я поговорю с врачами и со своим адвокатом. Тебя должны выписать!

60

Через несколько недель я покидаю Гринридж. Патрик считает само собой разумеющимся, что я останусь с ним. У меня нет сил сопротивляться. Он выделяет мне свободную спальню, наполняет ванну сладко пахнущими парижскими маслами, кутает в огромные мягкие полотенца, готовит мне из органических продуктов с рынков Вестсайда и Читарелла. В его доме есть тренажерный зал, и я начинаю тренироваться, медленно теряя вес, который набрала в больнице. Я избегаю собственного отражения в зеркальных стенах. Они отражают тысячу толстых Клэр Райт.

Я не могу не вспомнить слова Кэтрин Лэтэм: *«Если он убийца, то его привлечет уязвимость, как акулу – запах крови»*.

«Кэтрин была не права», – размышляю я. Не говоря уже о лжи.

Каждый день к нам приходит частный психиатр, и Патрик тактично удаляется, чтобы оставить меня наедине с врачом. Во время первых сеансов доктор Феликс берет у меня образцы крови, чтобы проверить следы лекарств Бэннера, но в основном мы просто говорим о случившемся. Когда я описываю роль Кэтрин в этом деле, он бледнеет от гнева. Доктор считает, что все ухищрения Лэтэм почти наверняка были незаконными. В этом вопросе он опирается на свои знания судебной психологии. Нечто похожее однажды случилось в Великобритании: в качестве приманки использовали женщину-полицейского. У нее случился срыв. Судья отбросил добытые доказательства, а психологу предъявили обвинение в связи с профессиональным проступком.

– Вы еще легко отделались, Клэр. Под таким давлением любой профессионал испытал бы нешуточный стресс. Что уж говорить о неподготовленном гражданском лице.

Все чаще мы говорим о моем прошлом, о «демонах», от которых я попыталась убежать в Америку, однако они каким-то образом приехали с

моей ручной кладью. Доктор Феликс предлагает стратегии преодоления, области, где, возможно, мне удастся переписать мои мыслительные шаблоны, используя метод, называемый диалектической поведенческой терапией. У всех нас есть жизненные сценарии, объясняет мне психиатр, определенные нарративы. Мы конструируем их для себя в детстве, и именно они, оставаясь неисследованными, формируют дальнейший ход нашей жизни. Его подход заключается в раскрытии этих нарративов и более того – в их переписывании.

– Существует теория, – объясняет доктор Феликс, – что расстройства кластера Б могут вызывать несоответствия между эмоциями, которые чувствует ребенок, и теми ощущениями, которые испытывает его опекун. Если он, конечно, восприимчивый человек. Если приемные родители не обращают на вас внимания или даже отказывают вам в эмоциональных потребностях, то это вполне может привести к тем видам поведения, которые выделил доктор Бэннер.

Я думаю о предупреждении Пола: *«Для некоторых это довольно темные места, Клэр. Но ты все равно должна туда добраться»*.

В ночь перед тем, как я покинула больницу, ко мне пришел доктор Бэннер. Я думала, он рассердится, что я нашла способ выбраться из-под его опеки, но если так и было, то он умело скрывал свои чувства.

– Вы покидаете нас, Клэр. Я не слишком этому удивлен, – сказал он. – Большинство психиатров утверждают, что если человек функционирует нормально, то, значит, с ним все в порядке. Вы сейчас явно неплохо функционируете.

Я приготовилась к «но».

– Причина, по которой я думаю иначе, чем некоторые другие врачи, заключается в том, что я специально рассматривал именно эти расстройства. Я вижу то, чего не может разглядеть большинство практикующих специалистов: вы разыгрываете спектакль. Иначе говоря, притворяетесь тем, кем не являетесь.

Я наклонилась вперед и заговорила очень тихо. Бэннеру пришлось вытянуть шею, чтобы меня расслышать.

– Вы правы, – ответила я ему. – Я такая же сумасшедшая, как всегда. Однако тот парень с яблоней в животе – тоже.

* * *

Через неделю после переезда Патрик везет меня на пароме на Остров Свободы. Я не посещала туристические места с тех пор, как впервые приехала в Нью-Йорк, поэтому для меня все это в новинку.

Мы стоим под статуей Свободы, наблюдая, как огни Манхэттена танцуют на серебристо-черной воде.

– Клэр, – после длительного молчания произносит Патрик, – насколько девушка, в которую я влюбился, была настоящей?

– Кэтрин отличалась умом. Мне хватило сил правдиво создать подобие влюбленности.

Я пристально смотрю на него.

– Предупреждаю: настоящая Клэр может тебе не понравиться. Во-первых, я куда как более склонна к актерству, чем она. Кэтрин использовала выражение *жаждет одобрения*. Я в мгновение ока меняю свое мнение о вещах, к которым чувствую тягу. Мне нравится быть в центре внимания, и при случае я могу быть резкой. Я редко бываю кроткой. Я не из породы жертв. Я никогда, никогда не бываю покорной. Клэр, которую ты видел, была «разбавлена» ради мужского одобрения.

– Звучит очаровательно, – бормочет Патрик. Его взгляд прикован к фейерверку, сверкающему в небе над Баттери-парком. – Я готов рискнуть.

Я вздыхаю.

– Еще я доверчивая. Даже когда я была уверена, что ты не совершал преступление, Кэтрин убедила меня поверить в свою роль.

– Я не убивал Стеллу, Клэр.

– Я знаю. Думаю, я всегда это знала. – Я поворачиваюсь, чтобы изучить профиль Патрика. – И я ее не убивала.

Он кивает.

– Если хочешь, я даже могу пройти тест на детекторе лжи.

Патрик улыбается:

– В этом нет необходимости.

Мы оба молчим.

– Я знал, что ты этого не делала, еще во время нашего похода в театр, – добавляет он. – В антракте к нам подошел актер.

– Рауль, – говорю я. – Рауль – поющая крыса. Ты его тогда ударил.

– Я запаниковал, – говорит он с легкой улыбкой. – Я думал, он все испортит. Этот Рауль так подло себя вел… Я хорошо себя ощущал после того, как врезал этому нахалу. А потом, в такси, когда ты была расстроена… На следующий же день я сказал им, что уверен в твоей невиновности.

– Я тебя опередила. Я говорила им о *твоей* невиновности целую

вечность. Бедная Кэтрин. Удивительно, но она не отменила слежку.

Когда я говорю, что-то мелькает на краю моего сознания.

Да, почему она этого не сделала? Почему она преследовала свои цели, хотя понимала всю бесполезность происходящего? Возможно, из-за сайта?

– Я тоже сирота, – добавляю я. – Мне было невероятно сложно не сказать тебе об этом.

Патрик медленно кивает. Он все понимает.

– Думаю, я всегда догадывался. Я точно чувствовал, что мы с тобой похожи. Выделяемся из толпы.

Он тянется к моей руке.

– Я спросил тебя еще в больнице, Клэр, и ты не ответила. Я думаю, теперь тебе уже лучше, поэтому спрашиваю снова. Есть ли шанс начать все сначала? Или все-таки что было, то прошло?

Я смотрю на изящный железный узор Бруклинского моста. Вдруг на удивление все кажется возможным.

– Некоторые мосты могут охватить очень много воды, – говорю я.

61

Ночью мы занимаемся любовью – впервые с того времени, как я вышла из больницы. Или, как мы договорились об этом думать, вообще в первый раз. Мы во всех смыслах обнажены. Без покрова наших обманов.

Патрик целует мои шрамы – три тонких красных рубца на левом предплечье. Они со временем исчезнут, сказала медсестра в Гринридже. Надеюсь, что нет. Я их не стыжусь.

Затем он входит в меня с бесконечной нежностью, одной рукой обхватив мою голову, чтобы смотреть в глаза.

Мысль о таком пристальном наблюдении пугает меня, и я пытаюсь спрятаться от Патрика, отогнать проблему. Думаю о тех временах, когда я спала с незнакомцами, притворяясь другим человеком. Иногда симулируя удовольствие, иногда просто притворяясь, что притворяюсь, но всегда устраивая из секса целый спектакль.

Это то, чего я боялась: меня видят такой, какая я есть на самом деле.

Ощущение, что тебя выставляют напоказ, только усиливает тревогу. Когда наступает кульминация, она накатывает на меня, как волна, вспенивая и опрокидывая. Я теряюсь, мяукающие и воющие слова потерпевшего кораблекрушение исторгаются из моего горла. Ноги сводит судорогой. Спина выгибается. Все мышцы бесконтрольно дергаются.

– Так вот как ты выглядишь, когда занимаешься сексом по-настоящему, – шепчет он.

62

Прошло несколько дней, прежде чем я почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы взяться за пьесу Патрика. Даже сейчас получается с трудом, но поскольку это его пьеса, я упорствую и постепенно уже могу читать по две страницы зараз, потом по три и, наконец, целые сцены.

Действие пьесы «Мое обнаженное сердце» начинается летом тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года в захудалой квартире, которую Бодлер делит с любовницей Жанной Дюваль. Она жалуется на бедность. Бодлер всегда утверждал, что публикация «Цветов зла» принесет ему удачу. Вместо этого книгу изымают, а самого автора судят за непристойность. Если Бодлера признают виновным, он будет оштрафован или отправлен в тюрьму. Жанна дает поэту возможность выбора: либо она должна продать драгоценности, которые он купил Дюваль на аванс, либо она пойдет работать уличной проституткой, что ей уже не раз приходилось делать.

Бодлер мучается. Он знает, что нужно продавать драгоценности, но не может позволить любовнице сделать это, пока она не наденет их для него в последний раз. Жанна исчезает в их спальне и возвращается обнаженной, но с драгоценностями. В этот момент диалог переключается на строки:

Раздевшись донага и угадав мой сон,
Она оставила себе лишь украшений звон…[19]

Я смотрю чуть дальше и вижу, что вся пьеса следует такой структуре: сцены из жизни, перемежающиеся стихами Бодлера. Вызов и интрига для режиссера.

После того, как они занялись сексом, Жанна уезжает с намерением продать драгоценности, а Бодлера навещает его друг Флобер. Флобера самого недавно привлекали к ответственности за непристойность, за роман «Мадам Бовари», но оправдали. На этот раз власти намерены добиться успеха. Бодлер, предупреждает писатель, срочно нуждается в поиске влиятельных фигур, которые смогут подергать за нужные ниточки.

Бодлер приходит к такому же удручающему выводу. Есть только один человек, о котором он может думать в этом контексте: Аполлония Сабатье,

Белая Венера. Именно ей он анонимно присылал одни из самых грубых и жестоких стихотворений из «Цветов зла».

Следующая сцена происходит в доме Аполлонии. Это их первый разговор с момента публикации книги, то есть с тех пор, как она обнаружила, что неизвестный поклонник, который посылал ей эти странные, дикие стихи, оказался тем самым нищим автором, часто посещавшим ее салон. Сцена будто наэлектризована. Сабатье хочет знать, почему Бодлер отказывается от объяснений. Когда она спрашивает, действительно ли у поэта столь сильные чувства к ней, он отвечает: допрашивай стихи, а не меня.

– Да, – говорит женщина. И, учитывая все знания о Шарле Бодлере, она предпочитает думать, что жестокость его стихов – просто литературный прием для создания сенсационного эффекта, а не проблески действительно развращенного ума.

Однако ее реплики написаны таким образом, что, возможно, Аполлония просто пытается убедить себя.

Сцена заканчивается на словах Аполлонии о том, что она попытается помочь Бодлеру, но взамен после суда намерена попросить об одолжении, которое Бодлер должен будет выполнить в любом случае. Бодлер предполагает, что она заставит его пообещать никогда больше не встречаться с ней и не писать ей, но у поэта нет выбора. Он соглашается на условие Аполлонии Сабатье.

В этот момент я перестаю думать о том, что прочитала секунду назад. Сцена с Жанной Дюваль показалась мне хорошо написанной, но несколько упрощенной. Сцена с Аполлонией явно была чем-то другим. Ее персонаж словно слетает с бумажной страницы, сложный и истерзанный. Сабатье явно и привлекает, и отталкивает темнота, которую она чувствует в сердце поэта.

Точно так же, как и я была очарована тем, что чувствовала внутри Патрика. Так мне кажется.

* * *

Второй акт посвящен судебному процессу. В свою защиту Бодлер красноречиво говорит об искусстве, не имеющем отношения к морали. Когда прокурор спрашивает, как автор «Цветов зла» будет себя чувствовать, если кто-то вдохновится одним из его стихотворений и совершит

злодеяние, он колеблется. Бодлер утверждает, что стихи могут демонстрировать безнравственность, но они ее не чествуют. Прокурор зачитывает несколько отрывков, явно превозносящих безнравственность, и повторяет свой вопрос: *«Как бы вы себя чувствовали, если бы кто-то вдохновился одним из ваших стихотворений и совершил некое злодеяние?»* Бодлер настаивает, что у всех нас есть мерзкие мысли. Он всего лишь их озвучил. Впрочем, понятно, что идея вдохновить своими стихами других людей и приобрести таким образом последователей не может ему не льстить.

Суд длится меньше суток. Шесть стихотворений с наиболее рискованными текстами остаются подвергнутыми цензуре, а Бодлера штрафуют на огромную сумму в триста франков.

Он возвращается к Аполлонии. Слишком поздно Шарль Бодлер догадался, что, когда покровительница вступилась за него, то заставила запретить самые жестокие стихи – стихи о ней.

Белая Венера не отрицает обвинения. Она напоминает Бодлеру о его обещании.

– Хорошо, – говорит он с тяжелым сердцем. – Чего ты хочешь?

Аполлония Сабатье говорит, что хочет переспать с ним.

Она решила, что это единственный способ выяснить, каковы чувства Бодлера к ней на самом деле – дикость или нежность. Она хочет узнать настоящего Шарля Бодлера.

– На что ты рассчитываешь? – тихо спрашивает поэт.

Мы видим, что она окончательно запуталась. На каком-то уровне Аполлония надеется – Бодлер действительно дьявол, каким и предстает в стихах. Раньше ее любили сентиментальные, робкие мужчины. Ее никогда не обожали, одновременно поклоняясь и оскверняя предмет своей страсти.

Тем не менее она настаивает: Шарль Бодлер в глубине души хороший человек.

Они ложатся. В кульминационный момент сцена затемняется. На следующий день он посылает ей ныне знаменитое письмо с отказом.

63

Пьеса и правда хороша. Как истинный драматург, Патрик уравновесил аргументы «за» и «против». Пьеса не прославляет декаданс, а раскрывает его как некий нарциссизм, самосознание художника, любой ценой стремящегося к оригинальности.

В основном это история о мужчине и женщине, пытающихся угадать мотивы друг друга. Они пробуют разобраться, что на самом деле происходит в голове у другого.

Нетрудно понять, откуда Патрик почерпнул вдохновение. Это наша история: история полицейской операции, перенесенная в Париж девятнадцатого века.

Тем не менее это еще и незавершенная история. Спит ли Аполлония с Бодлером именно по указанным ею причинам? Или она влюбилась в него? Надеется ли женщина, что ее обнаженное тело каким-то образом привлечет яд его неистовой одержимости? Если так, то, возможно, это сработало. После той ночи он больше не писал ей садистских стихов. Шарль Бодлер даже порвал с *Черной Венерой* и уехал жить к своей овдовевшей матери в деревню. В финальной сцене спектакля он срывает цветок из ее сада и продевает в петлицу.

Что касается самого Бодлера, то пьеса не отвечает полностью на вопрос, впервые заданный поэту Аполлонией: «Ты действительно ощущаешь все эти вещи или просто пытаешься шокировать? Что бы я увидела, если бы смогла заглянуть в твое сердце?»

Все роли в пьесе хороши, но интереснее всего будет играть Аполлонию.

64

– Твоя пьеса, – говорю я Патрику, когда он возвращается. – Мне она понравилась. Она и провокационная, и многогранная, к тому же полна нюансов.

– Итак, ты готова? – спрашивает он с нетерпением.

– Готова – к чему?

– К роли Аполлонии, конечно же.

Я чувствую мгновенный упадок настроения.

– Патрик, нет, я не смогу, – задумчиво говорю я. – Разве Фрэнк и Кэтрин тебе не говорили? Мне нельзя здесь работать. Они заманили меня в ловушку.

– Разве ты не слышала о программе обмена? Ты сможешь поменяться – ты, британская актриса, будешь работать здесь, а какой-нибудь американский актер – в Великобритании.

– Да, но ведь она распространяется только на продюсеров.

– Я *и есть* продюсер.

– О чем ты говоришь?

– Я собираюсь выступить в этой роли. На Бродвее.

– На Бродвее?

– Бродвей, 29–60, если быть точным. Извини, что так далеко от Таймс-сквер, но это лучшее, что я мог получить.

Когда я все еще смотрю непонимающе, он добавляет:

– В университете есть театр. Я его арендую. Я себя не обманываю и не рассчитываю окупить все расходы, но какая разница? Речь идет о небольшой труппе, и критики все равно придут. Я решил вложить в это дело деньги Стеллы.

– Патрик… – слабо протестую я.

– Просто скажи, что согласна.

– Разве ты не понимаешь? – Я начинаю злиться. – Ты предлагаешь мне то, чего я хочу больше всего – большую роль в новом спектакле. Да еще с премьерой в одном из важнейших театральных городов мира. Но я не могу принять твое предложение. Помимо всего прочего, сейчас я не в форме.

– Мы найдем прекрасного режиссера, – как ни в чем не бывало говорит Патрик. – И хороших актеров. Мои карманы глубоки, Клэр. Но без тебя пьеса не состоится.

– Я не могу принять твое предложение.

– Нет никаких препятствий, – добавляет Патрик, словно я ничего не говорила. – Надеюсь, это само собой разумеется.

Я зажмуриваюсь. Я знаю, что должна сказать «нет». Впрочем, другая часть меня размышляет: «Почему бы и нет?» Я уже чувствую, как ко мне возвращается энергия. Набранный вес начинает уменьшаться, а кожа исцеляется. И несмотря на то что я только что сказала, я знаю – я способна сыграть эту роль.

Вдруг это и есть та возможность, ради которой я приехала в Америку? Я не ожидала, что она мне представится именно таким образом, но как уж получилось.

Есть еще кое-что. Если эта пьеса – наша история, то ее постановка может стать шансом переписать наши отношения. Для настоящей меня и настоящего Патрика. Как знать, вдруг она способна открыть наши сердца друг другу? Ко всему прочему, я буду на своем месте, в естественной среде – на сцене.

Я возвращаюсь к Джесс за своими вещами. Слышу, как она ахает, когда произношу свое имя по домофону, и к тому времени, когда добираюсь до квартиры, она уже в коридоре и смотрит на меня, широко открыв рот.

– Господи, Клэр, – восклицает Джесс. – Что, черт возьми, случилось?

– Все… запуталось.

– Прошло три месяца. Из университета связывались со мной, чтобы спросить, почему ты бросила занятия. Я ответила им – понятия не имею. Приходила твоя агентша.

– Марси?

Джесс кивает.

– Она беспокоилась о тебе. Сказала, что ты типа сошла с рельсов.

– Слишком сильно сказано, – бормочу я. – Тем не менее мне приятна ее забота. Можно войти?

– Наверное, – неловко отвечает она.

– Полагаю, я должна тебе большую часть арендной платы, – говорю я, следуя за ней внутрь. – Возможно, нам придется прийти к какому-то соглашению.

Я машинально бросаю взгляд на дверь своей комнаты. Мужская рубашка в упаковке из прачечной висит на ручке.

– Клэр, мне очень жаль, – жалобно произносит Джесс. – Мне пришлось сдавать жилье в аренду. Отец настоял.

– Конечно, я тебя понимаю, – говорю я, хотя надеялась, что она этого не сделает. – Где мои вещи?

– В кладовке. Я чуть не отдала их твоему брату.

– Моему брату? – пораженная, я смотрю на Джесс. – У меня нет брата.

– Твоему сводному брату Джону. Он приезжал сюда несколько дней назад со своей невестой и искал тебя. Джон получил адрес в университете. Он надеялся увидеть тебя, пока здесь. Они в городе всего на неделю.

– А, этот брат…

Нет смысла объяснять Джесс, что, когда ты находишься в приемной семье, «братья» – это просто люди, которые ненадолго входят в твою жизнь. Все же Джон был одним из лучших.

– Ну. И как тебе невеста?

– Она показалась мне милой. Очень практичной. Так или иначе, я взяла его номер. – Девушка колеблется, потом торопливо говорит: – Слушай, я рассказала ему о деньгах. Я не знала, что еще сделать. Я отдала отцу то, что ему причиталось, но я нашла и остальную сумму, когда убирала твою комнату. Я не была уверена…

– Ого, – говорю я. – Ты нашла мои деньги.

Она кивает.

– Если честно, я не знала, что и думать.

– Может, ты подумала, что я украла их у Стеллы Фоглер, – говорю я. Я знаю, что на самом деле она думает именно так. – Деньги, которые пропали, когда ее убили.

– Нет, – возражает она, подразумевая «да».

– Я работала как сумасшедшая, чтобы платить твоему отцу за аренду. Одиннадцать сотен долларов в месяц, если помнишь.

– Ты не могла работать. Вот что ты мне говорила.

– Я же объясняла: полиция запретила мне работать на Генри. Я сама нашла эти деньги.

– Я не понимаю. – Вдруг до Джесс начинает доходить. – Ой, – говорит она. – Господи, Клэр. Почему ты ничего не сказала? Мой отец все бы понял.

– О, да, – горько говорю я. – Твой отец все хорошо понимал. *Прекрасно* понимал.

– Что ты имеешь в виду? – тихо спрашивает она.

– Он заходил несколько раз, когда ты была на репетиции. Проверить блок предохранителей, починить раковину, которую мы якобы засорили своим девчачьим мусором, и так далее. Поэтому я решила воспользоваться случаем и поговорила с ним. Может быть, чтобы выиграть для себя чуть больше времени. Он оказался *очень* понимающим.

– Ух! – Джесс смотрит на меня. – *Ух*. Если это то, о чем я думаю, я не…

Я киваю.

– Специальная скидка на услуги. Оформляется в рассрочку, естественно. Я сказала «нет», чего бы мне это ни стоило. Потому что это было бы немного странно даже для меня – трахаться с отцом моей соседки. Может, поэтому он так хотел забрать мои вещи отсюда.

– О боже, Клэр! Я не догадывалась… – Она сильно побледнела.

– Это не твоя вина.

Джесс начинает плакать:

– Ты должна была хоть что-то мне сказать.

– Я боялась испортить твою семейную жизнь, хотя только что именно это и сделала. – Я вздыхаю. – Во всем виновата терапия. Иногда мне кажется, что она переоценена, но в больнице все ужасно этим увлечены.

Подруга идет к холодильнику и, дрожа, достает бутылку вина.

– Думаю, нам стоит прямо сейчас ее открыть.

После этого, конечно, Джесс хочет знать все, что произошло с тех пор, как однажды утром я покинула квартиру с Фрэнком Дурбаном и дорожной сумкой. Она недоверчиво слушает, когда я рассказываю о тайной операции, о моем срыве, о Гринридже. Когда же говорю, что теперь живу с Патриком и буду играть в его пьесе, она ошеломленно замолкает.

– Итак, – заключаю я. – Кажется, я крепко стою на ногах. В любви, в работе и все еще в старой доброй Америке. Три хороших показателя.

Джесс подает голос:

– Ты влюблена в мужчину, который, возможно, убил последнюю женщину, пытавшуюся его бросить.

– Это все бредни Кэтрин.

– Я смотрела пресс-конференцию, – напоминает она пронзительным голосом. – Мы обе видели. Этот человек был подозреваемым.

– Я знаю, что делаю.

– Это говорит женщина, чей единственный любовный опыт – с женатым донжуаном, да еще на съемках фильма. Женщина, которая только что выписалась из психиатрической больницы. Господи, Клэр. Ты была в большей безопасности, когда тусовалась и знакомилась со случайными незнакомцами в барах. – Она пристально глядит на меня. – Неужели тебе *нравится* спать с психопатами?

– Патрик не убивал Стеллу.

– Тогда кто ее убил? – требовательно спрашивает Джесс.

У меня, конечно, нет ответа на этот вопрос.

66

– Думаю, это здорово. Если правильно поставить эту пьесу, то результат может быть впечатляющим. Спектакль поднимает серьезный вопрос – какую ответственность мы, творцы, несем за эффект, который наша работа производит в реальном, а не выдуманном мире?

Патрик назначил встречу с Эйданом Китингом, популярным молодым режиссером, известным своей работой с рискованными сюжетами. В прошлом году он получил премию «Тони» за постановку Эжена Ионеско «Носорог». Я изо всех сил стараюсь его не боготворить.

– Однако с таким небольшим произведением правильный подбор актеров – наша основная задача, – добавляет Эйдан. Его глаза, глядящие из-под вьющихся светлых волос, метнулись в мою сторону.

Я знаю, о чем он думает. *Если я позволю писателю выбрать на роль*

свою девушку, пьеса будет рассматриваться как излишне тщеславный проект. Патрик спокойно говорит:

– Конечно. Вот почему я сразу подумал о Клэр в роли Аполлонии. Эта девушка – выпускница актерской студии.

– Я прохожу курс актерского мастерства, – бормочу я. – Я его еще не закончила.

– Я знаю, – перебивает меня Эйдан. – Не сочтите за неуважение, Клэр, но, чтобы пьеса имела коммерческий успех, нам нужны актеры, чьи имена говорят сами за себя. В настоящее время есть тенденция – когда звезды кино и телевидения берут тайм-аут, чтобы заняться театром. Это может привлечь внимание публики.

– Конечно. Я понимаю. – Я стараюсь не показывать своего разочарования. – Для пьесы так будет лучше!

– Клэр в роли Аполлонии – это не обсуждается, – холодно произносит Патрик. – Я думаю, что ясно выразился. Относительно остальной части актерского состава и бюджета для приглашения известных артистов – тут у вас полная свобода. Если же не можете принять мои предварительные условия, то вы не подходите для этой работы.

На мгновение мужчины встречаются взглядами. Хотя ни один из них не двигается, оба выглядят угрожающе, словно произошла какая-то тонкая подсознательная настройка языка их тел и дыхания.

– А как насчет сценария? – с вызовом спрашивает Эйдан. – У меня есть некоторые замечания, особенно ко второму акту. Я ненавижу голливудские финалы. Некоторые диалоги явно натянуты. В частности, речь Жанны изобилует клише каждый раз, когда она раздевается. Ни одна уважающая себя актриса даже не прикоснется к этой роли в ее нынешнем виде.

– В качестве автора пьесы я приму любые ваши исправления, – говорит Патрик.

– Я бы хотел, чтобы в мой контракт был включен пункт о гарантированной занятости. Я не могу позволить вам уволить меня, поскольку мы расходимся во мнениях о художественной составляющей пьесы.

– Это не стандартное требование.

– Да, так и есть. Вы даете мне полный контроль над спектаклем, в том числе сценарий, с которым я могу работать, и достойный бюджет. Тогда я прослушаю Клэр. Вот и все, что я могу обещать.

– Сначала прослушайте ее, – коротко говорит Патрик. – Если вам понравится то, что вы увидите – считайте, что мы договорились.

67

На самом деле я не хочу видеть ни брата, ни его невесту, но, когда бутылка была прикончена уже наполовину, Джесс начала ворчать на меня из-за него. Поскольку я раскрыла ей глаза на отца, мне не хотелось выглядеть так, будто мне плевать на собственную семью, хотя на самом деле так и есть. Поэтому-то я пообещала, что свяжусь с братом и его невестой.

К тому же я чувствовала себя немного виноватой из-за всей этой истории с ее отцом. Дело в том, что это можно было в равной степени считать и моей, и его виной. То есть мне пришло в голову, что приставания ее отца и мои отказы могли сыграть полезную роль в наших предстоящих переговорах по арендной плате. Конечно, я не собиралась говорить об этом Джесс. Просто я разозлилась, когда услышала, как он настоял, чтобы дочь вышвырнула мои вещи. Тогда эти слова вспыхнули у меня в голове, а в следующее мгновение слетели с губ.

Я, похоже, стала импульсивней и злей со времен Гринриджа. *Изменчивая* и даже *манипулятивная*, если процитировать список симптомов доктора Бэннера. Или, может, это связано с тем, что у Джесс, по крайней мере, есть отец. Человек, который купил ей квартиру. Он позаботится о ее безопасности и в случае чего поднимет шум.

Как бы то ни было, Джесс заставила меня написать Джону, и теперь я жду их с невестой в стейк-хаусе недалеко от Таймс-сквер. Со мной Патрик. Я не просила его приезжать, но он сказал, что хочет познакомиться с моей небольшой семьей. Я была не против. Пусть Джон увидит, что он не единственный, кто преуспел в любви.

– Клэр!

Они здесь. Я вскакиваю и чересчур восторженно обнимаю Джона. Я пожимаю руку его невесте, которую он представляет как «наша Алиса».

Я знакомлю их с Патриком. Он поздравляет их с помолвкой. Джон с гордостью сжимает плечо Алисы. Она хорошо выглядит, решаю я. Я понимаю, почему Джесс назвала ее «практичной». Она одета как для похода за город – удобные ботинки для ходьбы, джинсы, куртка с капюшоном, сумка на поясе, в то время как Джон нес рюкзак и был в шортах, несмотря на то что уже почти конец сентября. Помню, он всегда носил шорты, даже когда шел снег. Я жалею о потраченном на сборы времени: мне хотелось произвести впечатление. Патрик предложил мне взять любую одежду Стеллы, какую захочу, пока я не смогу забрать свои

вещи, но она вся чересчур крутая для меня.

– Рад тебя видеть, – произносит Джон, садясь. – Он не утратил йоркширского акцента, хотя и рассказывает, что последние три года работает в Лондоне. – Ты говоришь, как американка, – добавляет он. – На шикарном английском.

– Здешние таксисты в основном думают, что я австралийка.

– *Такси*. Ты истинная американка. Шикарная. Дома мы говорим «автобус».

Джон ухмыляется собственной шутке.

Патрик пытается вовлечь Алису в разговор, но не получает ответа ни на один свой вопрос. Сначала я думаю, что она просто скромничает, но потом замечаю, как она смотрит на Джона, и понимаю, что девушка сдерживается, ждет, пока тот заговорит.

В итоге Джон продолжает разговор:

– Это Алиса сказала, что я должен попытаться разыскать тебя, Клэр. Она хорошо сдружилась с Россом и Джули с момента нашей помолвки. Теперь она – часть семьи.

Я пытаюсь вспомнить Росса. Точно. Джули, наша приемная мать, снова вышла замуж.

– Все остальные приемные дети Джули состоят в вотсап-группе. Ну, есть некоторые пропавшие, как, например, ты, но восемь детей поддерживают связь между собой. В том числе, конечно, и ее родные дети. Через пару месяцев ей исполнится шестьдесят, так что мы организуем нечто вроде «встречи выпускников». Она удивительная женщина, и мы хотим сделать для нее нечто особенное. Будет и пресса. Может, ты тоже приедешь?

Я пристально смотрю на него. Даже если бы я могла вернуться, то есть если бы я могла позволить себе полеты, могла быть уверена, что мне разрешат приехать в Соединенные Штаты вновь, идея, что я добровольно отправлюсь проводить время с этой женщиной и другими моими приемными братьями и сестрами, честно говоря, выглядит безумной.

Джон видит выражение моего лица и ничего не понимает.

– Она не держит на тебя зла, Клэр.

– *Она* не держит на *меня* зла? – недоверчиво повторяю я. – После всего, что *ее* муж сделал со мной?

Джон смотрит на Патрика, неуверенный, стоит ли еще что-то говорить, но он всегда отличался прямотой, даже в подростковом возрасте.

– Я имел в виду, что она не питает к тебе злобы за то, что ты солгала, – тихо говорит Джон. – Джули говорит, что детям из приютов свойственно

разыгрывать спектакли. Особенно если до этого их воспитывали в плохих местах. Она винит социальные службы в том, что они поверили приемному ребенку, а не ее мужу.

– Значит, ты тоже думаешь, что я лгала, – с горечью говорю я. – Как и всегда.

Патрик, находящийся рядом со мной, замирает. Уловив это как предупреждающий знак, я кладу руку ему на плечо. *Я справлюсь.*

– Когда ты жаловалась на Гэри, – без обиняков говорит Джон, – то выдумывала кучу вещей, которых на самом деле не было. Ты прекрасно это знаешь, Клэр. Просто ты очень хотела попасть в ту школу.

Я свирепо смотрю на брата.

– Ты правда не помнишь, как это было? Каждое лето нас отправляли в другую приемную семью, чтобы Джули и Гэри могли поехать в отпуск со своими детьми «как семья». А как они говорили не оставлять вещи в гостиной, если мы забывали их, когда уходили.

– Ну да, у них были какие-то требования, – возражает Джон, – но, по крайней мере, они приняли нас.

– Конечно, – произношу я с горечью. – С не высказанной вслух угрозой – если не будешь вести себя хорошо, тебя снова вышвырнут. Ты просто привык к этому чувству, пока оно не стало частью тебя. Какими бы приветливыми ни казались люди, рано или поздно они исчезнут или скажут, чтобы мы жили самостоятельно. Внутри ты всегда ждал, когда включатся невидимые сирены и начнется формальная процедура расставания.

Джон вздыхает.

– Так ты не придешь на вечеринку Джули, Клэр?

– И силком меня туда не затащат, – резко отвечаю я.

– Ого, – произносит он, качая головой. – Ты изменилась. Ты всегда была немного не в себе, но отличалась порядочностью. Что же случилось, Клэр?

Я вызывающе беру Патрика под руку.

– Да, я изменилась. У меня новая жизнь. Сейчас все хорошо. Насколько мне известно, такого у меня никогда еще не было.

– Мне жаль, что тебе пришлось стать свидетелем этой склоки, – говорю я, когда мы уходим.

– Спасибо, что разрешила быть там, – отвечает Патрик.

Я внимательно смотрю на него. Он шутит? Нет, Патрик говорит серьезно.

– У нас, очевидно, был очень разный опыт, когда мы росли, – добавляет он. – Однако есть и кое-что общее: как бы нам ни было тяжело, по крайней мере, мы можем выбирать. Мы можем выбирать, с кем и где жить, выбирать наши корни. Мы можем быть кем захотим.

– Да, – киваю я. – Это одна из причин, что привели меня в Нью-Йорк. В этом городе все откуда-то родом, не так ли? Здесь люди заново изобретают сами себя. И, конечно, я решила больше не быть частью этой семьи.

Патрик сжимает мою руку. Он ничего не говорит, но я знаю, о чем он думает.

У тебя теперь есть я.

68

Эйдан прослушивает меня в небольшой кастинг-студии в Челси. Он сидит с каменным лицом за столом с директором по кастингу, я ее не знаю. Эйдан представляет женщину как Мо. Разговора как такового нет, только вежливое «Что вы сыграете для нас сегодня, Клэр?» и «Когда будете готовы?»

Игнорируя нервную тошноту, я дышу, сосредотачиваюсь и начинаю. Я подготовила монолог Дженни из пьесы Лесли Хэдленд «Помощь». Это громкий и бурный эпизод, в котором есть все: пьянство, танцы, пафос, комедия, поэтому я думаю, что он хорошо продемонстрирует мои таланты.

Когда я заканчиваю, повисает долгое молчание, прежде чем Эйдан произносит:

– Спасибо.

Я борюсь с желанием наброситься на него. *Что ты думаешь? Что же ты* на самом деле *думаешь? Сделать то же самое снова? Быстрее? Медленнее? Грустнее? Смешнее? Что же ты ищешь? Я тебе нравлюсь?*

Я вспоминаю слова Кэтрин Лэтэм: «*Хотя она с большим трудом пытается это скрыть, все равно жаждет одобрения как наркоман, страстно желающий получить дозу*».

С замиранием сердца понимаю, что моя неуверенность привела меня к выступлению, которое просто-таки кричало: «Посмотрите на меня!»

То, что я сейчас делала, не было игрой. Это – показуха.

– Я бы хотела показать еще что-нибудь, пожалуйста, – говорю я спокойно.

Эйдан бросает взгляд на Мо, та пожимает плечами, словно говоря:

«Мы можем посмотреть. Мы пока что здесь».

– Хорошо, – произносит Эйдан с громким вздохом. – Что ты хочешь показать, Клэр?

Я роюсь в памяти в поисках чего-то, что может иметь отношение к *его* пьесе, к той роли, которую я пытаюсь получить. Вдруг мне помогает интуиция.

Ты хорошо читаешь…

Вместо монолога я берусь за стихотворение. Стихотворение, которое я прочитала вместе с Патриком, когда мы впервые встретились. Низким голосом, с соблюдением ритма я читаю:

Я

Душа, тобою жизнь столетий прожита…

Во время чтения я вижу, как Мо поворачивается и смотрит на Эйдана. Его лицо ничего не выражает. Однако ободренная ее жестом, доверяя своим инстинктам, я произношу последние несколько строк так тихо и спокойно, что они едва слышны.

Я

Живое существо! Становишься отныне
Ты, окруженное пугающей пустыней,
Гранитом, что в песках Сахары тусклой спит.
Ты – древний сфинкс, и ты на карте позабыт,
Не знаем миром ты! Твой нрав суров: всегда ты
Не иначе поешь, как при лучах заката!

Я заканчиваю. Эйдан хмурится. Он говорит, что ему многое не понравилось, особенно в первой части, но он готов работать со мной. Эйдан встает, быстро и профессионально пожимает мне руку.

Я вижу выражение его глаз.

Он злится.

Я понимаю, Эйдан надеялся, что я выступлю ужасно. Это дало бы ему возможность поступить, как он хотел. Вместо этого Эйдан вынужден теперь работать с актрисой, которую не сам выбирал.

– Итак, – говорит Марси, потянувшись за электронной сигаретой. – Нью-Йорк больше ни о чем другом не говорит. Ну, во всяком случае, та небольшая самовлюбленная группа интересующихся экспериментальным театром.

– Очень интересно, – скромно отвечаю я.

– Чистейший эгоизм. – Марси выпускает колечко дыма над моей головой. – Однако участие этого режиссера все меняет. Если уж Эйдан Китинг что-то в вас разглядит, то и все остальные мгновенно прыгнут на подножку. Есть ли в этом спектакле откровенные сцены?

– Да, есть.

– Хорошо. Театральные критики будут говорить об этом спектакле, и толпа провинциалов придет на него. Карьеру часто начинают и с меньших высот. – Женщина тычет концом сигареты в мою сторону. – Не облажайтесь, Клэр. Второй шанс в этом бизнесе выпадает раз в жизни, а вот третий – никогда.

– Я постараюсь, но даже если спектакль пройдет успешно, у меня все равно будет проблема с грин-картой?

Она задумывается.

– В целом – да. Мы можем создать для вас прецедент, чтобы прямо сейчас войти в программу обмена, но большинство продюсеров не будут хлопотать за тех, у кого нет имени, значимого для индустрии.

Марси изучает меня.

– Насколько у вас все серьезно с этим Патриком?

– Достаточно серьезно.

– Как скоро прозвучит свадебный колокол?

Я удивленно моргаю, и она с нетерпением заканчивает:

– Да, очень хорошо, но не говорите мне, что никогда не думали о такой перспективе. Богатый гражданин США пишет пьесу, только чтобы увидеть любимую актрису в главной роли. Выходите за него замуж, и вы получите и грин-карту, и все, что только захотите.

– Его последний брак сложился не слишком счастливо.

– *Это* противоречие, полагаю, также не повредит пьесе.

– Какое такое противоречие?

– Говорят, один из вас, вероятно, убил его жену. Я отвечаю, что это глупо, ведь ваше деструктивное поведение, как правило, направлено исключительно на себя.

– Спасибо, – сухо говорю я.

Марси отмахивается от моих слов электронной сигаретой.

– Общий вывод: вы совершили преступление вдвоем.

– Это же бред.

– Если столь пикантное обстоятельство заставляет публику приходить на спектакль, то кого это волнует?

Женщина задумчиво смотрит на меня.

– Вы не слышали, кого они рассматривают на остальные роли?

Я качаю головой.

– Патрик не знает. Эйдан получил полный контроль над всей пьесой.

– Режиссер хочет видеть Няшу Нири в роли Жанны Дюваль.

Я киваю, весьма впечатленная. Наполовину зимбабвийка, наполовину ирландка, Няша в прошлом году была номинирована на множество наград за роль в жестоком биографическом телевизионном фильме о рабах. У нее огромные глаза, способные мгновенно сменить выражение с нежности на испепеляющее презрение, и такие острые скулы, что актриса похожа на бюст Нефертити. Она одна из самых красивых женщин на планете.

– А в роли Бодлера?

– Ведутся переговоры с Лоренсом Пизано.

Я молча смотрю на нее.

Лоренс. Актер, в которого я влюбилась на первой съемке. Человек, за которого я хотела умереть.

И тут я понимаю, что Эйдан наверняка слышал истории обо мне и Лоренсе. Черт, Марси, наверное, сама ему сказала. Эйдан не мог отказаться от меня, не потеряв денег Патрика, но пригласив на кастинг Лоренса, он надеется заставить меня уйти. Тогда режиссер сможет пожать плечами и сказать: «*Ну, это был ее выбор*».

– Кого же они рассматривают как запасную актрису на роль Аполлонии? Когда меня выпрут?

Марси пожимает плечами.

– У него будет выбор. В том случае, если вы уйдете.

– Я не собираюсь уходить.

Глаза Марси блестят.

– Именно это я им и сказала, Клэр.

70

Среди всего этого были еще я и Патрик. Каждый день мы

возвращались в тихую квартиру с видом на собор. Совместная работа над пьесой стала для нас наилучшим способом узнать друг друга.

– Теперь, когда ты прожил с ней некоторое время, как бы ты описал настоящую Клэр? – спрашиваю я у Патрика однажды вечером, когда он готовит нам ужин. Патрика невероятно увлекает кулинария. Мы с Джесс думали, что следуем рецепту, когда у нас было больше половины ингредиентов в каком-то случайном списке, который мы нашли в интернете, но Патрик смотрит свысока даже на Джулию Чайлд[20] и Элизабет Дэвид[21]. Сегодня он открыто обсуждает, с каким из двух древних французских томов проконсультироваться – с Эскофье или с Каремом. У него есть коллекция ножей, к которым никому не позволено прикасаться. Они выкованы из острой как бритва дамасской стали, словно крошечные самурайские мечи. Сейчас Патрик рубит в крошку чеснок, словно расщепляет атом.

Я должна признать, что этот сильный мужчина выглядит сексуально в фартуке. Он на мгновение задумывается.

– Подвижная, – решает Патрик. – Хаотичная. Шумная. И бесконечно обаятельная. Иногда я думаю, что могу справиться с тобой, но потом понимаю – нет!

– Это может быть потому, что со мной вообще невозможно справиться. Или, – признаюсь, – потому что я все еще пытаюсь произвести на тебя впечатление. Я не могу не волноваться. Вдруг, когда ты узнаешь меня получше, разочаруешься?

– Я очень в этом сомневаюсь.

– Я не всегда милая, Патрик. Или добрая. Ты сам это видел, с Джоном и Алисой.

– Только слабаки могут быть все время хорошими.

Он протягивает мне ложку, чтобы я попробовала соус.

– Еще перца?

– Но ты-то хороший, – говорю я.

Я глотаю соус и одобрительно киваю. Патрик качает головой, улыбаясь.

– Только с тобой.

За едой мы обсуждаем правки, которые просил внести Эйдан. Некоторые из них отклоняются от фактов биографии Бодлера, и Патрик сопротивляется этому. Во всех других отношениях он верен своему обещанию отдать Эйдану полный контроль над пьесой. Например, в

последней версии, когда Жанна обнаруживает, что Бодлер посетил Аполлонию, она впадает в ревнивую ярость. Разгневавшись, она говорит ему, что намерена посетить знаменитую обнаженную статую Аполлонии, чтобы плюнуть в нее, но, когда Жанна добирается до места назначения, она оказывается загипнотизированной красотой женщины. Статуя оживает, и две женщины занимаются любовью. Только позже мы обнаруживаем, что сцена происходит в голове Бодлера. Это переосмысление одного из его стихотворений о лесбийской любви.

– Ты не против? – Патрик хочет знать.

Я пожимаю плечами.

– Как и ты, я целиком и полностью полагаюсь на Эйдана. А ты? Тебе будет тяжело видеть меня на сцене в такой роли?

Он качает головой.

– Я не столь ревнив, Клэр. Я буду гордиться тобой.

Зная, что буду разыгрывать эти сцены с женщиной намного красивее меня, я сократила потребление французской еды и удвоила время своих занятий на тренажерах. Когда все вокруг становится угнетающим, я начинаю бегать по местным паркам: Морнингсайд, с травой, усеянной группами студентов, и Риверсайд, с его захватывающим видом на Гудзон. Давнее чувство: «Ого, похоже на фильм» теперь сменяется удивленным признанием: «*Ого, это все по-настоящему*».

«*Свадебный колокол? Не говорите мне, что никогда не думали о такой перспективе*», – цинично заметила Марси. Да, конечно, я думала об этом. А кто – нет? Впрочем, я стараюсь принимать каждый день таким, какой он есть, давая таким образом нашим отношениям свободно дышать.

Доктор Феликс навещает меня всего раз в неделю. Постепенно наши терапевтические сеансы стали меньше касаться прошлого и больше – моих отношений с Патриком.

– Я всегда бросала мужчин, – рассказываю я ему. – Или заставляла их уйти. Эти отношения для меня самые длительные.

– Вы ждете, что кто-то придет и скажет, что время пришло? Для… – Доктор Феликс сверяется с записями. – Для того, чтобы завыли невидимые сирены и началась формальная процедура расставания?

Я рассказала ему о встрече с Джоном и Алисой. Доктор Феликс делал тогда так много записей, что едва поспевал следить за ходом терапевтического сеанса.

Я вздрагиваю от того, насколько мелодраматично прозвучали его слова.

– Конечно, нет. Ну, может, немного. Наверное, я все еще чувствую себя

самозванкой. Словно до сих пор играю роль.

– Некоторые могут счесть ваши слова ироническими, – бормочет врач.

– Забавно, когда я играю, то *не* чувствую этого. Но здесь, в квартире покойной Стеллы, надевая какие-то из ее вещей…

– Да, расскажите-ка поподробнее. Остаться в квартире, где они жили со Стеллой, было предложением Патрика или вашим?

– Его, но ведь речь идет о чисто практической стороне вопроса. Моя одежда все еще на хранении, и у нас не было времени вывезти ее оттуда из-за возни с пьесой и всего остального.

Он делает еще одну пометку.

– Наверное, мне интересно, действительно ли это любовь, – добавляю я. – Или я все еще слишком углубляюсь в роль, как обвиняла меня Кэтрин Лэтэм.

– Это и неудивительно, учитывая, что в течение многих лет вы были фактически вынуждены жить одновременно как в составе семьи, так и отдельно от нее. Может, именно поэтому вас и привлекла актерская профессия.

– То есть я всегда буду так себя чувствовать?

– Не думаю, что кто-то сможет ответить наверняка. Возможно, влюбленность для вас – нечто новое и удивительное. Просто попробуйте насладиться этим процессом.

И все же, если честно, между мной и Патриком чего-то не хватает.

– Мне нужно кое в чем признаться, – говорю я ему однажды вечером.

Я думаю, когда-то эти слова заставили бы наши сердца биться чаще. Не говоря уже о нашей потенциальной публике – невидимых наблюдателях и слушателях, склонившихся над своими устройствами.

– А? – Патрик только приподнимает бровь.

– Мне не хватает наших игр, – говорю я. – Было настоящим кайфом не знать, убийца ты или нет.

Его губы дергаются.

– Хочешь, убью кого-нибудь для тебя?

– Скорее, нет. Возможно, я напоминаю Аполлонию из твоей пьесы – не хочу верить, что стихи отражают тебя настоящего. В то же время часть меня надеется, что как раз отражают. Я знаю, это безумие. Ты не больший злодей, чем Бодлер.

Патрик наклоняется и целует меня в макушку.

– Ты пока плохо меня знаешь, Клэр, – беспечно говорит он. – Ты не знаешь всего, что у меня на уме. Поймешь чуть позже.

Наконец мы добираемся до первого дня репетиций. Читаем за столом.

Конечно, я в ужасе. Боялась, что снова увижу Лоренса, что Няша покажет мне, кто здесь главный, что дизайнер и другие руководители отделов будут знать: я получила роль только благодаря Патрику.

Патрика моя нервозность, кажется, лишь забавляет. Он никогда не видел меня в таком состоянии. Он поддразнивает меня, но в этом нет необходимости. Я просто должна помнить, насколько хороша.

Мы первыми добираемся до репетиционного зала. Затем Эйдан приветствует меня объятием, которое кажется почти искренним, но я ему инстинктивно не доверяю. Четыре актера с меньшими ролями, три из которых также будут дублерами, прибывают вместе. Лоренс приезжает за десять минут до старта, болтает и шутит, изображая своего в доску парня. Его красивое мальчишеское лицо почти не изменилось, но я с облегчением обнаружила, что уже ничего, совершенно ничего к нему не чувствую.

– Лоренс, вы знакомы с Клэр? – наконец спрашивает Эйдан.

Лоренс смотрит в мою сторону.

– Да, мы познакомились на съемках *«Смятения»*.

Он подходит и небрежно целует меня в обе щеки.

– Как поживаете, Клэр? Я рад снова работать с вами.

Улыбка, которая когда-то растопила мое сердце, вспыхивает и гаснет. Все. Никакого подтверждения, что когда-то мы были любовниками. Никаких извинений, никаких упоминаний о том, что я в свое время сделала. Простого слова сочувствия или сожаления было бы достаточно, но, похоже, даже этого от Лоренса я не услышу.

Не рассчитывай на место, дорогая.

Няша приезжает вовремя. Она одета, как для тренировки в спортзале: серый спортивный костюм с малиновой футболкой, виднеющейся из-под молнии; черная бейсболка натянута на безупречные косички. Все это притупляет ее красоту, но ничто не может исказить совершенства скул Няши или сверкающих глаз. Она меньше ростом, чем кажется по телевидению. Женщина почти застенчиво и с серьезным выражением лица вежливо пожимает мне руку.

Эйдан хлопает в ладоши, и разговоры немедленно стихают. Он начинает, приветствуя нас как семью и сообщество. Эйдан говорит о благородном старом слове «труппа», которое как нельзя лучше описывает странствующую группу актеров, полагающихся друг на друга, чтобы

выжить. Он вкратце рассказывает о постановке: как она должна обладать грубой силой поэтического слова Бодлера, как должна бросать вызов и провоцировать современную аудиторию, точно так же, как «Цветы зла» бросили вызов столетию, погруженному в сентиментальность эпохи романтизма. Наконец, Эйдан говорит о читке.

– Сегодня не представление и уж точно не прослушивание. Сосредоточьтесь на ясности, на раскрытии значения слов в ваших репликах. У нас будет достаточно времени для актерской игры. Мы впервые вместе смотрим на проект. Здесь никому не нужно производить впечатление на других.

Мы все киваем. Интересно, было ли последнее замечание адресовано мне? Няша снимает бейсболку.

Мой выход на сцену состоится не скоро, поэтому я сначала просто слушаю. Быстро становится понятно, что в отличие от Няши, которая услышала слова Эйдана и просто громко читает вслух, Лоренс прибыл с несколькими собственными идеями. Особенно заметен французский акцент, с каким он читает Бодлера. Патрик поднимает голову на первой же строчке, но Эйдан молчит, пока Лоренс не прочитает несколько страниц.

– Здорово, Лоренс, – наконец, замечает режиссер. – Теперь давайте-ка прочитаем без конкретного акцента.

– Хорошо, – отвечает актер. – Отлично. – Он возобновляет чтение с точно таким же акцентом.

Эйдан снова останавливает Лоренса.

– Давайте пока отставим акцент.

Знаменитость хмурится. Я понимаю, что он уже настроился на определенную волну и теперь не сможет так просто себя переключить. Когда мы продолжаем, Лоренсу удается избавиться от большей части французских интонаций, но, к сожалению, одна из них периодически возвращается. Читая, мужчина нетерпеливым движением убирает волосы с лица. Когда-то этот жест казался мне невероятно милым, но теперь я просто удивляюсь, почему Лоренс не может подстричься.

Няша сидит тихо, почти не двигается, но у нее красивый голос. Она практически ничего не делает, но я могла бы слушать ее часами.

Когда дело доходит до моей роли, я стараюсь следовать примеру этой известной актрисы: пусть слова говорят сами за себя. Но уже в первой сцене с моим участием – там, где Бодлер признается, что он автор жестоких анонимных стихотворений, которые я получаю в течение последних пяти лет, – я позволяю презрению, которое испытываю к актеру Лоренсу, просочиться в диалог Аполлонии с Бодлером. Я вижу, как Эйдан задумчиво

отрывается от сценария, однако молчит.

В конце концов мы доходим до финала пьесы и аплодируем друг другу. Эйдан говорит, что мы все потрясающе играем, но на самом деле, я думаю, дело в очень качественной основе – в самой пьесе.

Я понимаю: эта удивительная постановка может стать моим прорывом, и не могу поверить своей удаче. Мы все встаем и потягиваемся. Лоренс направляется прямиком к Эйдану, и я слышу, как он спрашивает, могут ли они обсудить некоторые новые идеи, возникшие у него. Эйдан что-то ему отвечает вежливо, но уклончиво.

Няша подходит ко мне и хвалит за чтение.

– Будет очень весело, – произносит она своим осторожным и серьезным голосом.

Она сняла спортивный костюм, и теперь ее руки, торчащие из футболки, похожи на тонкие черные кабели, сплетенные из жестких мышц. Вблизи я заворожена ее поистине неземной красотой.

Няша кладет руку на мое запястье.

– Я слышала, вы с Патриком встречаетесь, – тихо говорит она. – Он, кажется, человек выдающийся. – Няша переводит взгляд с Патрика на Лоренса – тот все еще увлеченно беседует с Эйданом – и больше ничего не говорит, но и этого достаточно. Теперь мы союзницы, а возможно, и подруги.

72

На следующий день я бегаю трусцой по Морнингсайд-парку, думаю об утренней репетиции, и вдруг у меня появляется знакомое чувство. Именно его испытывает каждый актер, когда он на сцене: ощущение, что за ним наблюдают.

Странно, поскольку именно здесь на меня в любое время может быть направлена дюжина глаз, и я обычно так себя не ощущаю, но я качаю головой и продолжаю бежать.

Когда я делаю еще один круг, то снова чувствую то же самое, в той же части парка. Невольно волосы на затылке встают дыбом. Я останавливаюсь и смотрю вверх.

Высоко надо мной, на ступенях, ведущих вниз со стороны Гарлема, стоит фигура.

Фрэнк Дурбан.

Во всяком случае, я уверена, что не обозналась. Мужчина находится

слишком далеко, чтобы была возможность отчетливо его разглядеть. Скорее всего, стоит, как обычно: большое тело прислонилось к балюстраде, одно плечо повернуто, словно болит.

Мгновение я не двигаюсь, а затем бегу к нему, уворачиваясь от деревьев и перепрыгивая через собачий поводок, который угрожает запутать мои ноги. Четыре лестничных пролета зигзагами поднимаются по крутому склону, и я бегу по ним. Мои ноги и легкие горят, но там никого нет. Я останавливаюсь, тяжело дыша, и оглядываюсь.

Может, мне показалось. Всю дорогу до квартиры я то и дело оборачиваюсь, но никто не опускается на одно колено, чтобы завязать шнурок, и не ныряет в дверной проем, или делает еще что-то, как в кино.

К тому времени, как я прихожу домой, я убеждаю себя – мне это только показалось. В конце концов, с чего бы Фрэнку интересоваться мной сейчас? Учитывая, что он на больничном, Кэтрин исчезла, а Патрик подал в суд на полицию Нью-Йорка.

Я останавливаюсь, взбудораженная мыслью, которая секунду назад появилась в моей голове.

Вдруг это неправда?

Я только слышала от Патрика, что он подает в суд на кого-то. Больничный Фрэнка может быть прикрытием, чтобы объяснить его отсутствие на операции. И Кэтрин… Может, она и исчезла, но она где-то здесь. Я это чувствую. Она манипулирует мной. Я участвую в ее играх.

Ощущая приступ тошноты, я понимаю, что произошло на самом деле. Я снова попала в их ловушку, посылая отчаянные письма Патрику из Гринриджа. Представляю, как Кэтрин читает их, задумчиво постукивая ручкой по губам.

Кэтрин

Кажется, операция не может так просто закончиться.

Фрэнк

Ты же не предлагаешь нам использовать Фоглера? Клэр ни за что ему не поверит.

Кэтрин

Почему нет? Ясно, что Клэр все еще одержима им. Что, если он войдет в Гринридж как рыцарь в сияющих доспехах?

Фрэнк

Это не сработает. Она и раньше была параноиком. Кэтрин, нам нужно чем-то ее отвлечь. Найти настолько заманчивую вещь, что Клэр пойдет на любой риск для достижения цели.

Кэтрин
Чего хочет Клэр Райт больше всего на свете?

Фрэнк
Тебе лучше знать, ты – психиатр.

Кэтрин
Иметь благодарную публику.

Спектакль.

И правда, почему Патрик вдруг написал пьесу? Это самая большая, самая блестящая приманка, какую только смогла придумать Кэтрин?

Бесподобная, провокационная роль, написанная специально для меня. Уникальная, почти невероятная возможность сыграть ее на нью-йоркской сцене вместе с профессиональным актерским составом.

Невероятно… Я, как полная дура, позволила себе поверить в это.

Я открываю дверь квартиры и вхожу внутрь.

– Патрик?

Ответа нет, но, кажется, теперь все изменилось. Все может происходить только в моей голове, однако у меня не пропадает ощущение, что это место слушает меня. Я иду в ванную и присаживаюсь на корточки у умывальника, ощупываю фарфоровую поверхность, как полицейский обыскивает ноги подозреваемого. Ищу провода.

Ничего.

Я лихорадочно проверяю шкаф с бельем, вытаскиваю аккуратно сложенные полотенца, бросаю их на пол, но и там ничего нет. Нет распределительной коробки, напоминающей злобного паука, связанного своей паутиной со множеством злых детенышей по всей квартире.

Впрочем, я понимаю, что они не повторили бы той же самой ошибки, проложив провода в тех местах, где я находила их раньше. Я отвинчиваю осветительные приборы один за другим. Ничего. В кухне, в спальне, в прихожей тоже.

Я смотрю на свой телефон, лежащий на кофейном столике. Конечно. Они могут слушать через микрофон на смартфоне. Это так же просто, как загрузить приложение, и вы никогда не узнаете, как они провернули

подобное.

73

К возвращению Патрика я уже все прибрала. Полотенца и простыни снова аккуратно сложены в шкафу, светильники собраны, а я на диване учу роль.

– Привет, – говорит он, подходя поцеловать меня. – Как прошла сегодняшняя репетиция?

– Очень хорошо, – легко отвечаю я. – Эйдан говорил о некоторых произведениях, способных вызвать у нас прилив вдохновения. Мы смотрели старые пленки с «Весной священной» Стравинского.

– Того Стравинского, который спровоцировал в свое время бунт?

Я киваю.

– И мы говорили о том, должна ли быть в искусстве самоцензура. Нормально ли показывать самоубийство на сцене, если таким образом мы можем побудить кого-то из зрителей повторить этот поступок. В большинстве этих дискуссий Лоренс и Няша оказывались на противоположных сторонах. Няша считает, что мы все должны нести ответственность за наши действия, а Лоренс утверждает, что мы не можем отвечать за поступки других людей.

– Это очень напоминает один из моих семинаров первого года, – говорит Патрик со вздохом.

Я смотрю, как он идет на кухню и начинает доставать ингредиенты из шкафов.

– Многие режиссеры так начинают. Потом мы перейдем к играм на доверие.

– Игры на доверие, – повторяет он, глядя на меня с улыбкой. – Мы с тобой, насколько я помню, играли в некоторые.

– Верно. Полагаю, их в свое время предложила Кэтрин.

Патрик кивает.

– Я сегодня видела Фрэнка Дурбана, – небрежно добавляю я.

– Фрэнка? Где?

Патрик выглядит удивленным.

– Морнингсайд-парк. Он наблюдал, как я бегаю.

Патрик хмурится.

– Маловероятно.

– Ну, я точно видела его.

– Как близко он находился от тебя?

– Достаточно близко, – отвечаю я, внимательно наблюдая за ним. Если бы они обсуждали это, Фрэнк бы все преуменьшил.

Фрэнк

Она была недостаточно близко, чтобы меня рассмотреть. Просто скажи ей, что она, должно быть, ошиблась.

– Как странно, – говорит Патрик, поворачиваясь к холодильнику. – Я думаю, это происшествие не давало ему покоя из-за судебного процесса и всего остального.

Патрик достает немного эстрагона и начинает рубить его.

– Да, и как же идут дела? – спрашиваю я так же небрежно.

– Как всегда бывает в этих случаях – медленно.

Он останавливается с ножом в руке.

– Кстати, Клэр, мой адвокат хочет, чтобы доктор Феликс написал отчет о твоем психическом здоровье. Хорошо?

– Да, конечно.

– Очень важно подчеркнуть, сколько страданий тебе причинила нью-йоркская полиция, но мы, вероятно, должны попытаться преуменьшить любое предположение о паранойе.

– О, это очень умно, – говорю я.

– Ты сейчас вообще о чем?

– Твой адвокат, – объясняю я. – Очень умно с его стороны подумать об этом.

– Ну, я ему и плачу за такие умозаключения.

Патрик хмурится.

– Клэр, все в порядке?

– Я знаю, что ты все еще работаешь на полицию, – без обиняков заявляю я.

– Что-что? – Он выглядит искренне озадаченным.

– Спектакль. Ты ведь написал эту пьесу как приманку.

На мгновение он выглядит настороженным.

– Это была идея Кэтрин, не так ли? – наступаю я. – Она думает, я все сделаю ради такой роли. Я должна признать, она права. – Я хватаю телефон. – Слышишь, Кэтрин? Ты была права.

– Клэр, – озабоченно говорит Патрик, кладет нож и подходит ко мне. – Клэр. Что происходит? Ты говорила до этого, что скучаешь по нашим играм. Это что, тоже игра? Ты изобретаешь что-то несуществующее,

просто чтобы иметь побольше проблем? Или действительно веришь в эту чушь? Честно говоря, ты меня пугаешь. – Он делает глубокий вдох. – Да, я написал пьесу как приманку, в каком-то смысле. Я написал ее, потому что хотел видеть *тебя* рядом со мной. Это – единственная вещь, которая могла произвести на тебя впечатление.

«Ох, Патрик, Патрик – думаю я. – Даже твое красивое имя звучит скользко. Патрик – шляпа фокусника. Хитрый Патрик. А мое имя – Клэр – легче воздуха».

– Докажи, что не работаешь с ними! – прошу я.

– Черт возьми, Клэр, как же я могу доказать?

Лицо Патрика напряжено от гнева.

– Не знаю, – отвечаю я. – В этом и есть основная проблема. Тем более, как мы можем снова доверять друг другу, если оба знаем, как хорошо лжем?

74

На репетициях мы переходим к играм. Игра «Стенка»: вы бежите на стену с завязанными глазами и полагаетесь на коллег-актеров, которые должны вас поймать. Зрительный контакт, который возникает, когда вы соединяетесь и смотрите друг другу в глаза, вызывает взрыв чувств: дружбы, похоти и зависти.

Глядя на Лоренса, я думаю: невероятно, ведь он понятия не имеет, что я сейчас о нем думаю.

А еще – «Глиняная игра», в которой один актер изображает статую, а другой должен вылепить ее, двигая ее конечностями, регулируя выражение, чтобы показать определенную эмоцию, которой статуя не обладает. Няше в процессе ваяния достается слово «томная», и я удивляюсь, как могу изменить баланс ее тела простым толчком по плечу. Она как прекрасно сделанная машина – все в идеальном противовесе.

Что касается Лоренса, которого попросили изобразить слово «гордость», то я могу только поправить его плечи и приподнять подбородок, чтобы сделать его более внушительным. Я вижу, Няша улыбается тому, как нелепо он выглядит.

Лоренс улыбается девушке в ответ, и я понимаю – он подумал, что актриса с ним флиртует. Я чувствую гнев. Не из-за него, а из-за нее. Это последнее, что мне нужно. Девушка влюблена в моего партнера. Как будто все и так недостаточно сложно.

Наконец мы беремся за текст и изучаем персонажей. Меня привлекает загадочность Аполлонии, тем более что пьеса так и не раскрывает нам, о чем она думает. Но для репетиции подобный расклад невозможен: мне нужно знать, о чем она размышляет, иначе я не смогу убедительно ее сыграть

В той же степени она могла лгать самой себе. Обычно такие персонажи в пьесах – самые интересные. Кроме того, обман рано или поздно раскрывается.

– Я говорю себе, что хочу верить в его доброту, в то время как на самом деле меня привлекает его темнота, – объясняю я Эйдану. – Я как мотылек в пламени: убеждаю себя, что оно меня не сожжет, поскольку альтернатива – вырваться прочь – разочарует меня.

Он кивает.

– Это меня вполне устраивает.

Позже, когда я расскажу Патрику об этом, он спросит:

– Мы все-таки говорим о спектакле или о нас?

– Пьеса и есть мы. Поэтому, чтобы играть убедительнее, я должна знать правду о нас. Разве это не сексуально? Знать правду о ком-то. – Я колеблюсь. – Так что если ты все еще работаешь на полицию, ты должен мне об этом сказать.

– Клэр, – устало говорит Патрик, беря меня за руку. – Это моя вина. Я слишком рано заставил тебя приступать к роли. Пока ты еще слишком слаба. Еще не поздно отказаться. В конце концов, у тебя есть дублерша. Ты можешь отступить и позволить ей участвовать в спектакле.

– Я не слаба, – возражаю я. – Я полная противоположность слабости. Естественно, я не собираюсь отступать.

На моем еженедельном сеансе с доктором Феликсом специалист поднимает этот вопрос.

– Патрик позвонил мне. Он беспокоится о вас.

Я пожимаю плечами.

– Я знаю.

– Патрик полагает, что все ваши подозрения о его шпионаже – явный показатель нездоровья.

– Я знаю.

– А что вы *сами* думаете, Клэр?

– Я думаю, происходящее слишком сильно напоминает лозунг на старой футболке: *«Это не паранойя, если они действительно хотят вас поймать»*. Вот я и пытаюсь решить, так ли это. Если окажется, что я

ошибаюсь – я буду в порядке.

Доктор Феликс ждет, что я расскажу об этом подробнее. Когда я этого не делаю, он меняет направление разговора.

– Насколько я понимаю, перед вами стоит серьезная профессиональная задача.

– Спектакль? Да, конечно.

– Вполне возможно, что вы прервали режим доктора Бэннера немного раньше, чем вам настоятельно рекомендовали. Конечно, в то время я и понятия не имел, что вы окажетесь под таким давлением… Возможно, стоит подумать о возобновлении приема некоторых лекарств. Конечно, в гораздо меньшей дозировке.

Непрошеный вопрос возникает в моей голове: *«Доктор Феликс тоже замешан в этой истории?»*

Я качаю головой.

– Мне нужно прямо сейчас собраться с мыслями и, разумеется, очень не хотелось бы вновь ходить с прыщами.

– Хорошо, – говорит врач с беспокойством. – В таком случае, почему бы нам не исследовать подробно каждое ваше подозрение и подумать, сможем ли мы их снять?

75

Вечером я приношу Патрику извинения.

– Похоже, я просто увлеклась мыслью, что ты можешь мне лгать, но после разговора с доктором Феликсом поняла, что слишком остро реагировала.

– Значит, у нас все хорошо? У тебя больше не возникает такого чувства?

– Нет.

– Слава богу, Клэр. Ты заставила меня поволноваться.

Теперь, когда я разрядила обстановку, Патрик заметно расслабился. Мы рано ложимся и сразу начинаем заниматься сексом. Я не говорю, что *собираюсь загладить свою вину*, но делаю в постели все, что он любит. На самом деле это нравится всем мужчинам: вкусы Патрика ничем не отличаются от общепринятых. Я целую его с головы до ног, ублажая некоторое время, затем толкаю его вниз и забираюсь на Патрика сверху. Потом вдруг останавливаюсь.

– Патрик, – тихо говорю я, – я должна тебе кое-что сказать.

– Что именно? – говорит он, широко улыбаясь.

– Я устала держать это в секрете, – произношу я. – Я убила ее. Я убила Стеллу.

76

Бесконечную минуту он ошеломленно смотрит на меня.

– Что-что? – наконец, говорит Патрик хриплым от шока голосом. – Что ты такое несешь, Клэр?

– Мне нужны были деньги. Я была на мели. Джесс собиралась вышвырнуть меня из квартиры… нужно было платить за уроки актерского мастерства… Мы со Стеллой поспорили о том, как она могла бы тебя шантажировать. Потом, тем же вечером, я решила, что она должна заплатить мне намного больше, чем четыреста долларов.

Отель Лексингтон, коридор, ночь.

Стелла открывает дверь своего номера со стаканом в руке. Она шатается.

Стелла

Это ты. Девушка, которая не смогла обольстить моего мужа. Что тебе надо?

Я

Давайте-ка не будем обсуждать это здесь.

Отель Лексингтон, люкс на террасе

Я

Вы использовали меня, чтобы шантажировать мужа. Если бы он не был таким благородным парнем, то вы бы в этом преуспели, В любом случае, произошедшее делает меня соучастницей преступления. Я хочу еще две тысячи долларов.

Стелла

Или что?

Я

Или я все расскажу ему.

Стелла

Дурочка. Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься. Тебе лучше убраться отсюда, пока я не вызвала администратора.

Она подходит к телефону у кровати.

Я
Отойдите от телефона.

Женщина оборачивается и видит, что я наставила на нее пистолет Джесс.

Стелла
Что за…

Я
Повернитесь лицом к стене. Подождите-ка… Сначала передайте мне сумку.

– Я не хотела ее убивать, – заключаю я. – Это был несчастный случай. Стелла схватила пистолет, когда я взяла у нее сумку, и мне пришлось ударить ее чем-то, чтобы твоя жена ее отпустила. Однако раз уж умерла, я ни за что не смогла бы уйти без ее денег.

Я смотрю на него.

– Патрик, прости меня. Прости за все. Я не жалею о случившемся, потому что я ведь встретила тебя. Ты сможешь меня простить?

Он все еще недоверчиво смотрит на меня. Никто из нас не двигается – застывшая картина. Потом я смотрю на телефон, стоящий на тумбочке у кровати.

Я вижу понимание в его глазах.

– О, боже, – недоверчиво говорит Патрик. – Ты призналась в этом, чтобы убедиться, что я говорю правду, верно? Чтобы проверить, не вломятся ли копы и не вытащат ли тебя из квартиры. Они не придут, Клэр. Копов нет! Я больше не имею к ним никакого отношения.

– Я бы не стала лгать о чем-то подобном.

– Прекрати, – говорит он свирепо. – Прекрати сейчас же. Ты зашла слишком далеко.

– Я должна была знать, – тихо произношу я. – Я должна была знать наверняка. Пожалуйста, пойми, Патрик. Это был единственный способ доказать раз и навсегда, что ты больше не работаешь на них.

– О, я все докажу.

Сейчас он злится так же, как тогда в театре. Патрик протягивает руки и обхватывает мое горло.

– Если бы они слушали, они не позволили бы мне задушить тебя, – говорит он сквозь стиснутые зубы. – Они не позволили бы мне сделать *это*.

Я чувствую, как его пальцы углубляются, сжимаются. Я не могу дышать. Я протягиваю руку и пытаюсь стащить его пальцы с шеи, но Патрик слишком силен. Его хватка становится все крепче. Кровь начинает стучать в ушах. Я цепляюсь за его руки. Фейерверк хлопает и сверкает перед моими глазами. На мгновение у меня кружится голова, а потом я падаю, падаю в туннель.

Я прихожу в себя в его объятиях. Руки Патрика нежно обнимают меня. Горло болит.

– Извини, – шепчу я.

– Нет, это ты прости меня, – тихо говорит он. Патрик обнимает меня еще крепче.

– Не стоит. Я намеренно спровоцировала тебя, любовь моя. Это была игра на доверие, и она сработала.

77

Я просыпаюсь до рассвета. Патрик спит рядом со мной, как кошка, и дышит так тихо, словно он мертв. Даже в состоянии покоя его тело, свернутое клубком, кажется настороженным, как спусковой крючок, состоящим из мышц и сухожилий.

Тихо, чтобы не разбудить его, я вытаскиваю себя из-под одеяла и иду на кухню за соком. Горло все еще болит, и мы на время прекращаем репетиции – на сегодня-завтра. Я не могу рисковать и потерять голос.

Я пью и смотрю на город. Мне нравится, как большие окна делают эти апартаменты похожими на сцену. Словно мы на шоу. В кукольном доме, в который любой может заглянуть, хотя на самом деле этот район ночью так тих и улица внизу почти пустынна.

Я думаю о Стелле.

Однажды на занятии Пол заставил нас принимать участие в игре, в которой трем людям дают либо красную шляпу, либо черную. Они не могут видеть собственную шляпу, только чужие, но первый человек, который сможет сказать, какой цвет на нем надет, выигрывает. Упражнение необходимо для того, чтобы увидеть сцену глазами других людей.

Вот это я сейчас и пытаюсь сделать.

Когда я сделала притворное признание, Патрик выглядел испуганным, а потом растерялся и разозлился. Ни на секунду он не был убежден в моих словах.

Потому что любит меня и доверяет?

Потому что я не такая хорошая актриса, как считаю?

Или потому что он знает, что я не могла сделать то, о чем говорила?

А может, он сам был там, когда Стелла умерла?

Полицейская машина мчится по пустой улице, мигая огнями. Ее сирена заботливо выключена, чтобы не разбудить спящих жителей города. Возможно, машина на пути к очередному трупу. Еще несколько жизней разорваны в клочья.

Неожиданно я слышу голос доктора Бэннера.

Доктор Бэннер

Неудивительно, что у вас все эти мелодраматические заблуждения, Клэр. Это и есть симптом психического расстройства. Завтра вы будете убеждены в прямо противоположном.

Думаю, *я должна знать*. Я должна знать, кто на самом деле ее убил. Не потому, что, узнав, что Патрик – убийца, я перестану его любить. Если он *действительно* убийца, то я не хочу, чтобы он скрывал это от меня.

Это и есть *мой* мрачный секрет: моя любовь к Патрику настолько всепоглощающая, что даже если бы я знала наверняка, что он убил Стеллу, это не изменило бы моих чувств к нему. Но я не смогла бы вынести сам факт, что он сделал нечто значимое и не поделился со мной.

Как и Аполлония, я должна смотреть в темноту. Идти туда.

Я не могу, разумеется, пойти в полицию, но есть кое-что, мною еще не опробованное.

78

>>Виктор?

>>Клэр, я надеялся, что однажды ты вернешься в «Некрополь».

>>Виктор, сделай мне одолжение.

>>Все что угодно, мой ангел.

>>Тебе это не слишком понравится.

>>Попробуй. У меня удивительно широкий кругозор для извращенца.

>>Я хочу встретиться с тобой. Правильно, я имею в виду именно этот вариант. В реальной жизни.

Долгая пауза. Я почти слышу жужжание телефонных проводов, помехи, свист и щелчки далеких разговоров, когда наше молчание отражается от спутников, от компьютера к компьютеру. Бесконечные оптоволоконные кабели.

>>Клэр, а это свидание?

Я думаю о том, сколько мужчин я завлекла, для скольких притворялась, становилась иллюзией, плодом их мечтаний.

>>Нет. Извини. Просто дружеская встреча. Хотя, поверь мне, она крайне важна. Только тебе, я думаю, могу доверять.

>>Где ты находишься?

>>В Нью-Йорке. А ты?

>>Достаточно близко.

>>В каком месте ты был бы не против увидеться со мной?

>>В Ист-Виллидж, на Сент-Маркс-Плейс есть киберкафе. Можем встретиться там в полдень.

>>Как я узнаю тебя?

>>Зайди на сайт. Тогда я тебе скажу.

>>Спасибо, Виктор. Я бы не спрашивала, если бы это не было столь важно.

79

Я прихожу в кафе на пятнадцать минут раньше и выбираю компьютер в углу. Рядом со мной японский студент общается в киберчате со своей девушкой по серьезному поводу. Неподалеку грузная бизнесвумен печатает отчет, энергично барабаня двумя пальцами по клавиатуре. Подросток играет в компьютерную игру. Хихикающая итальянская пара загружает фотографии с медового месяца.

Есть еще парень средних лет в плаще, вертящий в руках пустую чашку из «Старбакса».

Я вхожу на Некрополь:

>>Ты здесь, Виктор?

>>Да, здесь, Клэр.

>>Здесь на сайте? Или здесь в кафе?

>>И то, и другое.

>>Скажи мне, как ты выглядишь.

>>Мне двадцать пять. Темные волосы. На мне кашемировая двойка, которая раньше принадлежала кому-то другому. Я сижу за компьютером в углу.

>>Ты не упомянула, что красива.

Я поднимаю глаза. Та самая бизнесвумен печально улыбается мне.

80

– Но ты *реально* можешь причинить кому-либо боль? Я имею в виду, серьезно навредить?

Виктор, которого на самом деле зовут Корин, качает головой.

– В своих фантазиях я мечтаю о сексуальном доминировании. Но я также мечтаю о мире во всем мире, жить с супермоделью и быть профессиональным музыкантом. Я признаю свои обязательства перед

обществом, Клэр, и это означает, что, как и все остальные, я должна управлять своими желаниями. – Она пожимает плечами. – Хороших подчиненных трудно найти, особенно если ты толстая старая лесбиянка. Но моим друзьям-натуралам, похоже, ненамного легче.

– О’кей. Я понимаю.

– Расскажи мне, в чем дело, – предлагает Корин.

Я разъясняю мою теорию о полицейском заговоре – что это могло быть как-то связано с Некрополем. Я должна перестать выражаться как сумасшедшая.

– Полицейский психолог предложила мне пойти на этот сайт в первую очередь, – заканчиваю я. – Если бы не она, мне бы и в голову не пришло вести свой характер в этом направлении. И потом, конечно, Патрик, казалось, тоже был замешан во всех этих странных вещах, хотя на самом деле не был.

– Говоря как человек, который сам занимается этими странными вещами, я бы сказала, что это очень великодушно с его стороны.

– Прости – я не это имела в виду…

Она с улыбкой отмахивается от моих извинений.

– Итак, почему Некрополь? – говорю я. – Почему психолог так заинтересован в совершенно легальном БДСМ-сайте?

Корин колеблется.

– В Некрополе может быть больше, чем кажется на первый взгляд. По крайней мере, так говорят некоторые пользователи. Они имеют в виду часть, размещенную в Темной сети – часть, к которой даже участники не могут получить доступ, если их не пригласили. Вот где происходят по-настоящему жесткие вещи.

– Что значит *жесткие*?

– Торговля, изображения и видео, я так понимаю.

– Незаконные изображения?

Корин кивает.

– Из того, что я слышала. Я никогда не спрашивала подробностей. Это не мое.

Я не удивлена, обнаружив, что сайт, на который меня толкнула Кэтрин Лэтэм, был частью чего-то незаконного. Но как в это вписывается Патрик?

«Пусть шкап большой хранит романсы, груды смет, записки и стихи, судебные тетради, в любовных письмецах волос тяжелых пряди, все ж менее в нем тайн, чем мозг скрывает», – сказал мне Патрик, когда мы впервые встретились. Его голос был хриплым и убежденным. Это была подсказка? На этот секрет он пытается намекнуть, чтобы, используя слова

Бодлера как ширму, замаскировать глубинную суть?

Если он покупал изображения на Некрополе и Стелла наткнулась на них, это могло бы объяснить, почему она говорила об уходе от него. Даже, возможно, именно поэтому она и была так взволнована той ночью.

И в этом, как я понимаю, состоит разница. То, чего она боялась, меня заинтриговало. Если Патрик делал что-то подобное, я не буду шокирована. Совсем наоборот: я буду рада возможности показать, что могу принять эту его часть, углубить нашу интимность. Как мотылек, летящий на пламя.

81

Когда я добралась до бара, где мы договорились встретиться с Генри, он уже заказал второе пиво.

Генри сказал, что приехал рано. После убийства Стеллы юридическая фирма сократила работу с супругами, и он был переведен на взыскание долгов.

– В основном компьютерный поиск. Скучные вещи. Думаю, меня скоро выгонят. Мой набор особых навыков им больше не нужен.

– Что, если у меня есть для тебя подработка?

Он поднимает брови.

– Хочешь, чтобы я проверил твоего парня?

На мгновение я почти поддаюсь искушению, но потом качаю головой.

– Это не человек. Больше похоже на вещь.

Вкратце я объясняю, что узнала о Некрополе.

– Мне нужно, чтобы ты взглянул на него. Выяснил, сможешь ли ты как-нибудь попасть в скрытую часть.

– Знаешь, – задумчиво произносит Генри, – в убийстве Стеллы было несколько моментов, которые всегда казались мне странными. Ты помнишь, как она нервничала той ночью?

Я киваю, вспомнив. Она расхаживала взад и вперед у окна, когда я вошла.

Стелла

Вы будете осторожны, не так ли? Обещайте, что будете осторожны.

– У нее была флешка – маленький металлический флеш-накопитель на связке ключей, – продолжает Генри. – Она все время крутила ее, помнишь?

Я вспоминаю и даже представляю это. Она, заломив руки, сжимала

что-то, что на мгновение показалось мне четками, но потом я заметила блеск брелка. И как она предупреждала меня о своем муже: «*Он не похож ни на одного мужчину, которого вы когда-либо встречали*» – при этих словах она посмотрела вниз, как будто это было доказательством того, что она говорила.

– Шансы невелики, но если мы говорим о незаконных изображениях, возможно, именно они были на флэшке, – добавляет Генри, потянувшись за напитком.

– Ты говорил об этом полиции?

– Конечно. Но они сказали, что ничего подобного при обыске не нашли. Они думали, что либо я ошибся, либо убийца забрал флешку с собой.

Я откидываюсь на спинку стула и думаю.

– Стелла сказала, что смысл в том, чтобы заманить Патрика в ловушку, а для этого надо получить рычаги влияния на него. В таком случае, может быть, флешка тоже была рычагом. Но если она пропала, то почему Кэтрин Лэтэм уже знала о Некрополе и проинформировала меня?

– Возможно, она из ФБР.

Я смотрю на него.

– Почему ты так думаешь?

– Во-первых, это объяснило бы, почему она использовала фальшивое имя. Это стандарт для агентов ФБР, участвующих в операциях на местах. Во-вторых, потому что это их работа – следить за нелегальными сайтами. Если они уже знали об этом Некрополе, даже следили за ним, возможно, именно так она и оказалась вовлечена в это дело. Есть электронная анкета, которую копы должны заполнить после убийства для VICAP— программы насильственного уголовного задержания. В большинстве случаев, это заноза в заднице – тридцать страниц вопросов, просто чтобы узнать, совпадает ли ваше преступление с другим, которое еще не раскрыто. Но иногда ты нажимаешь «Отправить» и получаешь автоматическое сообщение о том, что тебе нужно перезвонить по номеру в Куантико. Если компьютер посчитает, что есть связь между убийством Стеллы и чем-то на этом сайте…

– А она и есть, – говорю я, кивая. – Бодлер. Вот почему сайт называется «Некрополь». Люди там увлечены Бодлером. И не в хорошем смысле.

– Я сегодня разговаривала с Генри, – говорю я.

– С кем? – Патрик не отрывается от книги.

– С бывшим полицейским. Я с ним работала. Хотела спросить его о полицейском расследовании.

Теперь он взглянул на меня.

– Я думал, мы договорились, что больше не будем это ворошить.

– Нет. *Ты* согласился с этим, я никогда ни на что не соглашалась. Дело в том, что Генри рассказал мне кое-что интересное. У Стеллы была флешка. Убийца взял ее. Вполне возможно, что она содержала изображения с веб-сайта под названием Некрополь. – Я делаю паузу. – Мне нужно знать, значит ли что-нибудь для тебя это название.

Патрик пристально смотрит на меня, его лицо ничего не выражает.

– Да, – говорит он, наконец. – Я его знаю.

– Ты был на сайте. Ты купил изображения.

– Нет, – покачал он головой. – Картинки в один прекрасный день прибыли прямо в мой почтовый ящик. Имя домена, с которого они были отправлены, – Некрополь.

– Но почему их послали именно тебе?

– Это были цифровые фотографии, относящиеся к «Цветам зла», – тихо говорит он. – Воссоздание, если точнее.

– Зачем? – озадачена я.

– В былые времена в изданиях знатоков поэзии иногда помещались иллюстрации к стихотворениям известных поэтов. Если тема была эротической или непристойной, издания выходили в небольших количествах, для частных коллекционеров. – Он указывает на книжные полки, которые заполняют всю стену. – У меня самого есть несколько редких иллюстрированных томов «Цветов зла».

– И это были они? Иллюстрации к стихотворениям? Только фотографии, а не рисунки?

Он кивает.

– Мне они показались смешными, настолько явно отфотошопленными, что весь эффект бодлеровских стихов пропал. Я так и ответил и никогда больше не слышал о Некрополе.

– У тебя сохранились снимки?

– Нет. – Он смотрит на книжный шкаф. – Ну…

– Патрик, пожалуйста. Это может быть очень важно.

Он вздыхает.

– Я сохранил один. Только один. Самый первый. Наименее неприятный.

Он подходит к книжным полкам, достает лист, лежащий между двух томов, и протягивает мне. Я невольно задыхаюсь.

На фотографии изображен плоский живот женщины, цвет ее кожи где-то между коричневым и черным. Пушистая розетка волос окружает пупок, ловя свет от источника, находящегося вне кадра. Еще одна аккуратная пушистая линия ведет вниз. Пушок подстрижен так, что вместе с пупком напоминает цветок. Тонкий, нежный образ, за исключением того, как слова «цветы зла» выцарапаны над пупком, глубоко в коже.

На мой взгляд, это не фотошоп.

– Боже мой, – шепчу я.

Он кивает.

– Понимаю. Остальные были в том же духе.

– Были ли они все… – Я замолкаю, понимая, как нелепо это прозвучит в такой ужасной ситуации. – Они все *красивые?*

– В каком-то смысле да, – тихо отвечает он.

Я смотрю на фотографию, не в силах оторвать глаз.

– Красота зла.

– Красота зла, – соглашается он.

– В письме было что-нибудь еще?

– Просто очень короткая записка. Что-то вроде: «Еще один цветок из того же семени. Еще одно преображение. От поклонника».

– Что это значит?

– Это ссылка на то, что я сказал в предисловии. Работа переводчика, написал я, заключается не только в том, чтобы переводить с одного языка на другой, но и преображать, оживлять стихи в новом веке, в новой среде.

– И вот он здесь, делает именно это. Только там, где ты используешь слова, он делает фотографии. И делает это *по-настоящему*.

Патрик хмурится.

– Возможно.

– Ты сообщал в полицию?

– Да, я сказал им, что было несколько писем, но они не очень заинтересовались.

– Обычные копы не нашли бы связи. Это много позже сделала Кэтрин Лэтэм. – Я опять начинаю рассматривать изображение. – *Еще один цветок из того же семени* – это почти как если бы он представлял, что цветы зла прорастают и множатся. Зло распространяется. И ты тот человек, который вдохновил его. – Я поняла кое-что еще. – Это то, что стоит за вторым актом пьесы, не так ли? Где прокурор спрашивает Бодлера, как он будет себя чувствовать, если узнает, что кто-то был вдохновлен на злодеяние одним из

его стихотворений. Вот в каком ты положении. У тебя есть поклонники. Даже *последователи*. И один из них, когда ты грубо отозвался о его работе, убил Стеллу.

– Возможно, – с тревогой говорит Патрик. – Давай не будем спешить, забегать вперед.

– Но Патрик, разве ты не понимаешь, что это значит? Эта пьеса… мы врываемся прямо в личные фантазии какого-то психа. Как он отнесется к тому, что мы делаем?

– Почему он должен что-то чувствовать?

Я снова смотрю на картину, отталкивающую и одновременно странно манящую.

– Мне не кажется, что этот человек думает о себе как о каком-то больном порнографе. Думаю, он видит себя *художником*. Если ему не понравится пьеса, он не просто напишет плохой отзыв в «Таймс», а примет это близко к сердцу.

– Я не понимаю, почему это должно случиться. Но если ты беспокоишься… Ты хочешь отказаться?

На мгновение я почти поддаюсь искушению, но как сказал Патрик, это может быть просто очередная дикая теория. И я не собираюсь упускать свой шанс из-за того, что случилось до моего появления на сцене.

– Конечно, нет, – отвечаю я. – Но, вероятно, нам следует быть осторожнее.

83

А потом, два дня спустя, когда я пробегаю трусцой по Морнингсайду, замечаю что-то на скамейке. Кто-то оставил книгу в мягкой обложке.

Подхожу ближе и вижу, что это «Цветы зла». Беру книгу, и из нее выпадает фотография. Моя фотография. Портретный снимок, напечатанный на дешевой компьютерной бумаге, который Марси заставила меня сделать для ее сайта.

Стихотворение, которое отмечено, называется «Призрак».

Я, словно призрак с диким взглядом,
С тобой в алькове буду рядом;
К тебе я меж теней ночных
Опять скользну, бесшумно тих!

Тебе, смуглянка, подарю я
Луны прохладней поцелуи;
Под лаской гробовой моей
Припомнишь ты могильных змей!

Я чувствую приступ тошноты, но продолжаю читать:

Лишь утра свет блеснет багровей,
Ты не найдешь меня в алькове!
Пусть он до ночи будет стыть!

Как люди – нежностью своею
Над юностью царят твоею,
Так страхом я хочу царить!

84

– И ты никого не видела?

– Никого. То есть вокруг были люди. Но никого необычного. И у меня снова возникло это ощущение – чувство, что за мной наблюдают.

Патрик вертит в руках книгу. Это стандартное, ничем не примечательное издание с его собственными переводами.

– Университетский книжный магазин всего в двух кварталах отсюда. Это может быть один из моих студентов.

– С моей фотографией внутри? – перебиваю я его и слышу напряжение в своем голосе.

– Ты играешь в пьесе о Бодлере, может быть, они тебя погуглили. Возможно, это было просто напоминание, чтобы купить билет…

– Я не верю во все это.

– Так же, как ты не верила, что я не сотрудничаю с полицией, – говорит он мягко. – Так же, как ты веришь, что видела Фрэнка Дурбана.

– Может быть, я тогда слишком остро отреагировала, но сейчас не преувеличиваю. Эта книга была оставлена для меня, я должна была найти ее. Ясно как божий день: *«Так страхом я хочу царить!»* Он хочет меня напугать. – Я вырываю книгу из рук Патрика и швыряю через всю комнату. – Это *он*. Человек, который создал эти изображения. Он

преследует меня. Посылает мне сообщения.

– Ты хочешь пойти в полицию?

– Вряд ли они воспримут это всерьез, не так ли? Как ты сказал, это просто книга, и к тому же сейчас ты с ними в не самых лучших отношениях.

– Что тогда?

Я задумалась.

– Почему бы мне не попросить Генри побыть моим телохранителем? Он мог бы сопровождать меня на репетиции.

Патрик кивает.

– Это хорошая идея. Все что угодно, лишь бы ты чувствовала себя в безопасности, Клэр.

Но я замечаю, что он останавливается и не говорит, что я права.

85

На следующей репетиции Эйдан объявляет:

– Возможно, вы заметили, что у нас появилась дополнительная охрана и что всем выдали пропуска на вход и выход. Это потому, что Клэр могут преследовать. Вы также заметите, что, когда она покидает здание, ее сопровождает телохранитель. Пожалуйста, в полной мере содействуйте новому порядку. На самом деле это в интересах каждого из вас.

Я вижу, как Лоренс хмурится на другом конце комнаты, рисуя что-то в своем сценарии. Представляю, о чем он думает: «*Вот опять. Королева драмы уже здесь*».

«Пошел ты», – говорю я ему про себя.

Даже Генри настроен скептически.

– Преследователи, как правило, гораздо загадочнее. Они не просто оставляют повсюду книги, – говорит он мне. – Обычно это любовные письма. Потом злятся, что ты не отвечаешь, и их одержимость переходит в гнев.

– Я не думаю, что этот парень – преследователь в обычном смысле этого слова, – говорю я. – Он больше похож на охотника в погоне за добычей.

– Если это так, то почему он рискнул предупредить тебя?

– Понятия не имею. Но я думаю, что это все часть плана. Морочит мне голову. Играет в игры разума.

– Если это все, что он делает, может быть, нам не стоит слишком беспокоиться.

– Ты не видел изображения. Он убивал и раньше. Он не перестанет посылать стихи. В конце концов он захочет воспроизвести их.

– Если это тот же самый парень. Кстати, вчера вечером я бродил по Некрополю. Дал понять, что материал на обычном сайте слишком скучный для меня. Никто не клюнул.

– Клюнут, – отвечаю я. – Некрополь – ключ ко всему этому. Я уверена.

86

Все откровенные сцены тщательно режиссируются так же, как сценический бой. Для начала мы репетируем их полностью одетыми, сначала на половинной скорости, потом на три четверти, пока они не станут похожи на упражнение в танце или гимнастике: здесь важна точность, а не страсть.

– Если в какой-то момент вы почувствуете себя неловко, просто скажите об этом, – говорит Эйдан. – Уважайте своих коллег-актеров и себя. Нет ничего плохого в том, что у вас есть границы.

Конечно, я никогда ничего не говорю. Отчасти потому, что я не хочу быть человеком, чьи ограничения сдерживают шоу, а отчасти потому, что никогда не видела границы, которые я не захотела бы пересечь.

– Это единственные сцены, где я прошу вас не импровизировать, – подчеркивает Эйдан. – Ничего неожиданного. Все дело в доверии.

Есть три такие сцены: одна, где моя статуя оживает и мы с Жанной занимаемся любовью; другая, где мы с Бодлером проводим нашу единственную ночь вместе, и самая последняя – кульминационный новый финал Эйдана, написанный Патриком, в котором Няша, Лоренс и я исполняем вальс с тремя человеческими скелетами. Танец, который постепенно переходит в оргию. Со скелетами будут работать кукловоды, спрятанные в оснастке над сценой. В первый раз мы безнадежно запутываемся, когда пытаемся прогнать этот эпизод. Поэтому на него мы тратим больше всего времени. Только когда все получается, мы идем дальше и обращаемся к другим сценам.

Сцена с Няшей относительно легкая – от меня требуется сначала быть пассивной статуей, лежащей на постаменте, затем постепенно все больше возбуждаться, а потом вновь замереть в той же экстатической позе, в которой я была вылеплена. Однако сцена с Лоренсом – проблемная. Никто

не знает, как ее надо сыграть, даже Эйдан. В некотором смысле, это самый важный момент всей пьесы, ее центральная тайна. Сцена, в которой Бодлер отворачивается от обожаемой им Аполлонии и отвергает ее. Мы обсуждаем большое количество вариантов. Был ли он импотентом? Исступленным? В ужасе? В слезах? В сценарии Патрика ничего об этом не говорится. Все думают, что это отговорка, но мы не можем решить, что должно заполнить пустоту.

По просьбе Эйдана Патрик приходит на репетицию с несколькими идеями. Мы пробуем, но это все не то.

Патрик несмело спрашивает:

– Могу я кое-что посоветовать?

– Конечно, – говорит Эйдан.

– Если она на нем, – говорит Патрик. – Сверху, а потом нарочно берет его руки и кладет себе на горло.

– С какой целью?

– Это двусмысленно. Либо она предлагает ему доказать, что он не тот человек, каким себя изображает в стихах… либо ждет подтверждения обратного. Дело в том, что он злится. И мы не знаем причину его гнева – то ли потому, что она все еще не верит ему, то ли потому, что он не может не потерять самообладание.

– Для зрителей неоднозначность – это хорошо. Но для Аполлонии? Чего она хочет в этот момент?

Эйдан поворачивается ко мне.

– Клэр? Это твоя роль.

– Думаю, она хочет, чтобы он был верен стихам, – тихо говорю я. – Когда все сказано и сделано, она хочет, чтобы он был настоящим. И она напугана, потому что не знает, куда он ее приведет – куда он их приведет. Она знает, что это нарушение табу. Но это то, чего она действительно желает, по крайней мере, в этот момент интимного обмена самыми глубокими, самыми темными секретами. Это звучит прямо в том письме, что он написал ей на следующий день: «*Я испытываю ужас перед страстью, потому что слишком хорошо знаю, в какую мерзость она может меня ввергнуть*». Бодлер сам напуган тем, что ему открылось.

Я смотрю на Патрика. Он выдерживает мой взгляд, через мгновение кивает.

– Хорошо, это сработает, – решает Эйдан. – Давайте сделаем так.

В конце концов, мы доходим до «раздетой» репетиции, как мы ее окрестили, в первый раз. Сегодня мы должны репетировать обнаженными, без одежды.

Сессия закрытая, в зал допускаются только Эйдан и хореограф. Трудно понять, как к этому подойти: совершенно серьезно и уважительно или шутливо и подтрунивающе? Однако вид раздевающейся Няши пресекает оба варианта. Сколько бы миль я ни пробежала трусцой, я никогда не смогу конкурировать с ее гибким крепким телом, идеальной грудью, плоским животом, упругим, как теннисная ракетка. Я молча снимаю халат.

Минуты две я чувствую себя неловко, но потом совершенно забываю, что я голая. Когда мы заканчиваем и зал снова открывается, ко мне подходит курьер.

– Цветы для вас, Клэр. Я положил их сюда.

В раковине огромный букет черных лилий.

«От Патрика, – думаю я сразу же. – Он знает, что я нервничаю сегодня».

На карточке нет имени, только несколько набранных строк.

Люблю тебя, особенно когда
Тебе терзает сердце страх, как зверь,
Когда твой дух им вышвырнут на мель…[22]

Я звоню ему.

– Это ты прислал мне цветы?

– Нет, – отвечает он. – Черт… Я… должен был.

– Дело не в этом, мне… прислали еще одно стихотворение. – Я прочитала ему. – Это из *«Цветов зла»*? Не так ли?

– Да, это из стихотворения под названием «Грустный мадригал», – задумчиво произносит Патрик. – Адресовано Белой Венере. Бодлер говорит, что многие мужчины вызывали ее улыбку, но он хочет быть одним из немногих, кто заставил ее плакать.

– «*Тебе терзает сердце страх, как зверь*»… Это опять он. – Я дрожу. – Начитанный парень, должно быть.

Патрик на мгновение замолкает.

– Но букет вряд ли может быть истолкован как угроза, Клэр. Может быть, кто-то просто посылает поздравление: твой талант наконец замечен.

– Это цветы, Патрик. Черные цветы. Цветы зла. Он делает именно то, что и обещал, – пытается напугать меня. И у него *получилось*.

Но даже когда я думаю об этом, есть часть меня, которая почти благодарна. *Используй* это. Аполлония получила то же самое стихотворение от анонима, – чернила только-только высохли на бумаге, – и она тоже не могла знать, от кого оно и почему она привлекла внимание этого человека. То ли от поклонника, то ли от преследователя или – как оказалось – от кого-то, кто был на самом деле странной смесью того и другого. Я всегда знала, что, должно быть, она испугалась, но теперь я действительно *чувствую* это.

– Тебе не кажется, что ты видишь в словах какой-то смысл, которого на самом деле нет? – тихо спрашивает Патрик, и я знаю, что он тоже изучил симптомы театрального расстройства личности.

88

Когда я выхожу, ко мне подходит Лоренс.

– Сегодня было по-настоящему сложно, – произносит он с мальчишеской улыбкой. – Но ты отлично справилась.

– Спасибо, – говорю я, все еще думая о цветах. Я просто хочу домой.

Он заговорщически понижает голос.

– Знаешь, я и забыл, как ты прекрасна в постели.

– Приму это за комплимент. Слушай, мне нужно идти…

– Подожди… – Он кладет руку мне на плечо. – Как *ты*, Клэр? – тихо спрашивает он. – Это был ад – притворяться, что между нами ничего не было. Но не думай, что только потому, что я могу для *них* притворяться, я ничего не чувствую к тебе.

Я уставилась на него.

– Честно говоря, Лоренс, я так и думала.

Он игнорирует мой саркастический тон.

– Актеры, да? Мы никогда не знаем, что реально, а что нет. Слушай, не хочешь встретиться и выпить? Я остановился в «Мандарин Ориенталь».

– Хорошо, – говорю я медленно. – Конечно. Я буду в восемь. Просто выпить и поговорить, хорошо? Чтобы прояснить наши отношения.

– Конечно. Просто выпить. Было бы здорово.

Я смотрю на его энергичное красивое лицо и понимаю – то, что произошло между нами, еще не закончилось.

89

В тот вечер на втором мартини Лоренс признается, как он завелся, репетируя нашу совместную сцену.

– Не знаю, как буду справляться, делая это с тобой каждую ночь, – добавил он с мальчишеской улыбкой. – И буду ли я прав, если скажу, что и ты втянулась в это чуть больше, чем просто строго профессионально?

– Может, чуть-чуть, – говорю я, краснея.

На третьем бокале, после того, как мы немного пофлиртовали, он спрашивает, не поднимусь ли я в его комнату.

Мы флиртуем еще немного, а потом я предлагаю пойти к нему. У него люкс на верхнем этаже с видом на парк. Это стоило Патрику целое состояние.

Он открывает бутылку шампанского и, пока он наливает первый бокал, я говорю, что не собираюсь с ним спать.

– Нет? – переспрашивает он беспечно. Явно мне не верит.

Не думаю, что многие женщины отказывают Лоренсу.

– Нет, – повторяю я.

Он все еще улыбается.

– Тогда, если не возражаешь, я спрошу – почему же ты согласилась подняться ко мне сегодня вечером, Клэр?

– Я просто хотела посмотреть на вид.

Я выхожу от Лоренса и иду домой. Возвращаюсь к Патрику и показываю ему видео, которое сделала камерой, спрятанной в сумке. То, которое я отправлю жене Лоренса, как только завершатся репетиции.

– Ты сумасшедшая злая женщина, – говорит Патрик, глядя на меня.

– Ты еще не представляешь, насколько сумасшедшая, – обещаю ему. – Ты еще ничего не видел.

90

На следующее утро Генри, как обычно, забирает меня и везет в репетиционную студию. Я все еще трепещу от восторга, что поймала Лоренса в ловушку. Но когда я вхожу в репетиционный зал, то вижу – что-то не так. Луиза, моя дублерша, плачет. У Лоренса серьезное, но мягкое выражение лица. Он не смотрит мне в глаза.

– Клэр, – произносит мрачно Эйдан. – Мы только что узнали ужасные новости. Про Няшу. Не знаю, как сказать это… Она мертва.

Мгновение я не понимаю смысла его слов.

– Что?

– Полиция сообщила нам об этом двадцать минут назад. Она жила в квартире с сервисным обслуживанием на Колумбус-авеню. Сегодня утром Няша не спустилась к своей машине, и консьерж поднялся, чтобы узнать, в чем дело.

Он смотрит на нас.

– Полиция почти ничего не сказала, но я так понимаю, дело нечисто. Они просят нас остаться здесь, чтобы задать ряд вопросов.

91

Ошеломленные, мы молча сидим. Никто не спрашивает, что будет со спектаклем. Кто-то спрашивает о семье Няши, но никто ничего о ней не знает. Я понимаю, что она была очень закрытым человеком.

Для взятия показаний приходят три детектива. Мне достается женщина, которая представилась как детектив Ферелли. Я должна рассказать ей все, решила я. Ради Няши. Поэтому упоминаю о преследователе, о цветах и предполагаю, что эти сообщения предназначались мне.

– В первый раз он пометил стихотворение под названием «Призрак». Речь в нем идет о проникновении в спальню женщины и нападении на нее. Я думала, что он нацелен на меня, но на самом деле он действовал именно так, как Бодлер. Он послал мне стихотворение, но действие, которое оно описывает, произошло с Черной Венерой.

Детектив Ферелли непонимающе моргает. Я быстро достаю книгу из сумки.

– *Я, словно призрак с диким взглядом, с тобой в алькове буду рядом,* – читаю я. – Другими словами, квартира Няши. *К тебе я меж теней ночных опять скользну, бесшумно тих!* Ну, это и так ясно. *Тебе, смуглянка, подарю я луны прохладней поцелуи.* Вот когда я должна была понять. *«Моя темная красавица»* – он имеет в виду Черную Венеру. Няша была его мишенью, не я.

– Вы хотите сказать, что обстоятельства смерти мисс Нири могут напоминать сюжет этого стихотворения, – медленно произносит детектив Ферелли.

– Да, именно так. – Я чуть не сказала ей, что убийца наверняка тоже сделает фотографии, но это означало бы, что придется объяснять насчет Некрополя, и как только мы пойдем по этой дорожке… я начну звучать как настоящая сумасшедшая.

Она скептически поджимает губы, но что-то записывает в блокнот.

– Как умерла Няша? – упорствую я. – Это было похоже на стихотворение, верно? Пока она спала? И это было связано с ножом или разбитым стеклом – какое-то увечье?

Детектив Ферелли смотрит на меня с неприязнью.

– Мы не будем делиться подробностями сейчас, мисс Райт, по оперативным причинам.

В ее устах «*оперативные причины*» звучит так, будто она не хочет иметь дело с *такими упырями, как я*.

– Вы можете сейчас описать собственные перемещения после того, как покинули это здание прошлой ночью?

– Я выпивала с Лоренсом Пизано вон там, в его отеле «Мандарин Ориенталь» между восемью и девятью часами.

Она поднимает на меня глаза.

– В баре?

– Да… и в его комнате тоже. Недолго.

Она записывает это без комментариев.

Что-то заставляет меня добавить, что мы не спим с ним.

– Это не моя забота, мисс Райт. Меня интересует только время. После этого?

– Я пошла домой. Я живу с Патриком Фоглером, писателем. Здание анклава на сто тринадцатой улице.

– О’кей. – Она захлопывает блокнот. – В настоящее время нет никаких оснований полагать, что смерть мисс Нири как-то связана с ее профессиональной деятельностью. Так что постарайтесь не тревожиться.

Мне требуется какое-то время, чтобы понять, что она имеет в виду.

– Вы мне не верите? Вы не думаете, что преследование имеет к этому какое-то отношение?

– Мы рассмотрим все версии, – говорит она нейтрально. – Но тот факт, что кто-то оставил для вас стихотворение и что вы получали цветы, не подтверждает линию расследования, которую мы сейчас разрабатываем.

92

Эйдан сообщает, что мы можем оставаться в зале столько, сколько захотим, а затем провести остаток дня как выходной. Луиза, дублерша, наконец перестает плакать. Она уходит в обнимку с Лоренсом. Остальные молча расходятся, погруженные в свои мысли.

Я звоню Генри, прошу проводить меня до квартиры. Когда он высаживает меня, Эйдан с Патриком уже там, обсуждают последствия для спектакля. По-видимому, новость уже во всех социальных сетях. Я иду на кухню, но не могу не подслушать их разговор.

– Я говорил с Фэйт, – произносит Эйдан. Фэйт – дублерша Няши. – Она готова выступить. Нам просто нужно немного переписать сценарий под персонажа, которого она сейчас играет.

– А публика не будет ждать, что мы отменим спекталь? – спрашивает Патрик.

– Я так не думаю. Актеры редко умирают во время репетиций, но такое случается. Все знают – шоу должно продолжаться.

«Такая реклама только поможет продаже билетов», – думаю я цинично.

– Мы выпустим обращение, – добавляет Эйдан. – «*Мы скорбим по дорогому другу и блестящему таланту. Внезапная потеря Няши – страшная трагедия, и нам ее будет очень не хватать*». И мы вернем труппу в репетиционный зал завтра утром. Фэйт понадобятся интенсивные прогоны.

– Он выглядит удивительно спокойным, – говорит Патрик после ухода Эйдана.

– Это его работа. Теперь актеры будут искать его поддержки.

– А ты? Ты в порядке?

Я колеблюсь.

– Я могу сказать тебе кое-что ужасное?

– Конечно.

– Когда я услышала, – медленно говорю я, – когда Эйдан рассказал нам… моей первой реакцией был шок. Я была в ужасе. И так жалко бедную Няшу. Но потом я почувствовала…

– Продолжай, – просит Патрик.

– Только крошечная, крошечная часть меня была разочарована. Потому что это окончательное доказательство, не так ли? Доказательство того, что Кэтрин ошибалась. Скорее всего, Стелла тоже была жертвой убийцы, как и все остальные девушки. Хотя часть меня надеялась… – Я останавливаюсь. – Я все еще надеялась, что это ты. Что у тебя была эта ужасная темная тайна, которой однажды ты поделишься со мной.

Он выглядит ошарашенным.

– Ты же не серьезно!

– Ты хотел узнать настоящую меня. Шокирован?

– Но это не настоящая ты, не так ли? – тихо произносит он. – Это она –

Аполлония, твой персонаж. Ты опять зашла слишком далеко…

Я качаю головой.

– Ее характер основан на моем – ты знаешь это. Я всегда была такой, Патрик. Просто мне потребовалось много времени, чтобы довериться тебе настолько, чтобы поделиться этим. Возможно, мне хотелось бы больше сочувствия, или сострадания, или чего-то еще, но факт в том, что я просто не так устроена. Вини в этом ребенка, который никому не был нужен, или пограничное состояние, или как ты там это называешь, но я не такая, как другие люди. Я просто не такая.

93

На следующий день мы возобновляем репетиции. Фэйт достаточно профессиональна, поэтому практически не меняет созданную Няшей роль: она сохраняет все по-прежнему, вплоть до тех же пауз, движений и преград, так что остальным не придется начинать с нуля. Будто Няша возвратилась. Это показывает, насколько талантлива Фэйт. Недаром говорят: сегодняшние дублеры – завтрашние звезды.

Несколько раз я даже ловлю себя на том, что по ошибке называю ее Няшей. Лоренс демонстративно упрекает меня за это.

Из всех актеров только Лоренс дает интервью СМИ, рассказывая им, как сильно он восхищался Няшей. Я подумываю о том, чтобы дать какому-нибудь блогеру понять, что она считала его шутом, но не буду этого делать. На меня многое навалилось, и интернет уже наводнен большим количеством историй о ней.

После двух дней интенсивных репетиций и всего за пять дней до премьеры вся постановка переходит из репетиционной студии непосредственно в театр. Площадка, которая до сих пор обозначалась цветными лентами на полу студии, внезапно становится физической реальностью. Так же, как и сцена прогона. У нас есть выходы в костюмах, технические вызовы, сигналы для команды освещения. Предварительная продажа билетов, по-видимому, проходит отлично. На первые две недели все уже распродано. Ну, кто мог устоять перед шоу о Бодлере, с которым теперь еще и связано убийство?

У меня своя гримерка – тесное пыльное пространство в коридоре. Закулисный лабиринт, который принадлежал бы Няше, если бы она была жива. Здесь есть туалетный столик, умывальник, зеркала, даже крошечная кушетка. Мне нравится. Каждый раз, когда я вхожу, останавливаюсь и

вдыхаю запах – смесь красок с декораций, сценической пыли и изъеденного молью бархата. Это аромат волшебного королевства.

Вскоре гримерка начинает наполняться цветами. От Патрика, от Эйдана, от Джесс, от Марси.

От Лоренса нет, замечу.

А потом приходит букет, который сразу бросается мне в глаза. Черные розы на длинных стеблях, завернутые в высокий бумажный конус с логотипом одного из самых дорогих флористов Манхэттена. Когда я разворачиваю его, мое сердце начинает колотиться, а букет разваливается. Цветы оказываются изуродованными, срезанными с искромсанных стеблей.

В напечатанной записке говорится:

Как буйно зелени цветенье!
О, как мне блеск весны сносить?
И я цветку готов был мстить
Невинному за униженье[23].

Я узнаю цитату мгновенно. Это из «Той, что слишком весела». Одно из стихотворений, которое Бодлер послал Аполлонии Сабатье. Стихотворение, которое позже было запрещено за непристойность, в котором он описал, как хотел убить ее.

94

– Ты же не думаешь, что мне это только кажется, – обращаюсь я к Патрику. – Он говорит, что это еще не конец, что Няша не последняя…

Патрик хмурится.

– Я позвоню флористу.

Он кладет трубку с озабоченным видом.

– Сказали, что цветы были в порядке, когда их забрали из магазина. Но затем они были доставлены в интернет-ячейку, а не в театр. Кто бы это ни сделал, он, похоже, разорвал их в клочья, прежде чем передать тебе.

– Флорист назвал имя?

Он качает головой.

– Онлайн-заказ. Оплачено через PayPal.

– Значит, ты не считаешь, что я параноик?

Патрик суетливо открывает бутылку красного вина, протягивает мне бокал и осторожно говорит:

– Нет. Но есть и другие объяснения, не так ли?

– Например? – ошеломленно спрашиваю я.

– Розыгрыш.

– *Что?* – начинаю я, но он меня обрывает.

– Лоренс, например. Он заметил испуг, когда ты получила первый букет. Может быть, это месть за тот маленький фокус, который ты ему устроила.

– И это абсолютно не учитывает того, что он не посылал мне первый букет. И он до сих пор не знает, что у меня есть это видео.

– Затем Эйдан. Режиссеры, как известно, намеренно пугают актрис, не так ли? – Он колеблется. – Особенно актрис, которые, по их мнению, не годятся для этой работы. Хичкок сделал это с Типпи Хедрен…

– Это не Эйдан, Патрик, нет. Он не хотел меня брать, но сделал это из профессиональных соображений. – Я отодвигаю вино нетронутым.

– Клэр…

Патрик колеблется.

– Да?

– Я должен спросить тебя об этом, – тихо произносит он. – Ты сама послала себе эти цветы?

– Ты шутишь, – не веря своим ушам, говорю я.

– Я бы понял. – Он смотрит в свой стакан. – Если бы это был способ попасть в роль, испытать чувства, которые, должно быть, были у Аполлонии, когда Бодлер посылал ей стихи. Но если это так, ты должна сказать мне.

– Ты же не думаешь, что я бы так поступила?

– Я знаю, ты способна на удивительные вещи. Я знаю, что ты вживаешься в свои роли. Это одна из черт, которую я так люблю в тебе. Я только не знаю, как далеко ты готова зайти.

– Я не посылала сама себе эти цветы, Патрик. – Я все-таки тянусь за стаканом и делаю большой глоток. – Это *он*, он делает это.

Той ночью я звоню Джесс и прошу ее об одолжении.

95

– Мне наконец удалось попасть на сайт, – рассказывает Генри, провожая меня в театр на следующее утро. – В скрытую часть Некрополя.

– И что? Ты что-нибудь нашел?

Мы на углу 116-й, рядом с уличным киоском, как раз там, где начинается Колледж-Уок. Я останавливаюсь, чтобы купить номер «Таймс» и посмотреть, нет ли новостей о Няше. Быстро его пролистываю. Похоже, что нет. Просто еще больше домыслов, наряду с несколькими упоминаниями о пьесе. *«Мисс Нири играла с актером Лоренсом Пизано и подающей надежды начинающей британской актрисой Клэр Райт»*. Это первый раз, когда кто-то использовал фразу «подающая надежды» в разговоре обо мне.

Генри качает головой.

– Если ты не загружаешь фото, ты не можешь видеть загрузки других пользователей.

– О, – разочарованно говорю я. – Я была уверена, мы получим ответ.

– Но я смог прочитать в списке названия доступных фотографий.

Что-то в его тоне заставляет меня посмотреть на него.

– Это как-то поможет?

– Последняя называлась «Призрак».

– Это Няша, должно быть, – сразу говорю я и чувствую легкое головокружение от осознания того, что была права.

– Есть кое-что еще, Клэр. – Он колеблется. – Было еще одно изображение – одно, которое до этого не существовало. Оно называлось «Скоро: *Мое обнаженное сердце*».

– Название нашей постановки.

Он кивнул.

– Генри, ты должен рассказать полиции.

– Теоретически я согласен, но в реальности, что они будут с этим делать? Причина, по которой люди используют эти сайты, – анонимность. Мы оба знаем, что копам могут понадобиться месяцы, чтобы выяснить, кто пользователи. – Он протягивает руку и неуклюже сжимает мое плечо. – Послушай, Клэр, не волнуйся, ладно? Я прикрою тебя, буду беречь.

96

Я захожу в гримерную и закрываю дверь. Технический прогон прошел хорошо. Сегодня вечером генеральная репетиция. Шоу начинается завтра.

Принесли еще цветы. Теперь цветы приходят каждый день, так что ничего необычного в этом уже нет. Однако мое сердце начинает колотиться, когда я читаю записку. В ней написано:

Мое обнаженное сердце.

Больше ничего, ни подписи, ни имени. Я со страхом разворачиваю букет. Цветы прекрасны и целы, никоим образом не изуродованы.

«Возможно, – думаю я, – они были отправлены всем, и флорист просто написал название спектакля, а не отправителя».

Я ложусь на кушетку и выполняю упражнения по запоминанию ощущений, пытаясь подзарядиться перед тем, как надену костюм. Но сосредоточиться трудно. Слова Генри продолжают крутиться у меня в голове: «*Я буду беречь тебя*».

И еще кое-что. Его прикосновение. Он сжал мое плечо. Возможно, я слишком чувствительна к мужскому вниманию, но в этом было что-то необычное.

А потом внезапно в моей голове все перестраивается, как декорации на подмостках.

Генри.

Когда меня допрашивала полиция в самый первый раз, я спросила, допрашивали ли они Генри. Фрэнк сказал, что да. Но как бывший полицейский Генри точно знал, как вести себя в такой ситуации.

Знал, как избавиться от подозрений в свой адрес и перевести их на меня…

Генри сам сказал, что, вероятно, скоро потеряет работу. Ему тоже были нужны деньги Стеллы. И как у человека, работавшего под прикрытием, у него хватило бы присутствия духа обставить место преступления так, чтобы оно выглядело не просто ограблением.

Я просто стала козлом отпущения за убийство Стеллы, которое совершил Генри?

В конце концов, я подходила идеально. Юридическая фирма собиралась кинуть меня из-за моей предполагаемой преступности. Он мог бы использовать обвинения Рика, адвоката-подонка, и изобразить меня не только воровкой, но и искусной вруньей.

Он даже уговорил меня встретиться со Стеллой заранее. Что Стелла сказала ему той ночью? *Я знала, что это ошибка*. Как будто это он убедил ее сделать все.

Некоторых парней захватывает сумрак, и они уже не могут его отпустить…

Я качаю головой, освобождаясь от этих мыслей. Полиция проверила Генри, как и обещала. Его неуклюжая рука сжимала мое плечо, потому что он чувствовал себя защитником, не более того.

И, может быть, потому что, если честно, Генри немного запал на меня с тех пор, как я впервые пришла на собеседование, когда притворялась, что флиртую с ним в том баре.

Генри охраняет меня. Я должна перестать быть таким параноиком.

Раздается стук.

– Кто там? – спрашиваю я.

– Прическа и макияж.

Я открываю дверь. За ней стоит молодой человек.

У него ухоженные короткие волосы, широкая улыбка и небольшое количество теней на веках. За плечом – складной ящик, в каких обычно гримеры хранят косметику. На шнурке пропуск в театр, как и было предписано всем сотрудникам.

– Привет, – говорит он звонко. – Я – Глен, мисс Райт. Как у вас сегодня дела?

– О, привет. – Я знаю, что Лоренс и Няша настаивали на том, чтобы помощники по макияжу и волосам были записаны в их контрактах, но я предполагала, что и сама справлюсь. – Входите. И, пожалуйста, зовите меня Клэр.

– Рад познакомиться, Клэр.

Он снимает с плеча ящик для косметики и открывает его. Верхняя секция лесенки состоит из ряда лотков, набитых кистями и карандашами для макияжа.

– Приступим к работе? Вам нужно надеть халат.

– Конечно.

Эйдан хочет, чтобы я побледнела перед сценой со статуей. Я отворачиваюсь от Глена, снимаю топ и надеваю халат.

Я делаю это и одновременно смотрю в зеркало. Он наблюдает за мной. Что на первый взгляд непрофессионально. Но, возможно, Глен просто смотрит на то, с чем ему придется работать. *Не надо быть параноиком.*

Я сижу. Мы вместе критически рассматриваем мое лицо в зеркале.

– Если вы можете что-нибудь сделать с этим… – говорю я, указывая на прыщ у себя на лбу. Хотя прошло десять недель с тех пор, как я перестала принимать таблетки Бэннера, моя кожа все еще не успокоилась.

– Нет проблем, – отвечает он, беря мою голову и наклоняя ее туда-сюда. Его пальцы в тонких белых резиновых перчатках холодны. – Когда я закончу, вы станете самым красивым трупом, который когда-либо видел этот театр.

Я вздрагиваю. Я не могу не думать о Няше.

– Строго говоря, я статуя. И только для одной сцены.

Глен тянется к ящику и открывает другой ряд, выбирая цветной карандаш в одном из отделений.

– Кстати, мне нравится ваше шоу. Я уловил технику. Все хороши, но вы были великолепны.

– Спасибо, – скромно отвечаю я.

Он умело втирает тональный крем мне в лоб, двигаясь маленькими кругами к прыщу.

– Честно говоря, я неравнодушен к Шарлю Бодлеру. – Он произносит имя так, как это делает Патрик, с французским акцентом.

Остановившись, Глен смотрит на меня в зеркало и мечтательно цитирует:

О Скорбь! Спокойной будь и мудрою! Тобою
Был вызван Вечер. Он к тебе нисходит. Вот.
И сумрак обволок окрестность пеленою,
Несущей – мир одним, другим – мильон забот[24].

Я смотрю на свои руки. У меня мурашки по коже.

– Вы очень хорошо его читаете.

– Спасибо… Вы знаете, чем заканчивается стихотворение?

Я качаю головой.

– Патрик специалист по Бодлеру, а не я. Вам стоит поговорить с ним. – Хотя даже Патрику, я подозреваю, не понравится внимание этого суперфаната.

– О, Патрик *переводчик*. – Глен машет мне в зеркале маскировочным карандашом, как грозным пальцем. – Истинным поклонникам некоторые из его переводов могут показаться немного *вольными*. Правда, не этот. Этот почти как колыбельная, не так ли? Колыбельная смерти… – Он все еще смотрит на меня и продолжает:

Диск Солнечный заснул под аркой, умирая;
Следи, любимая: огромный саван свой
Ночь сладостно влачит, к Востоку выступая!

Это всегда видно по глазам.

Этот намек на радость, когда Глен произнес слово «сладостно». Почему у него так все безоблачно?

Он наклоняется, чтобы положить карандаш в футляр. Вот тогда-то я и вижу, что на нижних рядах полно стальных инструментов: скальпелей, иголок и уродливых крючков, Они выглядят так, будто им место в кабинете дантиста.

Все вдруг встает на свои места.

Изображение. Цветок. Поэма.

Мое обнаженное сердце.

Не Генри, не Патрик, в конце концов, не тот, кого я знаю, а этот нежный незнакомец с ухоженными волосами и сияющей улыбкой.

– Не могли бы вы передать мне мой сценарий? – прошу я. – Это там.

– Конечно.

Он поворачивается, чтобы взять его. В этот момент я уже на ногах. Но стул падает на пол, и Глен резко поворачивает голову. Он хватает что-то в своем футляре и достает скальпель. Я отскакиваю назад, но гардеробная крошечная, и я спотыкаюсь о кушетку. За моей спиной стена. Бежать некуда.

Когда Глен приближается ко мне, на его лице выражение полнейшей радости. Как у ребенка на аттракционе.

Нагнувшись, я нащупываю под матрасом пистолет Джесс.

Я надеюсь, что когда он его увидит, то остановится. Но он этого не делает.

И теперь у меня есть доля секунды, чтобы решить. Доля секунды, которая длится вечность.

Не думай. Действуй.

Так я и делаю.

97

Театр закрыли.

Выбора не было. Даже те, кто говорил, что шоу должно продолжаться, не могли игнорировать практические требования полицейской команды, проводящей детальный осмотр места убийства. К тому же надо было разобраться со всеми допросами.

Конечно, я нарушила закон. Даже в Америке иностранцы не могут носить оружие без лицензии. Но тот факт, что это была самооборона, давал адвокату Патрика какой-то козырь.

Полное имя нападавшего – Глен Фурман. Полиция быстро выяснила, что он был практикантом в похоронном бюро, поэтому достаточно хорошо

разбирался в косметике, чтобы выдать себя за помощника парикмахера и косметолога. Он был одержим «Цветами зла». В его квартире нашли дюжину экземпляров с пространными аннотациями.

В косметичке лежала цифровая камера, настроенная на загрузку изображений прямо в Некрополь.

Когда полиция закончила заниматься мной, наступило утро. Измученная, я присоединилась к остальным актерам в репетиционной студии, где они решали, что делать дальше: то ли попытаться ставить спектакль где-то еще, то ли отменить его.

Лоренс считал, что мы должны отменить.

– Подумайте о главном вопросе пьесы, – говорил он. – Это то, что обвинитель предъявляет Бодлеру на суде: что, если ваши стихи вдохновят хотя бы одного человека на зло, какова тогда ваша ответственность? – Он оглядел всех нас. – Что, если, поставив пьесу, мы поможем создать еще одного психопата вроде Фурмана? Как мы сможем тогда жить?

– Клэр? – тихо спрашивает Эйдан, поворачиваясь ко мне. Он тоже выглядел усталым. – Каково ваше мнение? Вы больше всего пострадали от этого.

Я ответила не сразу. По какой-то причине у меня вдруг возникло яркое воспоминание о том дне, когда я впервые приехала в дом Гэри и Джули. Меня вышвырнули из моей предыдущей приемной семьи всего через несколько недель, и все мое имущество было в мусорных мешках. Потому что, хотя у социальной службы всегда были деньги, чтобы заплатить за такси и добраться от одной приемной семьи до другой, на чемоданы денег никогда не было. Хотя в детстве я в основном путешествовала – двигалась дальше.

Я помню, как подняла один из мешков и поняла, что, если бы социальная служба могла, то поместила бы и меня в него и выбросила. Потому что я для них – мусор.

– Я думаю, мы должны выступить, – сказала я Эйдану. – У нас больше никогда не будет такой возможности. По крайней мере, у меня точно не будет.

Я увидела, что все смотрят на меня. Как будто я какое-то чудовище. Но дело в том, что я была права. В то время как Лоренс просто бормотал банальности, которые, вероятно, прочитал в «Твиттере».

Эйдан поставил вопрос на голосование. Я была единственной, кто хотел продолжать.

Патрик отвез меня домой. И вот тогда я наконец рухнула, меня тошнило, и я плакала, снова и снова прокручивая в голове эту сцену.

Оказывается, единственное, что никогда не показывают правдоподобно в фильмах, это смерть. Люди не просто хватаются за рану и лежат неподвижно, чтобы действие продолжалось вокруг них. Тело не хочет умирать. Оно не сдастся до тех пор, пока ты не поймешь, что так и должно быть. Тело истекает кровью, дергается и задыхается. Тело борется, даже сильнее, чем медики, которые спешат его спасти. Тело отказывается принять неизбежное.

Но кто бы мог думать, что в старике окажется столько крови![25] Я произнесла эти слова на сцене, когда мне было шестнадцать. Тогда я понятия не имела, что они на самом деле означают, хотя люди говорили, что мое выступление было блестящим.

Из всех образов, крутящихся в голове, есть тот, от которого я не могу освободиться. Не момент, когда я выстрелила в Глена Фурмана в первый раз, потому что это лишь чуть-чуть его притормозило. А когда я второй раз нажала на курок и Глен опустился передо мной на колени. Его губы шевелились – он пытался что-то сказать, но пуля пробила ему легкое, и в его голосе не было силы, чтобы произнести слова. Это было просто пустое шипение, как воздух, выходящий из воздушного шара.

Вот что чувствую я сейчас – пустоту, опустошенность, будто внутри ничего не осталось.

98

– Мы поедем в Европу. Я хочу показать тебе Париж.

Все, чего мне сейчас хочется, это спать, но я не могу.

– Ты забываешь, что я приехала из Европы. Я отправилась в Париж на экскурсию, когда мне было четырнадцать. Я и еще одна девушка сбежали, чтобы найти трансвеститов в Булонском лесу.

– Это совсем другое. – Патрик нежно гладит меня по волосам. – Я покажу тебе, где тусовался, когда был студентом. Где я впервые узнал Бодлера. Было бы хорошо уехать, тогда мы сможем нормально поговорить. Я хочу тебя кое о чем спросить. Но не хочу делать это здесь.

Что-то в том, как он это произнес, заставляет меня подумать, что он имеет в виду нечто большее, чем просто пустую болтовню. Но это нормально. После смерти Глена Фурмана мы с Патриком наконец-то избавились от взаимных подозрений.

Кроме того, я догадываюсь, о чем Патрик хочет спросить меня в городе любви.

– Что ж… звучит неплохо.

Его рука продолжает гладить мои волосы.

– *Каково* это было, Клэр?

Не притворяйся, что не знаешь, о чем он спрашивает.

– Честно?

– Честно.

– Я горжусь, во-первых, тем, что так быстро отреагировала, не останавливаясь, чтобы проанализировать ситуацию. Это из-за импровизационных игр Пола, похоже. Я подумала… – Я смотрю на Патрика. Мне стыдно это произносить, но теперь я знаю, что он любит меня такой, какая я есть, что я могу доверить ему самые худшие вещи в своей голове. – Я нажала на курок и подумала, *что хорошо сыграла*.

– А потом?

– Потом я была в ужасе и от того, что сделала, и от своей реакции. Но это продолжалось недолго. И тут я почувствовала… – Я снова останавливаюсь. Интересно, могу ли я кому-нибудь это сказать?

– Да? – мягко спрашивает он.

– Я почувствовала себя *настоящей*, – говорю я. – После того, как убила Глена Фурмана, я почувствовала себя реальной, как никогда прежде.

Быть правдивым с тем, кому доверяешь, – нет другого чувства, подобного этому.

99

Через пять дней мы летим в Париж.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – говорит Патрик, когда мы едем в аэропорт.

Судя по его спокойствию, по тому, как он не сводит глаз с дороги, я понимаю, что это что-то важное.

– Ну? – говорю я, ожидая продолжения.

– Давным-давно, когда я учился в колледже, у меня была девушка. Она была красива и умна, и я боготворил землю, по которой она ходила. По крайней мере, так мне казалось. – Он останавливается, собираясь с мыслями. – Но потом однажды вечером я увидел другую женщину. Она стояла там, у дороги. Проститутка. Что-то заставило меня снять ее… Это было откровение. Внезапно я почувствовал, что могу делать все, что у меня в голове. И она подходила мне во всем, о чем я мечтал, и подталкивала меня идти дальше. Я был одержим ею.

Мы проезжаем через туннель, натриевые лампы над головой освещают его лицо. Кажется, он этого не замечает: его взгляд устремлен куда-то в далекое прошлое.

– Продолжай, – тихо говорю я.

– Однажды ночью все зашло слишком далеко. Авария. Она знала, на какой риск мы идем. Ей просто не повезло…

Его руки на руле не дрожат, скорость не меняется. Но я вижу, как напряглись его плечи.

– Она умерла, – произносит он.

Я не могу говорить. *«Прислушайся к своим чувствам»*, – наставлял меня Пол. Но что, если ты не знаешь, что чувствуешь? Что, если всего слишком много?

– Я говорю тебе это сейчас, – добавляет Патрик, – потому что не хочу, чтобы между нами были еще какие-то секреты. И потому что у тебя есть выбор. В моей сумке вместе с двумя билетами в Париж есть билет в один конец до Лондона. Если хочешь, можешь лететь к своей прежней жизни. Или остаться со мной. Все зависит от тебя, Клэр. Но прежде чем решить, знай, я люблю тебя.

Мы выезжаем из туннеля. Я долго смотрю в окно на мелькающий бесконечный город.

Я

Хочу остаться с тобой.

И я счастливо улыбаюсь ему. Потому что лучше, чем делиться своими плохими секретами, может быть лишь то, когда человек, которого ты любишь, делится ими с тобой.

100

Патрик забронировал номер в крошечном отеле рядом с Триумфальной аркой, в тихом изящном доме восемнадцатого века. Я распаковываю вещи и, пока его нет, расслабляюсь в огромной белой ванне.

Когда он возвращается, то отказывается рассказать мне, где был.

«Договаривался», – загадочно отвечает он, когда пытаюсь на него надавить. Я замечаю в его кармане квадратную коробочку с кольцом и больше не спрашиваю.

На следующий день он берет меня с собой на экскурсию по своему

авторскому маршруту, посвященному жизни Бодлера. Отель де Лозен, где Жанна жила вместе с поэтом. Статуя ню Аполлонии работы Клезингера в музее Д’Орсе. Де Маго, знаменитый бар, где богема, в том числе и Бодлер, собиралась, чтобы выпить и поспорить.

Во второй половине дня мы посещаем прибежища Патрика с его студенческих времен – «Лефт Бэнк», кафе «Флора» и, что приятнее всего, крошечные мощеные улочки маленькой Африки, где мы едим кускус и пьем домашнее красное вино из немаркированных графинов. В окнах кафе висят кальяны, мундштуки украшены серебряной фольгой. На одном он показывает мне, как вытянуть горячий табак через пузырящуюся ванночку с араком, отчего у меня кружится голова, и я пьянею.

– Жди меня здесь, – просит он и идет к задней двери. Затем возвращается уже с бутылкой без этикетки. – Абсент, – объясняет он, наливая две порции зловещей зеленой жидкости. – Просто чтобы завершить опыт. Он содержит слабый галлюциноген.

Он берет ложку сахара из миски, опускает ее в жидкость, затем держит над свечой. Сахар начинает пузыриться, и он размешивает его в абсенте.

– У нас будет похмелье?

– Конечно. Но, в отличие от Бодлера, у нас есть доступ к ибупрофену. Спасение!

– Спасение, – эхом отзываюсь я.

Остаток дня проходит как в тумане; смутное воспоминание о пульсирующих цветах, головокружение на американских горках, Патрик, читающий свои любимые стихи, отчего мое сердце расширяется, словно наполненное гелием.

В тот вечер он велел мне одеться потеплее.

– Зачем? Этот солнечный вечер гораздо теплее, чем холодная осень, которую мы оставили позади.

– Мы идем в холодное место.

Он берет рюкзак.

Патрик просит таксиста отвезти нас на кладбище Монпарнас. После того, как такси высаживает нас, мы проходим через пару массивных каменных ворот в парк с аккуратно выложенными дорожками и аллеями деревьев. Между аллеями – могилы, их, по словам Патрика, более тридцати пяти тысяч – это буйство разных стилей, от готики до модерна.

Патрик ведет нас в тихое место в центре.

– У Бодлера здесь и могила, и кенотаф – погребальный памятник, – объясняет он. – Это кенотаф.

Скульптура из белого мрамора, восемь футов высотой. Двусмысленная фигура, наполовину ангел, наполовину дьявол, смотрит на изображение поэта на смертном одре. На постаменте разбросано около дюжины билетов на метро, каждый из которых придавлен камнем.

– Вот так люди выражают здесь свое уважение, этим они показывают, что совершили особое путешествие.

Патрик достает из кармана наши билеты и наклоняется, чтобы положить их в стопку.

Затем мы посещаем могилу, где останки поэта похоронены рядом с могилой его матери, и потом покидаем кладбище, продолжаем путь по улице Фруадво и останавливаемся у маленьких ворот из ржавых железных прутьев, вделанных в стену. За ними – ступеньки, которые, похоже, ведут в какой-то подвал.

Патрик достает ключ и открывает ворота.

– Нам повезло. Я боялся, что они сменили замки.

Он достает из рюкзака два фонарика.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, заходя внутрь.

– В катакомбы. – Он осторожно запирает за нами ворота, включает фонарик и знаком показывает мне идти вперед. – Таких входов десятки. Они заперты, но ключи можно купить на черном рынке. Студенты иногда устраивают здесь вечеринки.

Я спускаюсь по ступенькам. Легкий прохладный ветерок дует из темноты, принося с собой запах сухого, затхлого разложения. И абсолютная тишина.

– Я не слышу звуков вечеринки.

– Вряд ли их можно услышать. Эти туннели тянутся более чем на двести километров.

В свете факела я вижу каменный потолок, какой-то серый меловой гравий под ногами. Только звук наших шагов и капель воды.

– Первоначально это были каменоломни, некоторые из них датируются римскими временами, – раздается позади меня голос Патрика. Эхо отсутствует, звук каким-то образом поглощается окружением. – Только в восемнадцатом веке им пришла в голову блестящая идея перенести сюда кладбища.

Он освещает фонариком пространство, через которое мы проходим. Сначала оно кажется довольно узким. Потом я подпрыгиваю. То, что я приняла сначала за стены, на самом деле оказывается грудой человеческих черепов, почерневших от времени.

– В этой части туннелей кости шести миллионов парижан, – добавляет

он. – Это было одно из любимых мест Бодлера.

Мы идем по пещерообразным каменным залам, высоким и широким, как церкви. Постепенно кладбище остается позади. Наконец-то Патрик останавливается.

– Сюда, – произносит он, жестикулируя.

Еще несколько шагов – и мы рядом с несколькими ступенями, высеченными в скале. Под нами бассейн с кристально чистой водой, совершенно неподвижной. Патрик спускается первым, затем зачерпывает пригоршню и пропускает воду сквозь пальцы.

– Когда каменотесам нужно было помыться, они просто копали до уровня грунтовых вод. Это чище, чем Эвиан. И вдвое старше.

Он достает из рюкзака маленький серебряный канделябр, полотенце и бутылку шампанского.

– Мы будем купаться? – спрашиваю я, когда он зажигает свечи.

– Да, но попозже. Сначала я хочу тебе кое-что показать.

Я улавливаю напряжение в его голосе. Я понимаю, что это не просто экскурсия. Это своего рода представление, и я – зритель. Я соглашаюсь опустошить разум от всего, кроме развертывания его ритуала.

Оставив вещи, мы идем по все более узким коридорам, подходим к другим ступеням и снова спускаемся. Сейчас мы находимся в своего рода тупике, пещере размером с часовню, вырубленной в скале, с несколькими меньшими комнатами, идущими от нее. При свете фонарика я вижу два рюкзака, прислоненных к стене.

– Это для нас? – спрашиваю я.

– Пригодится в походе, – кивает он.

– Это то, что ты устраивал вчера вечером?

– В некотором роде. – Он освещает фонариком сводчатый каменный потолок. – Мы сейчас прямо под его могилой. Я рад, что ты здесь, Клэр. Для меня это особенное место.

Он идет в боковую комнату, и она наполняется теплым желтым светом, когда Патрик зажигает газовую лампу.

– Ну, это здорово, – произношу я, глядя на голые стены. – Очень *уютно*.

Ответа нет. Потом я слышу звук, похожий на рыдание.

– Патрик?

Ответа нет. Я иду в дальнюю комнату.

– Ау? – осторожно произношу я. – Ау?

Внезапно без предупреждения из темноты к моим ногам устремляются две руки. Я отпрыгиваю назад, задыхаясь. Руки исчезают, но я успеваю

заметить, что они связаны тканью.

Бесшумно позади меня появляется Патрик, держащий газовую лампу.

– Патрик, что происходит?

Он поднимает лампу и освещает молодую темнокожую женщину, скорчившуюся на полу. Ее ноги связаны, конец привязи прикреплен к железному кронштейну в стене.

Тканью завязан рот.

– О боже, – шепчу я. Голова *кружится*. Есть только одно возможное объяснение, что здесь происходит, но мой мозг отказывается это переварить, признать, что все, во что я верила, было ложью.

– Не только Глен Фурман встречал единомышленников на Некрополе, – спокойно говорит Патрик. – Это удивительно процветающее сообщество. Наши интересы могут быть узкоспециализированными, но интернет позволяет нам найти друг друга. А иногда и помогать друг другу. У меня есть друзья в Париже, которые были только рады сделать это для меня.

– Кто она? – спрашиваю я в ужасе.

Патрик даже не смотрит на дрожащую девушку.

– Кажется, ее зовут Роза. Она никому не нужна, кроме тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Она будет твоей первой, – просто говорит он. – Так же, как та девушка у дороги была моей.

– О нет, – говорю я в ужасе. – Ты не можешь так…

– Аналогичный тест провалила Стелла. Я так ее любил. Но она не смогла принять меня, как только все узнала. Она не была такой сильной, как ты.

– Ты убил ее, – шепчу я. – Ты убил ее из-за того, что она знала.

– Да, я убил ее, но не из-за этого. Я знал, она была слишком напугана, чтобы идти в полицию. Убил из-за девушки, которую встретил той ночью в баре. Она читала со мной одно из стихотворений. И ее голос… Это был идеальный момент, полный обещаний, возможностей. Тогда я понял, что Стелла должна умереть. – Он делает шаг ко мне, не сводя с меня светлых глаз. – Как только мы встретились, я понял, что ты необыкновенная, Клэр. Та, с кем я мог бы поделиться всем. Но теперь ты должна доказать, что сможешь это сделать.

– Не могу. Патрик. Я не могу.

– Но ты уже это делала, – резонно замечает он. – Ты убила бедного обманутого мальчика. Ты сама сказала, это заставило тебя почувствовать себя *реальной*. Я снова предлагаю тебе испытать это чувство. Но ты не

представляешь, насколько интенсивнее будет теперь.

– Патрик, пожалуйста…

– Итак, теперь мы должны сыграть в последнюю игру на доверие, – продолжает он, как будто я ничего и не говорила. – Ты должна убить ее. А если нет… Ты видишь, на какой риск я иду, Клэр? Я могу потерять тебя так же, как я вынужден был потерять Стеллу.

101

Ощущаю тошноту. Я была такой глупой. Я думала, Патрик привез меня сюда, чтобы сделать предложение, а он привел меня сюда убивать.

– Патрик, я не могу, – повторяю я.

Но маленькая ужасная часть меня уже размышляет: *смогу* ли я?

– Можешь, любовь моя. Ты можешь, я знаю, на что ты способна. – Его голос низкий, спокойный, гипнотизирующий. – Я наблюдал за тобой, испытывал тебя.

– Патрик… мне нужно время, пожалуйста!

Он на мгновение задумывается, затем, повернувшись к девушке, говорит с ней по-французски. Ее испуганные глаза расширяются. В отчаянии она кивает.

– Хорошо. – Он достает нож и разрезает веревку, привязывающую ее к стене, оставляя руки связанными. Затем кладет нож в нескольких футах перед девушкой.

– Я только что сказал ей, что если она хочет выбраться отсюда живой, то ее единственный вариант – убить тебя, – произносит он буднично. – Так что теперь ты действительно должна сделать выбор, Клэр.

Роза приближается к ножу.

– Знаешь, есть стихотворение Бодлера о загадке. – Патрик достает из рюкзака пистолет и протягивает мне. – Он описывает зверинец, зоопарк, полный всевозможных пороков, и загадывает загадку: кто чудовищнее, хуже всех? Ответ – ты, читатель, кто может наслаждаться ужасами в стихах, не замаравшись кровью.

– Не бери нож, Роза, – говорю я в отчаянии. Кажется, она меня не слышит. Я даже не знаю, говорит ли она по-английски.

– Ну, теперь тебе придется замараться, – говорит Патрик.

Роза колеблется, затем бросается за ножом, пытаясь поднять его связанными руками.

Я неохотно беру пистолет.

– Хорошо, – выдыхает Патрик. – Давай, любовь моя, сделай это сейчас.

Убить или быть убитой. Невероятная ясность сновидения. Я даже не могу переварить собственные эмоции – отвращение, ужас, неверие переполняют меня.

И еще кое-что: ужасное осознание того, что этот момент будет длиться вечно. На каком-то уровне я всегда это знала.

Я *хотела* этого.

102

Ребенок оказывается в приемной семье по разным причинам. У некоторых родители алкоголики или наркоманы. Некоторые дети сироты. Другие забыты или обижены.

Я говорила людям, что я сирота. Но это было неправдой. Мои родители переживали то, что люди называют полосой невезения. Драки продолжались всю ночь. Однажды отец вошел в мою спальню, разбудил меня и начал бранить маму – он хотел, чтобы я знала, какая она шлюха, знала *правду об этом так называемом ангеле, который считает, что она намного лучше меня*. Я помню, как мельком увидела ее за его спиной, когда мама пыталась оттащить его от меня; увидела, как он развернулся с вытянутой рукой, так же небрежно, как если бы разбрасывал семена. И то, как его рука коснулась ее лица и как мама упала на пол. Для ребенка это выглядело так же гладко, как танец. Однажды он переломал всю мебель в гостиной и бил маму ножкой стола до потери сознания. Раз за разом она выгоняла его, но он возвращался всегда с одной и той же мантрой: «Это мой дом, моя дочь, и ты не можешь лишить меня их».

Я пряталась под кроватью, когда они ссорились.

Там он и нашел меня той ночью.

– Выходи, Клэр, – сказал он. – Мама поранилась. Я должен идти. – Я сидела на кровати. – Дай маме отдохнуть, ладно? Маме нужно поспать, тогда она почувствует себя лучше. Утром ты сможешь одеться и пойти в школу? Если кто-нибудь спросит, не говори, что мама в постели. Просто скажи, что она в порядке. Ты сможешь это сделать?

– Да, папа, – кивнула я.

– Хорошая девочка. Я люблю тебя. Ты любишь меня?

– Я тебя очень люблю, – ответила я.

На суде мне предложили дать показания по видео или за ширмой, но я

этого не хотела. Я хотела, чтобы отец увидел, как я рассказываю всем вслух то, что раньше держала в секрете.

Судья сказал, что я один из самых смелых свидетелей, которых он когда-либо видел в зале суда.

Он приговорил моего отца к пожизненному заключению за убийство. Я никогда не навещала отца в тюрьме, ни разу.

103

Катакомбы, Париж, ночь.

Патрик говорит со мной спокойно, умиротворяюще.

Патрик

Ты делала это и раньше, Клэр. Тогда ты нажала на курок. Помнишь, как это было просто? Доверься мне. Это тоже будет легко.

Я поворачиваюсь, я будто просто в сцене, которую мы репетируем. Прицеливаюсь. Стреляю. Я стреляю в Патрика. В монстра, которого люблю.

104

Я нажимаю на курок. Пистолет щелкает. Патрик вздыхает.

– Когда я сказал, что доверяю тебе оружие… Я говорил метафорически. Он не был заряжен.

Он берет из моей руки пистолет и заряжает его. Затем направляет на Розу, выхватывая нож из ее рук. Она отчаянно всхлипывает сквозь кляп, когда он привязывает веревку к обручу в стене.

– Пойдем, – обращается он ко мне, игнорируя девушку.

– Куда?

– Понятия не имею. Никуда. Куда угодно. Я не хотел, чтобы это случилось, Клэр. Я хотел, чтобы ты сделала это, поняла меня, чтобы разделила мой мир.

Мы возвращаемся в помещение с бассейном. Свечи, которые Патрик зажег раньше, теперь догорели, оплыли.

Он достает из рюкзака бутылку.

– Выпей, это заглушит боль.
Я делаю большой глоток. Абсент.
– И почитай мне, – тихо просит он. – Прочти вслух, как в первый раз.
Я беру книгу, которую он протягивает, и ровным бесцветным голосом начинаю читать:

Так много помню я, как живший сотни лет!

На лице Патрика слезы. Я выпускаю книгу из рук, и остальное читаю по памяти:

Пусть шкап большой хранит романсы, груды смет,
Записки и стихи, судебные тетради,
В любовных письмецах волос тяжелых пряди, —
Все ж менее в нем тайн, чем мозг скрывает мой!

Он обнимает меня за шею.
– Константинополь, – говорю я.
– Что? – хмурится Патрик.
– Мое стоп-слово. Я говорила, что не помню его. Произнесение его означает просьбу прийти за мной. Сейчас. Константинополь.
– Итак, Клэр? – недоверчиво говорит он.
Что-то падает в комнате. Круглый металлический предмет. Краем глаза я вижу, как он катится по земле, ударяется о стену и останавливается.
Долю секунды ничего не происходит. Затем взрыв белого света. Мгновение спустя раздается шум, удар такой силы, что сбивает нас обоих с ног. У меня звенит в ушах. Лучи прорезают заполненную дымом темноту – темные фигуры в черной униформе штурмуют пещеру со всех сторон.
Одна из них опускается на колени рядом со мной и поднимает забрало.

Командир спецназа
Клэр! Клэр, вы в порядке?

Я чувствую, как его руки мягко впиваются мне в плечи, когда он поднимает меня.
– Фрэнк, – говорю я. – Ты пришел.

Ла Мартин, расположенный недалеко от Лиона, имеет долгую и внушительную историю. Первоначально это был сумасшедший дом, позже он использовался гестапо для допросов. Сейчас здесь тюрьма с одним из самых строгих режимов в Европе, ставшая из-за своей близости к штаб-квартире Интерпола чем-то вроде общемировой тюрьмы.

Кэтрин Лэтэм приходит сюда морозным декабрьским утром, как и многие до нее, чтобы провести допрос. Ее отводят в маленькую комнату пастельных тонов, где когда-то давно следователи использовали резиновые шланги, ванны, полные дерьма, дубинки, тиски для пальцев.

Она принесла с собой ручку и бумагу, небольшое записывающее устройство и пачку французских сигарет.

Входит Патрик Фоглер. На нем стандартная тюремная роба: свободные джинсы и джинсовая куртка, запястья скованы наручниками.

– Я принесла вам сигарет, – произносит она, когда мужчина садится. – Я слышала, что вы теперь курите.

– Здесь все курят. Не как в Америке.

– Они хорошо с вами обращаются?

Он пожимает плечами.

– А вам какое дело? Терпимо.

Она толкает ему сигареты через стол.

– У меня к вам предложение, Патрик.

– Ах да, – усмехается он. – Бесстрашная ученая в поисках истины. Не говоря уже о профессиональном росте. Столько нужно публиковаться, не так ли? Без сомнения, вы надеетесь получить от меня хорошую толстую монографию.

– Ваши отношения с другими пользователями на Некрополе, – говорит она спокойно. – Я хочу знать больше о том, как это работает. Кто кого кормил? Вы с Фурманом видели друг в друге конкурентов или коллег-художников, сотрудничающих в разных сферах? Остались бы нереализованными некоторые из ваших желаний, если бы не созданные им изображения? Или вы всегда надеялись, что переводы найдут последователей, подобных ему? Здесь много материала, Патрик, и все это нам в новинку. Если вы будете сотрудничать, я, возможно, смогу взамен сделать что-то для вас.

– Я не думаю, что в моем случае будет сделка о признании вины, доктор Лэтэм.

– Это не то, что я предлагаю. Это больше похоже на обмен. Вы отвечаете на мои вопросы… и я отвечаю на ваши…

– Почему вы считаете, что *у меня* есть *к вам* вопросы? – говорит он сухо.

– О, я думаю есть, как минимум один вопрос.

Он есть, и Патрик признает это неохотным кивком.

– Вы хотите знать, насколько это все реально, – добавляет она. – Понимала ли Клэр значение хоть одного слова из тех, что она вам сказала? Или она просто выполняла наши приказы все это время?

Он откидывается назад.

– Так расскажите мне.

– Она замечательный человек, Патрик. И замечательная актриса. Когда мы нашли ее, она изучала актерское мастерство, которое включало, в том числе, и погружение в роль с абсолютной самоотдачей. Это было ее предложение – чтобы сделать то же самое с ролью, которую мы просили ее сыграть.

Офис Кэтрин Лэтэм, ночь.

Кэтрин инструктирует меня.

Кэтрин

Вам нужно стать более экстремальной версией себя. И вы должны быть этим персонажем двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, даже если окажется, что люди, которым вы доверяли больше всего, предали вас.

Я

Я смогу это сделать.

Кэтрин

Есть еще кое-что… Что-то, что вам придется сделать, если это будет правдоподобно.

Я

Я знаю.

– Я сказала ей, что она должна влюбиться в вас, – просто говорит Кэтрин. – И что она должна следовать логике этого чувства, куда бы оно ее

ни привело. И неважно, насколько предательским, безумным или опасным это казалось.

Патрик на мгновение закрывает глаза.

– Значит, все это *было* ложью.

– Вы упускаете главное. Для нее нет никакой разницы, она любила вас. Она *заставила* себя полюбить вас. Это то, что нам нужно было от нее.

Патрик тихо цитирует:

О, нет! Притворство лишь, ах, украшенье лишь
Тот лик, что озарен гримасою прекрасной[26].

Он бросает на Кэтрин острый взгляд.

– А Некрополь?

– Что Некрополь?

– Вы каким-то образом проникли туда, не так ли? ФБР. И вместо того, чтобы закрыть его, вы просто сидели и наблюдали за нами. Изучали нас, как будто мы ползали вокруг муравейника в лаборатории. Я даже готов поспорить, что это вы послали мне изображения Фурмана. – Он наклоняется вперед. – А знаете, что вы соучастница всех убийств, которые произошли после этого? Включая Стеллу. Бедная Стелла. Может, я и убил ее, но именно вы привели этот механизм в движение…

Кэтрин нажимает кнопку на диктофоне.

«Интервью с Патриком Фоглером, – произносит она. – Запись номер один».

106

Нью-Йорк, Вест 44-я улица, бар отеля «Дельтон», сумерки.

Я сижу в тихом уголке бара, с бокалом в руке, пытаясь растянуть удовольствие. Вы вероятно думаете, что я на свидании, но когда увидите дородного мужчину средних лет, который плюхнется на сиденье напротив меня, то измените свое мнение.

Я улыбаюсь ему через стол.

– Что тебя задержало, Фрэнк?

– Бумажная волокита. В наши дни быть детективом значит быть чертовой машинисткой. – Он подзывает официантку и заказывает пиво, затем поворачивается ко мне: – Ты в порядке?

– Да… – отвечаю я. – Спасибо, что спросил.

– Я имел в виду выпивку, – хрипло говорит он.

– Я знаю. И да, я в порядке.

Фрэнк кивает, лезет в карман пиджака, достает конверт и кладет на стол.

– Вот. Нужно подписать и отправить по почте. Грин-карту сделают в течение недели.

Я смотрю на конверт, но не беру его.

– Я могу вернуться в Англию, Фрэнк.

Он поднимает брови.

– Да?

– У моей приемной матери день рождения. Я должна быть там. А потом, все те вещи, от которых я убегала… Они больше не кажутся такими уж страшными по сравнению с… – Я оставляю предложение незаконченным.

– Наверное, – тихо говорит он. – Ну, если тебе что-нибудь понадобится…

Я улыбаюсь.

– Просто сказать *Константинополь*?

Он улыбается в ответ.

– Правильно. И я прибегу с командой спецназа и парой светошумовых гранат.

Я смотрю на него с нежностью. Вместе с этим человеком я так много пережила. Мой ангел-хранитель. Склонившись над мониторами, прижав наушники к ушам, он прислушивался сквозь треск к волшебному слову, которое разрушит всю иллюзию вокруг нас.

Даже когда недели превратились в месяцы, я ни разу не усомнилась в том, что, если он мне понадобится, то окажется рядом.

Я с самого начала знала, что они собираются сделать резкий поворот, который поможет мне прорваться сквозь секретность и паранойю Патрика и добиться его доверия. Они предлагали рассказать мне, что именно планируют, но я не хотела этого знать.

– Я среагирую немедленно, – сказала я им. – Использую все, что вы мне дадите. Так будет более достоверно.

Я даже не представляла, как далеко зайду. Но я опиралась на свой единственный предыдущий опыт любви из эмоциональной памяти, и было только одно место, куда вели меня эти мои инстинкты. *Три относительно неглубоких боковых разреза в левой локтевой ямке. Потребовалось бы несколько часов, чтобы истечь кровью.*

И то же самое, когда я мельком увидела Фрэнка в парке в тот день. Я не среагировала улыбкой или взмахом руки, но спросила себя, *что мой персонаж думает об это*м. Я использовала этот момент, чтобы заставить Патрика поверить – я все еще его подозреваю. И поэтому у него не было причин подозревать *меня*.

Давая ему крошечные намеки на свой внутренний мир, почти такой же извращенный и социопатический, как его собственный. Но всегда, всегда следуя сквозной линии, одной всеобъемлющей истине, которая заставляла моего персонажа все глубже погружаться в его объятия.

– Я все еще люблю его, – тихо говорю я.

– Кого? – Фрэнк хмурится, не понимая. – Этого ублюдка? Почему?

– Оказывается, Кэтрин была права – это нельзя просто снять вместе с макияжем. Я заставила себя войти в его голову. И какая-то часть меня не может оттуда выбраться.

Он какое-то время изучающе смотрит на меня.

– Скажи, Клэр, как далеко ты бы зашла? Я имею в виду, если бы нас там не оказалось. Ты смогла бы нажать на курок, выстрелить в ту девушку?

– Я думаю вопрос в том, где заканчивается игра, не так ли? – Я трясу головой. – Нет, конечно, не смогла бы.

Я говорю это так гладко, что даже сама была бы удивлена, обнаружив, что это ложь.

Потому что вопрос неправильный. Это совершенно неправильный вопрос. Фрэнк должен был спросить, что бы я сделала, если бы Патрик убил ее. Если бы я сломалась и в результате умерла от его рук. Или мы занимались бы любовью рядом с ее еще теплым трупом. Фрэнк сентиментален, как все американцы. Голливудская концовка, которую я ему даю, удовлетворит его, как упаковка попкорна с маслом.

Кто настоящая Клэр Райт? Та, что сидит здесь, держа свою драгоценную грин-карту и обменивается любезностями с человеком, который ее преподнес? Или та, которая влюбилась в темноту, что почувствовала глубоко внутри единственного мужчины, которого не смогла соблазнить? Что из этого спектакль: та, кем я была тогда, или та, кто я сейчас?

Некоторых парней захватывает сумрак, и они уже не могут его отпустить…

Фрэнк смотрит на меня как-то странно.

– Может, тебе стоит вспомнить, что говорят на съемках, Клэр?

– Да? – отзываюсь я. – И что же?

– Не рассчитывай на место.

– Верно, – говорю я, улыбаясь. – Не рассчитывай на место.

Я поднимаю бокал и произношу тост за Фрэнка. Странный взгляд, который он только что бросил на меня – беспокойство, смешанное со страхом, – упрятан куда-то глубоко.

Я использую его когда-нибудь.

И невидимая камера в моей голове медленно поднимается и уходит, освобождая нас. Наши голоса затихают на фоне болтовни в ночном нью-йоркском баре по мере того, как слово «Конец» на экране исчезает и начинаются титры.

Благодарности

Семнадцать лет назад под другим названием и другим именем я написал роман об актрисе, которой дали роль в операции под прикрытием. Он получил положительные отзывы, был опубликован в нескольких странах, а затем – как и многие книги – не смог продаться. У меня осталось чувство обиды – не на издателей, которые сделали все, что могли, а на себя. Я чувствовал, что отбросил интересную идею, не написав достаточно хорошую книгу.

Перенесемся теперь почти на два десятилетия вперед. Успех романа «Предшественница» позволил мне переиздать предыдущую книгу. Но я не хотел возвращать недостаточно хорошо написанное произведение читателям. Я хотел начать все сначала и написать его с нуля. Что я и сделал. Эта книга, построенная вокруг той же идеи, что и предыдущая, и даже содержащая некоторые сцены из написанной ранее, совершенно отличается по сюжету, характеристикам и структуре.

Переводы стихов Бодлера – мои собственные. Во многих случаях я взял на себя смелость опустить или сжать стихи, чтобы они соответствовали требованиям триллера. Ни в одном случае, однако, я существенно не исказил смысл.

В этом послесловии я благодарю за помощь профессора Чао Цзы Чэна, Майкла Уорда, Кларка Моргана, Антею Уилли, Мэнди Уилер, Йена Уайли, Шона Гриффитса, Брайана Иннеса, Сэма Норта и моего агента Карадока Кинга.

К этим именам я бы сейчас хотел добавить и имена Кейт Мисяк, Дэниз Кронин, Кары Уэлш и всей команды издательства Penguin Random House, а также Милли Хоскинс и Кэт Эйткин из United Agents. И Карадока Кинга – повторно.

Я также благодарю Тину Седерхольм и доктора Эмму Фергюссон за неоценимые советы по первому изданию. В нем я дал имя Дурбан самому порядочному, преданному и стойкому человеку, которого встречает Клэр, и посвятил книгу моему другу и коллеге Майклу Дурбану. Семнадцать лет спустя по тем же причинам я посвящаю ему новое издание романа.

---

notes

Примечания

1

Пер. с *англ*. Н. Емельянниковой, Э. Линецкой.

2

Цитата из фильма «Касабланка» (1942).

3

Каламбур. Производное слово от «закон» (англ. *law*) – «адвокат» (англ. *lawyer*), первый слог которого рифмуется с «парнем» (англ. *boy*) (*прим. ред.)*.

4

Здесь и далее «Сон в летнюю ночь» цитируется по переводу с английского Т. Щепкиной-Куперник.

5

Бодлер Ш. Хандра. Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, стихотворения цикла «Цветы зла» в переводе В. Шершеневича.

6

Там же.

7

Бодлер Ш. Хандра.

8

Бодлер Ш. Прохожей.

9

Бодлер Ш. Мученица.

10

Там же.

11

Бодлер Ш. Вино убийцы.

12

Бодлер Ш. Мадонне.

13

Бодлер Ш. Вступление.

14

Американский актер, режиссер и продюсер.

15

Бодлер Ш. Той, что слишком весела (пер. с *фр*. Лизы Колосовой).

16

Your mileage may vary *(прим. ред.)*.

17

Бодлер Ш. Хандра.

18

От названия знаменитого романа американского писателя Джозефа Хеллера. В нем описана ситуация, когда человеку предъявляют строгие и взаимоисключающие требования *(прим. пер.)*.

19

Бодлер Ш. Украшения (пер. с *фр*. Лизы Колосовой).

20

Американский шеф-повар французской кухни, соавтор книги «Осваивая искусство французской кухни», ведущая на американском телевидении *(прим. пер.)*.

21

Английская кулинарная писательница *(прим. пер.)*.

22

Бодлер Ш. Грустный мадригал (пер. с *фр*. Лизы Колосовой).

23

Бодлер Ш. Той, что слишком весела (пер. с *фр*. Лизы Колосовой).

24

Бодлер Ш. Сосредоточенность.

25

Шекспир У. Макбет (пер. с *англ*. Б. Л. Пастернака).

26

Бодлер Ш. Маска.